КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XIX.

Сентябрь.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штаммомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сентябрь, 1887 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31-го августа 1887 года.

Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ.

(Продолженіе) [1].

Апокрифическія сказанія о Божіей Матери, Спасителѣ и апостолахъ проникли глубоко въ украинскую народную словесность и, сочетавшись съ основными и коренными народно-поэтическими образами, мотивами и эпитетами, составили особый, своеобразный отдѣлъ народныхъ разсказовъ, повѣрій и пѣсенъ новозавѣтнаго апокрифическаго содержанія. Въ этотъ отдѣлъ входятъ разсказы и пѣсни чисто народные и церковно-схоластическіе, напримѣръ, многія колядки и почти всѣ псальмы. Историко-литературное и художественное значенія этого отдѣла народной словесности должны опредѣлиться изъ предстоящаго детальнаго разсмотрѣнія составныхъ его частей.

10.

Пресвятая Дѣва Марія.

Извѣстно, что чествованіе Богородицы развивалось въ христіанскомъ мірѣ постепенно. Въ первыя два, три столѣтія больше занимались моральной стороной христіанства; четвертый и пятый вѣка—были періодомъ догматическихъ опредѣленій христіанства. Первоначально «догма имѣла въ виду исключительно личность божественнаго Основателя христіанства, и Богоматерь занимаетъ вниманіе первыхъ отцовъ церкви только по своему отношенію ко Христу. Съ половины V столѣтія Богоматерь съ Младенцемъ становится популярнымъ изображеніемъ; только тогда чествованіе Мадонны, до тѣхъ поръ проявлявшееся спорадически, освящается авторитетомъ властей предержащихъ, получаетъ широкое, всехристіанское распростране-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1887 г. іюньско-іюльск. кн., стр. 215—268.

ніе»[1]). Мало-по-малу о личности Дѣвы Маріи слагаются многочисленныя апокрифическія сказанія, большею частью задушевныя и поэтическія. Гностицизмъ оказалъ вліяніе на развитіе апокрифическихъ сказаній о Богородицѣ[2]). Возникли апокрифическія евангелія, протоевангеліе Іакова, евангеліе Өомы, евангеліе Матөея о рожденіи Маріи и др.[3]). Въ апокрифическихъ евангеліяхъ съ большими или меньшими подробностями говорится о Дѣвѣ Маріи, ея родителяхъ, воспитаніи, благовѣщеніи, рождествѣ Спасителя, бѣгствѣ въ Египетъ. Въ IV и V вв. въ римской имперіи уже обнаружилось два потока поэтическаго творчества: ученый, согласный съ евангельскимъ текстомъ, и народный, опиравшійся главнымъ образомъ на апокрифическія сказанія. Эти потоки сливаются въ различныхъ пропорціяхъ въ духовной поэзіи и въ церковномъ искусствѣ народовъ новой Европы[4]). Римско-католическій культъ Мадонны въ средніе вѣка получилъ блестящее развитіе, литературное и художественное. «Міръ управляется своими идеалами, говоритъ Лекки, и рѣдко, или никогда не было идеала, который имѣлъ бы болѣе глубокое и въ цѣломъ болѣе благотворное вліяніе, чѣмъ средневѣковое представленіе Мадонны. Женщина въ первый разъ поднята была до своего полноправнаго положенія, и святость слабости была признана такъ же, какъ святость печали... Въ первый разъ была почувствована нравственная прелесть и красота женскаго достоинства. Новый характеръ былъ призванъ къ жизни; воспитывался новый родъ удивленія. Въ суровое, невѣжественное и помраченное время этотъ идеальный типъ внесъ представленіе нѣжности и чистоты, неизвѣстное самымъ гордымъ цивилизаціямъ прошедшаго. Въ страницахъ живой нѣжности, которыя монахъ-писатель составлялъ въ честь своей небесной покровительницы, въ тѣхъ милліонахъ людей, которые во многихъ странахъ и въ теченіи многихъ вѣковъ стремились образовать свои характеры по ея образцу, въ новомъ чувствѣ чести, въ рыцарскомъ уваженіи (къ женщинѣ), въ мягкости нравовъ и утонченности вкусовъ, которыя обнаружились

[1]) *Кирпичниковъ*, Сказанія о Дѣвѣ Маріи, стр. 17.

[2]) *Гартполь Лекки*, Исторія раціонализма въ Европѣ, т. I, стр. 168.

[3]) Подробное изслѣдованіе объ апокрифическихъ евангеліяхъ *Альбова* см. въ Христ. Чтеніи 1871 г.

[4]) *Кирпичниковъ*, стр. 25.

во всѣхъ слояхъ общества,—въ этомъ и во многомъ другомъ обнаруживается вліяніе религіозно-поэтическаго образа Мадонны. Все что было лучшаго въ Европѣ, жило и дѣйствовало подъ этимъ вліяніемъ, и оно было источникомъ многихъ чистѣйшихъ элементовъ нашей цивилизаціи» [1]).

Между восточными-византійскими, и западными-католическими представленіями Дѣвы Маріи обнаруживается значительное различіе. Чествованіе Богоматери на христіанскомъ Востокѣ не было окружено такою пышностью и обрядностью, какъ чествованіе Мадонны на Западѣ; въ литературномъ и художественномъ отношеніяхъ оно было значительно бѣднѣе и блѣднѣе послѣдняго; но за то оно всегда сохраняло характеръ высокой простоты, искренности, величія и святости, не было игрой личнаго произвола или каприза художниковъ, а по этому и не впадало въ приторный сентиментализмъ или пошлый реализмъ,—эти, всѣмъ извѣстные, недостатки западнаго, католическаго чествованія Мадонны.

Малорусскія сказанія о Богородицѣ сложились подъ вліяніями восточно-византійскимъ и западно-католическо-польскимъ. Апокрифы о Дѣвѣ Маріи проникли въ народную жизнь и словесность не въ видѣ чего-либо цѣльнаго и систематическаго, не въ формѣ стройныхъ сказаній, а въ видѣ краткихъ апокрифическихъ разсказовъ и преданій, отдѣльныхъ повѣрій, мелкихъ мотивовъ. Одни мотивы, упавъ на почву южнорусской схоластической литературы, не дали народно-поэтическихъ ростковъ; другіе, частью при посредствѣ этой литературы, большею частью независимо отъ нея, проникли въ самую глубь народа, вошли въ общій строй народнаго міросозерцанія и получили развитіе въ пѣсняхъ подъ вліяніемъ мѣстной, краевой жизни и мѣстной крестьянской психологіи. Повидимому, въ южнорусскій народъ проникли апокрифическія сказанія о Богородицѣ, встрѣчающіяся у отцовъ церкви и въ апокрифическихъ евангеліяхъ. Можно положительно утверждать, что крупными проводниками апокрифовъ о Богородицѣ въ простой нашъ народъ были сочиненія южнорусскихъ писателей второй половины XVII ст., Галятовскаго и Радивиловскаго и въ особенности Чети-Минеи св. Димитрія Ростовскаго.

---

[1]) *Лекки*, Ист. раціонализма, т. I, стр. 172.

Галятовскій составилъ нѣсколько проповѣдей на праздники Богородичные и нѣсколько сборниковъ чудесъ отъ иконъ Богородицы, преимущественно отъ иконъ купятицкой, печерской и елецкой. Найбольшей извѣстностью пользовалось «Небо новое», сборникъ 445 чудесъ Богородицы, расположенныхъ по 28 отдѣламъ: чудеса при рождествѣ св. Богородицы, во время ея пребыванія въ храмѣ, во время рождества Іисуса Христа, отъ Ея имени, отъ Ея перстня, надъ монахами, надъ больными и т. д. Въ началѣ «Неба» на л. л. 1—4 приведены пророчества Сивиллъ о 12 чудесахъ Богородицы [1]). Радивиловскій оставилъ нѣсколько проповѣдей на богородичные праздники въ «Огородкѣ Божіей Матери», причемъ обѣими руками черпалъ изъ католическихъ книгъ. Въ составленіи Малыхъ Четьихъ-Миней участвовали многіе южнорусскіе писатели второй половины XVII ст. Еще Петръ Могила сталъ собирать матеріалы для составленія сборника житій святыхъ на славянскомъ языкѣ; въ томъ же направленіи дѣйствовали немного позднѣе Иннокентій Гизель, Варлаамъ Ясинскій и въ особенности Димитрій Ростовскій, положившій на этотъ трудъ двадцать лѣтъ. Чети-Минеи выходили трехмѣсячіями, по мѣрѣ изготовленія, въ 1689—1695 и 1700—1705 годахъ. 28 августа 1689 г. архимандритъ кіево-печерской лавры Варлаамъ Ясинскій послалъ въ Москву трехъ-мѣсячную книгу житій святыхъ, и черезъ полъ-года, 14 марта 1690 г., онъ испрашивалъ у патріарха разрѣшенія продолжать печатать Чети-Минеи [2]). Апокрифическія черты о жизни и успеніи пресв. Дѣвы Маріи разсѣяны въ Малыхъ Чети-Минеяхъ въ разныхъ мѣстахъ, подъ 8 числомъ сентября, 21 ноября, 25 марта, 25 декабря, 2 февраля и 15 августа. Чети-Минеи Димитрія Ростовскаго, написанныя прекраснымъ, чистымъ языкомъ, проникнутыя глубокой вѣрой и благочестіемъ, сдѣлались любимымъ чтеніемъ благочестивыхъ русскихъ людей, и вошедшія въ Чети-Минеи апокрифическія сказанія о Богородицѣ получили широкій доступъ въ духовенство и народъ.

Извѣстно, что въ старинное время духовные писатели обнаруживали большую наклонность къ сопоставленіямъ и сравненіямъ новозавѣтныхъ лицъ и событій съ ветхозавѣтными лицами и собы-

---

[1]) Подробности см. въ моемъ соч. о Галятовскомъ, стр. 43—46.

[2]) *Архивъ* минист. иностр. дѣлъ. Малорос. дѣла, связки 80 и 82.

тіями. Эта наклонность въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ поддерживалась и воспитывалась въ духовенствѣ сочиненіями отцовъ церкви и преимущественно Палеей. Разсказы древнихъ и священныхъ еврейскихъ книгъ объяснялись, какъ тѣнь и прообразъ христіанскихъ событій. Такого рода объясненія мы постоянно находимъ у южно-русскихъ писателей, начиная отъ митроп. Иларіона и Кирилла Туровскаго и кончая Галятовскимъ и Радивиловскимъ. Пр. Дѣва Марія издавна вошла въ кругъ этого литературнаго параллелизма лицъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ. Еще отцы церкви, опровергая еретиковъ эбіонитовъ, не признававшихъ дѣвства Маріи, доказывали необходимость его тѣмъ соображеніемъ, что дѣва (Ева до грѣхопаданія) погубила міръ; дѣва потому должна была послужить и орудіемъ спасенія [1]). Уже Ириней (II вѣка) сопоставляетъ пр. Дѣву Марію, какъ спасительницу человѣчества, съ Евой, бывшей причиною его гибели, и это сопоставленіе съ теченіемъ времени получаетъ широкое развитіе. Въ апокрифическомъ евангеліи Іакова, извѣстномъ и въ древней Россіи въ отрывкахъ, архангелъ Гавріилъ обращается къ пр. Дѣвѣ Маріи съ такими словами: «Не бойся, Марія, не поткнеши бо ся ты, яко Евва. Отъ Еввы бо смерь бысть, а отъ тебе воскресеніе мертвыхъ; отъ Еввы плодъ смертоносный, а отъ тебе крестъ животворящій; отъ Еввы лесть, а отъ тебе любовь; отъ Еввы разлученіе человѣкомъ отъ Бога, а отъ тебе совокупленіе несказанно; отъ Еввы мрачный сонъ адовъ, а изъ тебя свѣтлый свѣтильникъ всему міру; отъ Еввы клятва, а отъ тебя благословеніе; отъ Еввы осужденіе, а отъ тебя отданіе; отъ Еввы скорбъ, а отъ тебя радость и вѣра; отъ Еввы слезы, а отъ тебя рѣка воды живы, отъ Еввы трудъ, а отъ тебя покой; отъ Еввы тернородная земля, а отъ тебя троичная жизнь; отъ Еввы братоненавидѣніе, а отъ тебя человѣколюбіе; отъ Еввы потопъ, а отъ тебя баня безсмертія; отъ Еввы убійство, а отъ тебя мертвыхъ воскресеніе» [2]). Вообще, въ сочиненіяхъ многихъ старинныхъ церковныхъ писателей о Богородицѣ говорится, какъ о второй Евѣ, прародительницѣ освобожденнаго человѣчества.

Рядомъ съ сопоставленіемъ Богородицы съ Евой и независимо отъ него шло прославленіе пр. Дѣвы въ литературныхъ сказаніяхъ,

---

[1]) *Кирпичниковъ*, Сказанія о житіи дѣвы Маріи, стр. 19.

[2]) *Пыпинъ*, Памят. стар. рус. литер., т. III, стр. 76.

въ пѣснопѣніяхъ и въ живописи. Благочестиво настроенная фантазія и глубоко проникнутое религіозностью чувство искали во всемъ мірѣ, физическомъ и моральномъ, образовъ и красокъ для прославленія пр. Дѣвы. Естественно напрашивалось сравненіе пр. Дѣвы съ цвѣтами, какъ наиболѣе изящными произведеніями земли, а изъ цвѣтовъ, разумѣется, съ самыми красивыми и благоухающими, съ розой и лиліей. Символическое толкованіе Библіи усмотрѣло указаніе па пр. Дѣву въ словахъ Ездры V, 24—25: «О владыко Господи, отъ всѣхъ дубравъ земли и отъ всѣхъ древесъ ея избралъ еси виноградъ единъ... И отъ всѣхъ цвѣтовъ вселенныя избралъ еси себѣ кринъ единъ». Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ пр. Дѣва называется «криномъ благоуханнымъ».

Южнорусская схоластическая проповѣдь, какъ извѣстно, чрезвычайно любила всякаго рода параллелизмы, символы и аллегоріи, и въ ней нашло мѣсто сопоставленіе пр. Дѣвы Маріи съ цвѣтами, преимущественно съ лиліей.

Сравненіе Богородицы съ Евой встрѣчается, между прочимъ, въ «Огородкѣ» Радивиловскаго въ первомъ словѣ о непорочномъ рожденіи пр. Дѣвы Маріи отъ Іоакима и Анны: «Яко правѣ Евва, не послушною будучи, сталася и себѣ и всему рожаю людскому причиною смерти, такъ и преблагословенная Дѣва Марія, послушная, и себѣ и всему рожаю людскому сталася причиною спасенія.»

Въ особенности по вкусу схоластическихъ проповѣдниковъ семнадцатаго вѣка пришлось сравненіе пр. Дѣвы съ цвѣтами. Это было еще самое естественное и простое изъ сравненій Богоматери съ предметами физическаго міра, къ какимъ прибѣгали южнорусскіе проповѣдники схоластическаго направленія. Радивиловскій посвятилъ цѣлую проповѣдь на сравненіе пр. Дѣвы съ лиліей, именно въ «Огородкѣ» третье слово на Введеніе пр. Богородицы во храмъ. «Первое подобенство пр. Дѣвы Маріи до лѣлѣи, же лелѣя жадныхъ на себѣ не маетъ макулъ, которыи бы піенкность еи нарушали... Второе—лѣлѣи суть бѣлыи и червоныи... Пр. Дѣва Марія бѣлая, иле до невинности первороднои, есть тежъ и червона, иле до встыду дѣвическаго... Потрете, маетъ и тое до себе лѣлѣя, же межи зеліями не маетъ плодовитшаго надъ лелѣю, албо вѣмъ зъ едного корня пятьдесятъ пущаетъ головокъ, яко пишетъ Плиніушъ... Въ Маріи... насине (добра и благодати) принесло плодъ тридесятый, шестиде-

сятый и сторакій... Опустивши иншія многія власности, которыми есть лѣлѣя оздобленая, тое мовлю, ижъ жадного цвѣту большаго и высшаго немашъ надъ лѣлѣю, бо ведлугъ Плиніуша въ три локтя растетъ выше надъ иншіи цвѣты, и для того старожитныи лѣлѣю назвали цвѣтомъ царскимъ».

Религіозно-поэтическія сравненія пр. Дѣвы Маріи съ Евой и со цвѣтами, въ частности съ лиліей, проникли въ южнорусскій народъ, были имъ своеобразно истолкованы и выразились въ словесности южнорусскаго народа въ формѣ любопытныхъ сказаній о томъ, что Богъ создалъ пр. Дѣву Марію въ началѣ свѣта изъ цвѣтовъ, и въ формѣ темныхъ пѣсенъ о близости пр. Богородицы къ лиліи и маку. Въ народѣ распространенъ своеобразный апокрифъ, что Богъ создалъ перваго человѣка съ кожей роговой, а первую женщину изъ цвѣтовъ. Но Адаму женщина эта не понравилась, и онъ просилъ Бога дать ему другую подругу жизни, не столь нѣжную. Тогда Богъ цвѣтную дѣвушку взялъ къ себѣ, а для Адама создалъ Еву, изъ его ребра, также съ роговымъ тѣлеснымъ покровомъ. Послѣ грѣхопаденія прародителей они потеряли роговой покровъ, остаткомъ котораго служатъ только ногти. Дѣвѣ изъ цвѣтовъ суждено было стать впослѣдствіи пресв. Дѣвой Маріей и Богоматерью. Ева была причиной грѣхопаденія; и дѣвѣ изъ цвѣтовъ предопредѣлено было въ лицѣ Богородицы сдѣлаться источникомъ спасенія человѣчества [1]). Существованіемъ въ народѣ разсказа о тождествѣ Богородицы съ первой цвѣтной дѣвой объясняются нѣкоторыя на первый взглядъ странныя сравненія пр. Дѣвы Маріи съ розой, мальвой и лиліей въ колядкахъ и щедривкахъ, напримѣръ, въ малор. колядкѣ у Чубинскаго т. III, стр. 374. Повидимому, апокрифическая дѣва изъ цвѣтовъ скрывается въ слѣдующей темной колядкѣ:

Рожденная мати, небеська царыця,
Радуйся, пречиста, прекрасна царыця!
Дива обрадованная Христа породила
И за Евою, за Адамомъ слидкома ходила,
Выплакала за насъ гришныхъ, якъ мати едина...
Ты красна панна зъ высокого маку,
Не дай же намъ загинуть зъ великого страху.

(Чуб., т. III, стр. 333).

[1]) *Nowosielski*, т. II, стр. 5—6, *Чубинскій*, т. I, стр. 145—146.

А. Н. Веселовскій въ резенціи на «Труды Этн. Стат. Экспедиціи» П. П. Чубинскаго въ отчетѣ о XX присужденіи наградъ графа Уварова обратилъ вниманіе на своеобразное преданіе о сотвореніи «жинки зъ цвиту». Онъ предполагаетъ, что источникъ этого преданія «скрывается въ какомъ нибудь христіанскомъ апокрифѣ». Я уже замѣтилъ, что преданіе это могло возникнуть изъ краткихъ сравненій и украшающихъ эпитетовъ пр. Дѣвы въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ. Г. Веселовскій сопоставляетъ малорусскій разсказъ о цвѣтной дѣвѣ съ французскимъ стихотвореніемъ XII вѣка о Фануилѣ; но содержаніе послѣдняго слишкомъ своеобразно, и вовсе не объясняетъ малорусской сказки о цвѣтной дѣвѣ. Ближе къ малорусскому сказанію другая французская легенда, приводимая г. Веселовскимъ. Эта краткая легенда упоминается, какъ отреченная, въ одной поэмѣ «Sur la Conception» (о зачатіи)[1]).

11—12.

Благовѣщеніе и звѣзда пр. Богородицы.

Въ древнѣйшемъ новозавѣтномъ апокрифѣ, протоевангеліи Іакова (начала II вѣка) первое благовѣстіе происходитъ у колодца, когда пр. Дѣва Марія вышла почерпнуть воды. Пр. Марія услышала гласъ ангельскій: «Радуйся, возрадованная! Господь съ тобою; благословенна ты въ женахъ», но самаго ангела не было видно, и затѣмъ вскорѣ слѣдуетъ другое благовѣщеніе, по евангельскому тексту[2]). Этотъ мотивъ повторяется въ одномъ старинномъ галицко-русскомъ казаньѣ на Рождество Христово: «Гды

---

[1])
Anne de Bethleem fu nee,
De flour ne fu pas engenree,
Ce saichiez nous certainement,
Mais d'omme conseue charnellement.
Celles et cil soient confondu
Qui croient un roman qui fu,
Qui dist que flour fust venue
Sainte Anne et engeneue (*Записки* Акад. Н. т. 37, с. 183).

Догматическая основа этого стиха—латинское ученіе о дѣвственности св. Анны, матери Богородицы.

[2]) *Кирпичниковъ*, Сказанія о житіи Дѣвы Маріи, стр. 36.

Христосъ Сынъ Божій оутѣлилъ ся и оуишолъ Духомъ святымъ у пречистую Панну, тогда пресв. Богородица стояла у колодязя, хотѣла почерпать воды оу сосудъ. И ту пришелъ ангелъ Господень къ неи и рече: Радуйся, обрадованная, Господь съ тобою, днесь пополнишися Духа святаго. А Она обозритъ ся на ангела и увидѣла звѣзду великую»[1]... Этотъ мотивъ изрѣдка встрѣчается въ народныхъ духовныхъ стихахъ, напр. у Чуб., т. III, стр. 11.

Съ апокрифическимъ сказаніемъ о первомъ благовѣщеніи у колодца тѣсно связано апокрифическое сказаніе «о звѣздѣ, которую маетъ пр. Богородица на себѣ». Во время перваго благовѣщенія «звѣзда, пришедши къ неи, сѣла на головѣ еи, а потомъ зъ голови сѣла на правомъ плечи, а потомъ зъ праваго плеча изступила на лѣвое плече, а зъ лѣваго зышла снову на голову, а зъ головы уступила во уста и ту ся Пречистая наполнила радости великои и тогда во утробѣ своей зачала Сына Божія, и то та звѣзда пребывала въ Ней при отрочати, дондеже породила Христа». Далѣе говорится, что надъ колодцемъ, гдѣ произошло первое благовѣщеніе, построена «церковь великая, каменная, пречудная», и надъ ней дважды въ годъ всходитъ свѣтлая звѣзда, въ ночь Рождества Христова и на Благовѣщеніе пр. Богородицы. Звѣзда входитъ черезъ южное окно въ церковь, погружается въ колодезь и затѣмъ удаляется изъ церкви. Когда Спаситель родился, то звѣзда стала на головѣ пр. Богородицы и бросила свои лучи на Ея плечи. Послѣ воскресенія Спасителя пр. Богородица съ звѣздой на головѣ пришла къ Пилату. Пилатъ хотѣлъ взять звѣзду рукой; но рука его при этомъ оцѣпенѣла. Тогда Пилатъ увѣровалъ во Христа, вмѣстѣ съ своею женою и двумя сыновьями, и впослѣдствіи пострадалъ мученической смертью. При этомъ въ апокрифѣ находится любопытная фраза, что Пилатъ о своемъ обращеніи «пише широце въ житіи своемъ»[2]). Эпизодъ о Пилатѣ, заключающійся въ галицко-русскомъ апокрифѣ о звѣздѣ, представляетъ любопытное дополненіе къ апокрифическому «Посланію Пилата къ Тиверію», изданному А. Н. Пыпинымъ по рукописямъ XV—XVI в.[3]).

---

[1]) *Калитовскій*, Матер. до литер. апокр., стр. 14.

[2]) Тамъ-же, стр. 16.

[3]) *Пыпинъ*. Памят. стар. рус. лит., т. III, стр. 107—108, 103—104.

Апокрифическое сказаніе о звѣздѣ выросло, вѣроятно, изъ топографическихъ или живописныхъ традицій и комментаріевъ. Г. Елисѣевъ въ сочиненіи «Съ русскими паломниками на св. землѣ весною 1884 г.» говоритъ, что и въ настоящее время проводники сообщаютъ странникамъ много мѣстныхъ преданій и разсказовъ о палестинскихъ святыняхъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ эти разсказы вошелъ также колодезь, около котораго произошло первое благовѣщеніе, вошелъ, можетъ быть, еще въ старое время.

Изображеніе звѣзды надъ головой пр. Богородицы встрѣчается въ древнихъ памятникахъ христіанской живописи въ катакомбахъ [1]).

Въ апокрифѣ о звѣздѣ находится одинъ частный эпизодъ, составленный несомнѣнно подъ вліяніемъ иконописи: «Слыши пильно о тихъ звѣздахъ, которыя теперь видимо пишутся на шатѣ пр. Матки Божой. На Пречистой три звѣзды, яко на небѣ... Христосъ... лишилъ пресвятой матери своей таковые знаки предивные три, абы то знали, ижъ то Она есть Матка Божа и царица небесная и земная всего свѣта» [2]).

Южно-русскіе схоластическіе проповѣдники воспользовались апокрифомъ о звѣздѣ пр. Богородицы, такъ какъ апокрифъ этотъ какъ нельзя болѣе подходитъ подъ схоластическія «циркумстанціи» или «околичности» для расширенія проповѣди и какъ нельзя болѣе удовлетворялъ наклонности проповѣдниковъ XVII вѣка къ искусственнымъ сопоставленіямъ священныхъ лицъ съ предметами физическаго міра. Такъ Галятовскій цѣлую проповѣдь построилъ на перечисленіи тѣхъ звѣздъ, изъ которыхъ пр. Дѣва Марія сдѣлала себѣ корону [3]).

13.

Рождество Іисуса Христа.

А. Н. Пыпинъ въ III т. Памятн. стар. рус. литер. издалъ апокрифъ о Рождествѣ Іисуса Христа, по Румянцевскому Торжественнику конца XV ст. Въ началѣ апокрифа находится длинное разгла-

---

1) *Seemann*, Kunsthist. Bilderbogen, № 331.

2) *Калитовскій*, стр. 16.

3) *Галятовскій*, Ключъ Разумѣнія. Второе казане на Успеніе пр. Богородицы.

гольствованіе на тему: «Возсія, намъ днесь праведное солнце», затѣмъ слѣдуетъ пространное сравненіе пр. Богородицы съ Евой, краткое замѣчаніе о звѣздѣ и волхвахъ и многорѣчивое разсужденіе по поводу Рождества Христова, наконецъ, съ половины апокрифа говорится о Рождествѣ Христовѣ, путешествіи Іосифа съ Маріей въ Виѳлеемъ, вертепѣ, бабѣ Саломіи, волхвахъ и избіеніи младенцевъ.

Вторая часть апокрифа о Рождествѣ Іисуса Христа вошла въ старинное малорусское «Казаня на Рождество Христово», сохранившееся въ рукописномъ сборникѣ во Львовѣ въ библіотекѣ Оссолинскихъ и изданное въ 1884 г. г. Ом. Калитовскимъ. Сравнивая эго «Казаня» съ апокрифомъ, изд. Пыпинымъ, мы видимъ, что неизвѣстный проповѣдникъ приспособилъ апокрифъ къ понятіямъ своихъ слушателей, темное устранилъ, недостаточно ясное снабдилъ небольшими комментаріями, и все Казаня изложилъ довольно простымъ языкомъ. На этомъ Казаньѣ можно видѣть, какъ приспособлялось книжными людьми инородное и иноземное къ быту и понятіямъ апороднаго народа, какъ націонализировались захожія повѣсти. Апокрифическія пѣсни могли возникнуть только изъ такого предварительнаго приспособленія книжныхъ сказаній къ южно-русской почвѣ.

«За панованя и за королевства Августа, кесаря благочестиваго и побожнаго, былъ розказъ по всей вселенной, абы было переписано царство его»—такъ начинается малорусская редакція апокрифа о Рождествѣ Спасителя, и затѣмъ слѣдуетъ сходный съ евангельскимъ текстомъ разсказъ о путешествіи Іосифа и пр. Маріи въ Виѳлеемъ. Въ этотъ разсказъ вставленъ слѣдующій эпизодъ: «А коли ишолъ дорогою, видѣлъ Іосифъ Марію: ово ся смѣе, ово плаче. И рече Іосифъ: «Маріе, что се чинишь... Рече ему Пречистая: о, Іосифе, вижу на свѣтѣ двое людеи; еднии ся смѣють, а другіе горко плачутъ; то и я, которые ся смѣютъ, и съ тыми ся смѣю и радую, а которые плачутъ, и я съ ними плачу и смучу ся» (Калит., стр. 12). Этотъ эпизодъ почти дословно повторяется въ апокрифѣ у Пыпина, т. III, стр. 78. Въ Казаньѣ только расширено немного обьясненіе пр. Дѣвы, что она участвуетъ въ радостяхъ и горестяхъ людей.

Въ апокрифѣ говорится: «егда быша посреди пути идуща, и рече Марія Іосифу: «ссади мя съ осляти сего, яко сущее во мнѣ нудитъ мя, изыти хотя. И ссади ю Іосифъ». Въ Казаньѣ эго мѣсто

повторяется почти дословно, и затѣмъ слѣдуетъ любопытное добавленіе: Іосифъ помогъ пр. Дѣвѣ Маріи сойти на большой и плоскій камень, лежавшій на дорогѣ. Ноги пр. Богородицы погрузились въ камень, «яко у тѣсто; познавъ бо и камень безумный на себѣ Творца своего... И ту до днесь лежитъ той камень, а въ немъ стопи ногъ пр. Богородицы, и тамъ теперь опочивокъ страннымъ и изъ подъ того камня истекла керныця, пречудная, и вода ея есть бѣла, яко млеко, и сладка, яко медъ... и тутъ стоитъ церковь во имя ея святое» (Калит., стр. 12).

Въ апокрифѣ говорится только, что Іосифъ нашелъ вертепъ и ввелъ въ него пр. Богородицу (Пыпинъ, 78). Въ Казаньѣ это выраженіе снабжено комментаріемъ: «Ту увидѣла Пречистая вертепъ, погребъ или шопу, старое становиско нѣякоесь, гдѣ пастухи скотъ или овцы запирали. А въ томъ вертепѣ тогди не было ничего: только нѣкоторые пастухи виѳлеемскіе лишили при яслехъ вола и осла, а сами пошли за овечками въ поле». Когда родился Іисусъ, тогда «оубогая стайня внетъ ся наполнила предивнаго» (Калит., стр. 13).

Далѣе и въ апокрифѣ, и въ Казаньѣ слѣдуетъ разсказъ о бабкѣ Саломіи, явившейся въ вертепъ по зову ангела. Эпизодъ о томъ, почему отсохла у Саломіи рука и какимъ образомъ Саломія получила исцѣленіе, находящійся въ апокрифѣ, въ Казаньѣ не встрѣчается. Составитель Казанья, лице духовное, должно быть, счелъ этотъ эпизодъ неумѣстнымъ.

Извѣстно, что народъ обнаруживаетъ большую наклонность къ олицетворенію отвлеченныхъ понятій, силъ и явленій природы, болѣзней и даже большихъ праздниковъ. Олицетвореніе возникало не только въ связи съ обожествленіемъ предмета, какъ было въ древности, но и самостоятельно, изъ цѣлей лучшаго пониманія предмета, найболѣе полнаго и отчетливаго его представленія, для развлеченія и удовольствія, такъ какъ человѣкъ сочувственно можетъ отнестись къ внѣшнему міру, лишь приблизивъ его къ своей духовной личности. Въ кругъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ олицетвореній вошелъ праздникъ Рождества Христова, въ интересахъ найболѣе отчетливаго прославленія его въ ряду другихъ большихъ праздниковъ зимняго времени. Такъ, въ одной колядкѣ:

Да выросло дерево тонке да высоке,
А на тому древу да намалевано́,

А намалевано а три святители:
Шо первый святитель—святе Рожество,
Другій святитель—то жъ святый Василій,
А третій святитель—то жъ Иванъ Христытель.
(Чуб., т. III, стр. 338).

Въ этихъ трехъ святителяхъ съ одной стороны выразились желаніе народа прославить сразу три крупныхъ зимнихъ праздника, а съ другой стороны выразился излюбленный народно-поэтическій пріемъ троенія мысли или предмета.

Весьма своеобразное олицетвореніе Рождества обнаруживается въ слѣдующей колядкѣ:

А вси святыи ослономъ сили;
Тилько нема святого Риздва.
Рече Господь святому Петру:
«Петре, Петре, послуго моя,
Пиди, принеси святее Риздво!»
Не выйшовъ Петро якъ пивъ дороги,
Здыбало Петра чудо чудное,
Чудо чудное, вогнемъ страшное!
Петро жахнувся, назадъ вернувся,
Рече Господь до святого Петра:
«Ой Петре, Петре, послуго моя,
Чомъ ты не принисъ святее Риздво?»
«Ой здыбало мене чудо чудное»...
«Ой, не есть то, Петре, нияке чудо,
А то есть святе Риздво;
Було его взяти, Петре, на руки,
Сюды принести, на стилъ покласти;
Зрадовались бы вси святыи,
Що передъ ними Риздво сило».
(Чуб., т. III, стр. 351).

Можетъ быть подъ «чудомъ чуднымъ» колядки скрывается древнее языческое божество, въ другихъ случаяхъ скрывающееся подъ словомъ Крачунъ, Керечунъ, Карачунъ, причемъ самое слово Крачунъ или Керечунъ, вѣроятно, румынскаго происхожденія [1]).

[1]) См. ст. *Шухардта*, въ „Archiv'ѣ Ягича“ 1886 г., т. III, стр. 526.

Евангельское повѣствованіе о Рождествѣ Спасителя (отъ Луки гл. 2) отличается краткостью. Апокрифическія сказанія даютъ дополнительныя черты, почти всецѣло вошедшія въ народную поэзію, преимущественно колядки и щедривки. Уже на древне-христіанскихъ саркофагахъ являются оселъ и быкъ при Рождествѣ Христовѣ. Къ IX вѣку на востокѣ и западѣ пользуется огромною популярностью форма изображенія Р. Х., гдѣ главныя дѣйствующія лица изображены такимъ образомъ: въ горѣ пещера, въ пещерѣ ясли, въ которыхъ лежитъ Христосъ: надъ Нимъ головы осла и быка. Богоматерь лежитъ на одрѣ, лицемъ къ зрителю. Іосифъ сидитъ внизу въ раздумьѣ, либо грусти, или же въ дремотѣ [1]). Извѣстно, какъ традиціонные оселъ и быкъ послужили великимъ италіанскимъ художникамъ, напр., Корреджіо. Въ Чети-Минеяхъ Димитрія Ростовскаго говорится, что къ яслямъ привязаны были волъ и оселъ. Ихъ привелъ Іосифъ изъ Назарета. На ослѣ ѣхала пресвятая Дѣва, а вола Іосифъ привелъ на продажу, чтобы было чѣмъ уплатить царскую подать и содержать себя въ Виѳлеемѣ и въ дорогѣ. Сіи то безсловесныя животныя, стоя при ясляхъ, дыханіемъ своимъ согрѣвали Младенца отъ зимней стужи и такимъ образомъ служили Владыкѣ и Творцу своему. Этотъ разсказъ изъ Чети-Миней проникъ въ народъ и произвелъ сильное впечатлѣніе на народную мысль, такъ что въ духовныхъ стихахъ и легендахъ малорусскаго народа онъ передается почти съ дословною вѣрностью. Такъ, въ одномъ разсказѣ, записанномъ въ подольской губерніи говорится: «Ото якъ находився Господь та лежавъ у ясляхъ, то вилъ не нарушавъ зъ яселъ жадного стебла, а ще дыхавъ и загривавъ Бога... Ото жъ то Божа Мати и сказала: «будешь же ты, добрый воле, завсегда въ Бога сытый» (Драг., стр. 109). Въ литинскомъ уѣздѣ записано повѣрье, что волы и ослы благословенны Богомъ за то, что укрывали Спасителя въ ясляхъ соломой и согрѣвали Его (Чуб. т. I, втр. 48). Отсюда произошло повѣрье, что рогатый скотъ наканунѣ Р. Х. получаетъ способность говорить человѣческимъ голосомъ (Ibid., стр. 48). Колядка, записанная въ бердичевскомъ уѣздѣ и вошедшая въ III т. «Трудовъ» Чубинскаго, стр.

---

[1]) *Кирпичниковъ*, Миніатюры часослововъ, въ „Худож. Новост.“, 1883 г., № 16.

340—341, представляетъ любопытный образчикъ стихотворной передѣлки чети-минейнаго сказанія:

Скинія вся златая—
Ковчегъ завита,
Выдить днесь Марія
Сына повита.
Радуйся Марія!
Волъ и оселъ, дышуще,
Хвалы воздаютъ,
Озябшого въ ясляхъ
Парою гріють...

Сравненіе Богоматери съ кивотомъ завѣта также взято изъ Чети-Миней. Здѣсь говорится о Кивотѣ въ святая святыхъ іерусалимскаго храма, какъ о прообразѣ Маріи Дѣвы. Такимъ образомъ первыя четыре строки составлены на основаніи одного чети-минейнаго сравненія подъ 21 ноября; слѣдующія затѣмъ пять строкъ изъ чети-минейнаго сказанія о Р. Х. подъ 25 декабря, а остальная часть колядки о поклоненіи волхвовъ, нами опущенная, составлена также на основяніи чети-минейнаго сказанія о Рождествѣ Спасителя. Изъ этого примѣра достаточно ясно видно, какое важное значеніе имѣли Чети-Минеи на возникновеніе и развитіе малорусскихъ колядокъ духовнаго содержанія.

Чети-Минейное сказаніе о присутствіи вола и осла при Р. Х. въ малорусскихъ колядкахъ встрѣчается въ разныхъ пересказахъ, иногда довольно курьезныхъ, напримѣръ:

Да зъихалось да три волы,
Да три волы, три буйвалы,
Ой стали вони да чмохати, гадати,
Чимъ сее дзецько даровати:
Одинъ даруе муромъ, кадиломъ,
Другій даруе золоту квиточку.

(Чуб. т. III, стр. 355).

Отъ апокрифнаго вола при Р. Хр. произошелъ часто встрѣчающійся въ колядкахъ мотивъ:

Озьму вола за ригъ,
Та выведу на муригъ,
Та выкручу ему ригъ.

Такъ какъ рождественскіе праздники—время веселья и самыя колядки служитъ нынѣ для увеселенія, то въ нѣкоторыя духовныя колядки проникъ праздничный разгулъ и вольность въ выраженіи религіозныхъ чувствъ, напр., въ колядки, находящіяся въ «Трудахъ» Чубинскаго, т. III, стр. 376, 377, «коло яселъ старый Осипъ оберемкомъ сино носыть». Нужно впрочемъ сказать, что духовныхъ пѣсенъ съ ироническимъ отношеніемъ къ священнымъ лицамъ и событіямъ весьма мало. Въ нѣкоторыхъ колядкахъ волы при ясляхъ считаются ангельскими превращеніями или прямо замѣняются ангелами, напр.: «надъ яслами волы стояли; то жъ не волы, то два янголы» (Чуб., т. III, стр. 323). Огромное большинство колядокъ создано съ цѣлью:

Навчить диты малии
Книги читати, въ церковь ходити,
Святе Рожество праздникомъ чтити,
Батька, матинку вирне любити.
(Чуб., т. III, стр. 385).

Въ связи съ апокрифическими сказаніями о Р. X. находится одинъ небольшой эпизодъ въ повѣсти Г. Ѳ. Квитки «Панна Сотниковна». Въ святъ-вечеръ панъ сотникъ любовно объясняетъ своему сыну, что кутью и узваръ въ это время ѣдятъ на сѣнѣ, т. е. положивъ на столъ сѣно, въ воспоминаніе того, что Іисусъ родился въ ясляхъ на сѣнѣ.

На западѣ подъ вліяніемъ религіознаго сантиментализма уже въ средніе вѣка развились литературныя и художественныя формы обожанія Христа Маріей Дѣвой и Іосифомъ. Марія стоитъ передъ Христомъ на колѣняхъ—таково обычное изображеніе на старинныхъ картинахъ и на миніатюрахъ[1]). Этотъ элементъ обожанія Христа Матерью проникъ въ Чети-Минеи, а отсюда въ малорусскіе духовные стихи, напр.:

А пресвятая Дѣва Марія едына,
А просила ласки у свого сына.
(Чуб., т. III, стр. 348).

Въ евангеліи отъ Луки гл. 2 кратко говорится, что пресвятая Дѣва Марія «*роди сына своего первенца и повитъ его и положи*

[1]) *Кирпичниковъ*, въ „Худож. Листкѣ“ 1883 г., № 16.

его въ яслехъ». Въ Чети-Минеяхъ говорится, что пр. Дѣва обвила сладчайшаго своего Сына бѣлыми, чистыми, тонкими пеленами, еще прежде приготовленными ею въ Назаретѣ. Въ малорусскихъ колядкахъ это перифразируется слѣд. словами:

А биленькіи пелюшечки сповивала,
А зъ девятого шовку сповивачикъ сукала,
А зъ сребла-злата приголовочокъ прикладала.
(Чуб., т. III, стр. 324).

Мале дитя на престоли положила,
Надъ тымъ дитямъ три свички засвитыла (Ibid., стр. 325).

Тамъ Пречиста у крижмове сповила,
А сповивши въ василечки вложила (Ibid., стр. 327).

Поэтическимъ распространеніемъ этого мотива являются колядки, въ которыхъ Богородица бѣлитъ ризы на Дунаѣ; вѣтеръ уноситъ ихъ подъ небеса, а тамъ принялъ ихъ самъ Господь (Чуб., т. III, стр. 329; Голов., т. II, стр. 90).

14

Поклоненіе волхвовъ.

Въ галицко-русскомъ рукописномъ сборникѣ апокрифическихъ статей, въ Казаньѣ на Рождество Христово, находится пространное сказаніе о поклоненіи волхвовъ. Пророкъ Валаамъ оставилъ свои пророческія книги тремъ персидскимъ царевичамъ, которые учились у него звѣздочетству, и просилъ ихъ слѣдить за появленіемъ на небѣ «звѣзды отъ Іакова», упоминаемой въ Библіи. Царевичи, по именамъ Кашперъ, Еліамъ и Еликуръ, потомъ счастливо управляли Персіей.... «Единои нощи, гди онии три цари, читаючи книги..... издремали ся и, не угашаючи свѣчи, приснули мало, и видѣли во снѣ, якобы стоятъ усѣ три у божници своеи передъ своею богинею Уріею, и здалося имъ, яко бы пришла звѣзда барзо великая, и чудная, и пресвѣтлая вельми и уишла у божницу ихъ окномъ полунощнымъ и освѣтила всю божницу, яко слонце, и походила довго по божници и по всѣхъ богиняхъ, и пришла до старшеи ихъ богини Уріи и сѣла на головѣ», потомъ перешла на правое плечо, затѣмъ на лѣвое, снова поднялась

на голову и вошла во уста, побывши не долгое время въ Уріи, звѣзда вышла изъ капища южнымъ окномъ. Всѣ идолы при этомъ упали и разсыпались въ прахъ, и осталась одна Урія. Посовѣтовавшись другъ съ другомъ и съ главнымъ жрецомъ, они отправились на поклоненіе божественному Младенцу въ Виѳлеемъ[1]).

Все это сказаніе объ Уріи и персидскихъ царяхъ построено на апокрифическомъ сказаніи Афродитіана, которое издано Н. С. Тихонравовымъ и А. Н. Пыпинымъ по рукописямъ XIII вѣка. Въ древней Россіи сказаніе Афродитіана пользовалось значительной популярностью, и Максимъ Грекъ написалъ противъ него обличительное слово. Въ сказаніи Афродитіана говорится объ Ирѣ=Ураніи=Маріи и паденіи идоловъ во время Рождества Христова. Разница между этимъ апокрифомъ и сходнымъ съ нимъ Казаньемъ состоитъ въ собственныхъ именахъ. Въ Казаньѣ нѣтъ ни Афродитіана, ни имени жреца Прупа, но за то поименовываются цари, чего нѣтъ въ апокрифѣ. Въ апокрифѣ является одинъ царь; онъ посылаетъ волхвовъ. Въ Казаньѣ видвинута подробность о явленіи звѣзды. Вообще, Казанье опирается на редакцію Сказанія Афродитіана, отличную отъ извѣстной по изданіямъ Пыпина и Тихонравова.

О поклоненіи волхвовъ говорится во многихъ колядкахъ, причемъ обнаруживаются черты сходства колядокъ этого рода съ апокрифическимъ Казаньемъ львовскаго рукописнаго сборника. Въ колядкахъ обычно выраженіе «три цари прийшло» (Чуб., т. III., стр. 324 и др.); иногда встрѣчаются вмѣсто царей три ангела и даже три вола. Цари дарятъ Іисусу «мvро, кадило и цвѣтокъ» (ib., стр. 324) или «ливанъ, смирамъ и злато» (стр.327).

15.

Избіеніе младенцевъ.

Въ галицко-русскомъ рукописномъ сборникѣ апокрифическихъ сказаній встрѣчается любопытное Казанье на Соборъ пр. Богородицы. Здѣсь говорится объ избіеніи младенцевъ, притомъ въ формѣ почти пѣсенной, съ ясными чертами стихотворнаго склада. Въ дѣйствительности здѣсь мы имѣемъ духовную пѣсню, напоми-

[1]) *Калитовскій*, стр. 9—22.

нающую въ отдѣльныхъ выраженіяхъ народныя эпическія пѣсни. «Скоро жолнѣре Иродови увойшли у Виѳлеемскій повѣтъ, заразъ почали чинити по малыхъ диточкахъ невинныхъ отвѣтъ. Отъ персій матернихъ отрывали да погубляли и розмаитыи имъ смерти завдавали. Иныхъ коньми топтали по улицахъ, иныхъ за волосы брали, о каменя разбивали, иныхъ за ножки брали и на двое раздирали, иныхъ острыми сулицами скрузъ пробивали, иныхъ на огенъ метали, иныхъ дымомъ заперши душили, иныхъ на дворахъ ихъ на коли истыкали, иныхъ у воду метали, иныхъ на поли псеисами разтесовали, иныхъ у хвостовъ конскихъ увязавши волочили, иныхъ истинали мечомъ, не маючи милости, а дѣточки, яко немовлятка будучи, того не знаютъ, они донѣмаютъ, ижъ то зъ ними жарты маютъ, за мечъ ручками сягаютъ, подъ мечъ головки свои хиляютъ, а они окаянные головки имъ истинаютъ. Инымъ ручки и ножки отнявши передъ отци и матки розметаютъ; иныхъ истыкали на копія. На конецъ не еденъ тамъ по сыну заплакалъ отецъ и мати по своему милому дитяти. Отци бѣдные и матери смутнія до ногъ жолнѣромъ упадаютъ, слезами своими ноги ихъ обливаютъ, дорогіе имъ подарунки даютъ, скарби своя имъ отворяютъ, о змилованю дѣточекъ своихъ просятъ. Иніе же сами голови свои надъ диточками своими подъ мечи остріи подкладаютъ, абы то не видѣли такои окрутнои смерти дѣточекъ своихъ милыхъ. Але они окрутники на то ничего не дбаютъ, але еще горшими ся ставаютъ, немилостиве дѣточокъ малихъ погубляють, яко чистую пшеницу пожинають. Тамъ кровь по всѣхъ улицахъ, яко потеки, текла, быстрыми струмени плынула, гды жъ бо тамъ жадного двора бѣда не минула..... Отцы бѣдніи и матки до Бога волаютъ, въ небо руки поднимаютъ, о землю персями ударяютъ, голосомъ жалоснымъ горько волаютъ: о небо и земле, чому насъ не покрыешъ и чому насъ бѣдныхъ не ратуешь съ нашими дѣточками, чомъ насъ не укрыешь, абисмо не были мордованы тыми то окрутными Иродовыми слугами. Въ смутку и горести кождого дѣтятка говорила матка: о дѣточки наши милые, волѣли бы смо васъ на свѣтъ не родити, нижли на васъ теперь такую окрутную смерть видѣти..... О безбожный кролю Ироде, за тіи то маліи дѣточки запевне будешь у пеклѣ сидѣти. И такъ на него отъ Бога помста испала, ижъ его живого на маестатѣ кралевскомъ черви росточали, только що хробори (хворобы) зостали,

а дьяволи душу его до пекла позвали, а дѣточки царства небеснаго себѣ достали. Богу же нашему слава во вѣки вѣковъ. Аминь» [1]).

Въ этомъ сказаніи-пѣснѣ прежде всего обращаетъ вниманіе задушевность, мягкость и нѣжность чувства, мѣстами переходящая даже въ сентиментальность; эти черты сказанія выражаютъ мягкость и нѣжность чувствъ малорусскаго народа, такъ какъ подтверждаются другими памятниками народной поэзіи и новой малорусской литературой. Далѣе заслуживаютъ вниманія эпическія черты сказанія, доказывающія сильное вліяніе народнаго эпоса на приспособлявшіеся къ народному пониманію апокрифы. Нѣкоторыя преступленія слугъ Ирода напоминаютъ преступленія Алексѣя Поповича въ думѣ про бурю на Черномъ морѣ, напримѣръ, топтаніе конемъ дѣтей. Горе родителей обрисовано чертами, сходными съ тѣми, которыя находятся въ невольницкихъ думахъ. Наконецъ, въ этомъ сказаніи отразились, повидимому, кое-какія бытовыя черты, напримѣръ, извѣстныя въ XV—XVII ст. способы пытки и казни и воспоминанія о случаяхъ избіенія дѣтей татарами и поляками.

Въ колядкахъ избіеніе младенцевъ упоминается какъ бы мимоходомъ, коротко и безцвѣтно. Иродъ приказалъ своимъ «жовнирамъ землю спледрувати» (Чуб., т. III, стр. 328). Здѣсь нужно еще отмѣтить встрѣчающееся въ колядкахъ и народныхъ разсказахъ сказаніе о томъ, что посланные въ погоню за св. семействомъ воины Ирода возвратились въ Іерусалимъ, послѣ того какъ узнали, что пр. Богородица прошла, когда мужикъ сѣялъ, причемъ видѣли хлѣбъ уже созрѣвшій. Они не знали, что пшеница выросла и созрѣла быстро, по повелѣнію Бога. Въ древнихъ апокрифахъ о пр. Богородицѣ нѣтъ этого разсказа. Настоящее его мѣсто въ апокрифахъ о хожденіи Іисуса Христа съ апостолами по землѣ.

Къ апокрифамъ объ избіеніи младенцевъ и бѣгствѣ пр. Богородицы въ Египетъ примыкаютъ большія колядки о томъ, какъ жиды Христа искали. Жиды спрашиваютъ пр. Богородицу, гдѣ она скрыла Христа. Пр. Богородица отвѣчаетъ, что спрятала Спасителя въ лѣсу, а потомъ, на новые о томъ же вопросы говоритъ, что спрятала въ травѣ, высокихъ горахъ, глубокихъ

---

[1]) *Калитовскій*, стр. 22—25.

рѣкахъ, и наконецъ, что Спаситель взошелъ на небеса (Голов., т. II, стр. 25, 26; Чуб., т. III, стр. 343).

16.

Крещеніе Спасителя.

Въ Казаньѣ на Богоявленіе Господне, находящемся во львовскомъ рукописномъ сборникѣ, крещеніе Іисуса Христа находится въ связи съ апокрифомъ о рукописаніи Адама и семи змѣиныхъ головахъ на лицѣ Каина. Взявъ отъ Адама обязательство принадлежать царству дьявола, дьяволъ снялъ змѣй съ лица Каина и спряталъ рукописаніе и змѣиныя головы на днѣ Іордана въ камнѣ. Во время крещенія Спаситель уничтожилъ змѣиныя головы. Слѣды этого сказанія отразились уже въ греческихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ восьмаго вѣка и въ греческой церковной живописи. Такъ у св. Козьмы Маюмскаго Іисусъ Христосъ, во время крещенія, «зміевъ главы гнѣздящихся сокрушаетъ»; у Іоанна Дамаскина: «Опали струею зміевы главы». Дидронъ въ сочиненіи о христіанской иконографіи говоритъ, что видѣлъ изображеніе этого апокрифическаго мотива до 20 разъ на греческихъ мозаикахъ и фрескахъ [1]).

Въ колядкахъ и щедривкахъ крещеніе Спасителя понято, какъ совершенное надъ младенцемъ Іисусомъ. Пр. Богородица купаетъ и креститъ Іисуса, пеленаетъ его въ шелковыя пеленки, моетъ ихъ на тихомъ Дунаѣ и даетъ новорожденному имя. Въ галицко-русскихъ и малорусскихъ колядкахъ (у Головацкаго, т. II, стр. 12, 27; Чуб., т. III, стр. 333—335) къ пр. Дѣвѣ Маріи приходятъ 40 ангеловъ и 12 священниковъ. Они отнесли Младенца на Іорданъ, окрестили его и стали:

Книги читати, имья глядати
Сына Божого, а найвысшого.
«Именуймо го та святымъ Петромъ»;
Божа Мати то не злюбила.
«Именуймо го та святымъ Павломъ»;
Божа Мати то не злюбила,
То не злюбила, не довволила.
«Именуймо го Паномъ небеснымъ»;

---

[1]) *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по рукоп. Солов. библ., стр. 42.

Божа Мати то излюбила,
То излюбила и дозволила,
То дозволила и благословила.

17.

Сонъ пресв. Богородицы.

Апокрифъ этотъ, какъ извѣстно, вошелъ глубоко въ народную словесность. Издано много народныхъ сказаній и пѣсенъ о томъ, что пр. Богородица изъ пророческаго сна узнала о страданіяхъ и крестной смерти Спасителя. Въ V выпускѣ «Калѣкъ перехожихъ» находимъ 27 прозаическихъ и стихотворныхъ пересказовъ сна. Сонъ состоитъ изъ двухъ частей: 1) описаніе самаго сна и объясненіе къ нему Спасителя и 2) заговорное значеніе сна, или объясненіе того, какая польза носить его на шеѣ въ ладонкѣ или хранить дома. Вторая часть входитъ въ разрядъ ложныхъ молитвъ. Величина составныхъ частей сна въ разныхъ пѣсняхъ различна.

Въ лѣтописцѣ Ерлича подъ 1660 г. записано два любопытныхъ апокрифическихъ памятника: Сонъ Богородицы и Листъ Іисуса, съ разными нравственными наставленіями, посланный будто бы съ неба папѣ Льву и найденный въ британской землѣ, на Оливной горѣ [1]). Оба памятника встрѣчаются и въ настоящее время иногда вмѣстѣ, но большею частью отдѣльно, какъ два разныя апокрифа, сонъ Богородицы и эпистолія о недѣлѣ. У Ерлича говорится: «Zasnęła była przenajświętsza Panna Bogarodzica w Brytanii na górze Oliwnéj i przyszedł do nej Pan Crystus Jezus syn onéj najmiliszy i mówi: Matka moja najmilsza, spisz li albo li słyszysz? I mówi: spałam, alem się ocznęła i snił mi się dziwny sen o Tobie: widzjałam cię w ogrojcu pojmanego i związanego przed Annasza, Kaifasza, Piłata, Heroda przywedzionego, u słupa prziwązanego, z twej świętej głowy krew strumieniami płynęła, a twoje przenajświętsze ciało, jak skorupa się padało». Далѣе, Спаситель въ короткихъ словахъ объясняетъ, что кто будетъ носить этотъ листъ (подразумѣвается списокъ сна) съ собою, тотъ получитъ вѣчное спасеніе. Въ концѣ апокрифа находится помѣтка пе-

---

[1]) *Пыпинъ*, Памятн. стар. рус. лит,, т. III, стр. 128.

реписчика апокрифа: **Pisano ten sen albo list pod rokiem 1546, miesiąca Augusta 25 dnia.** Весьма близкій, мѣстами тождественный пересказъ этого сна напечатанъ въ «Малор. народ. преданіяхъ» Драгоманова стр. 167—168. Обѣ части апокрифа одинаково кратки. Въ сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ И. И. Манжуры, принадлежащемъ харьковскому историко-филологическому обществу, находится пространная пѣсня о снѣ пр. Богородицы. Мы приводимъ ее здѣсь цѣликомъ, какъ любопытную относительно содержанія и внѣшней формы.

Ой сонъ Богородыци явився!
Сила мати, Марія пресвятая,
Та вечерятй—мало припочивала.
Ой много мени во сни сновъ явилося:
Ой якъ я тебе, чадо мое, родила,
А во гради Вихліеми,
На святій гори, у вертепи,
Пеленами я тебе спеленала,
И въ поясъ твій ликъ завивала.
А во гради Іерусалыми—
На святій на ричци, на Ордани,
Выростало тамъ древо кипариснене,
На томъ древи на кипарыси
Пречуденъ той хрестъ самъ явився.
Прорикся Христосъ, царъ небесный.
Сьвитъ Мати, Марія пресвятая!
Я и самъ той сонъ знаю,
Шо буть мени на хрести роспьяту,
А вбитому, скровавленному,
Винець на главу возложенному,
Тростію по глави біенному,
А въ ребра копіемъ пробитому,
А мою святу кровъ пролитую.
И рече Марія ко Иісусу:
Сьвитъ мій, чадо возлюбленнее!
На кого ты мене, Диву, покидаешъ,
Кому пресвятую уручаешъ?
И рече Иісусъ Христосъ ко Маріи:

Сьвитъ Мати, Марія пресвятая!
Я одинъ въ тебе, Диво,
Споручаю на святого Ивана Богослова,
А на друга на Христова,
Нарикаю ёго, Мати, сыномъ.
Сожди-жъ, Мати, малое времья,
Якъ съ хреста мое тило здіймуть,
Я во плащаныцю облечуся,
И въ гробныцю положуся,
И погребенъ за всихъ буду,
Въ той часъ, моя Мати, животъ вічный
Дамъ я вирнымъ для спасения,
А безвирнымъ вичнюю муку.
А во третій день воскресну,
И на небеса вознесуся,
И на земли зновъ явлюся,
Живыхъ мертвыхъ судити.
А якъ прійде на Тебе смертна година,
Погребу твои мощи со святыми,
Во славному гради въ Іерусалыми,
Въ святій Божій церкви за престоломъ.
А погребши къ мощамъ преклонюся,
Преклонившись роспрощуся.
Скоро зъ мертвыхъ тебе воскрешаю,
Самъ же твою душу пріймаю,
Посажу тебе для вичного покою
Въ небесному царстви съ собою,
Де анголивъ лики ликують,
Трепещуть небесныя силы,
Съ трепетомъ стоять предъ престоломъ.
Сьвитъ Мати, Марія пресвягая!
Напишу я ликъ твій на икони,
Поставлю ёго на Божому престоли,
Тебе Мати будуть величати,
Во Христи Бога прославляти.
Хто сей сонъ, Мати, перейме,
Избавленъ буде отъ вичнои муки.

Хто сей стихъ Божій перепомне,
Достоинъ небеснаго царствія.
На стихи поюще: Аллилуя,
Слава тоби Христе Боже нашъ! [1]).

18.

Общеніе Іисуса Христа съ народомъ.

Въ романѣ Ѳ. М. Достоевскаго «Братья Карамазовы», въ превосходной главѣ «Великій инквизиторъ», Спаситель является среди бѣдствующаго народа въ Испаніи, въ самое страшное время инквизиціи, и народъ стремится къ Нему, слѣдуетъ за Нимъ. Спаситель молча проходитъ среди народной толпы съ тихою улыбкою безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ; лучи свѣта, знанія и силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ людямъ руки, благословляетъ ихъ, исцѣляетъ отъ недуговъ. Эта прекрасная страница въ романѣ Достоевскаго не стоитъ одиноко въ исторіи литературы. Сходные разсказы встрѣчаются у разныхъ народовъ: великоруссовъ, малоруссовъ, поляковъ, въ деревенской глуши, среди крестьянъ. Поэтическіе разсказы о томъ, какъ Христосъ ходилъ по землѣ, входилъ въ общеніе съ простымъ народомъ, облегчалъ его физическія и духовныя боли, варьируются у разныхъ народовъ согласно съ степенью ихъ нравственнаго развитія, повсемѣстно удовлетворяя идеальнымъ стремленіямъ народа къ добру и правдѣ.

Разсказы о хожденіи Спасителя по землѣ и общеніи съ народомъ тѣсно связаны съ апокрифическими обходами апостольскими. Почти всегда спутникомъ Спасителя является ап. Петръ, иногда Богородица, иногда св. Николай. Въ настоящее время мы будемъ говорить лишь о хожденіи Іисуса Христа, отдѣльно отъ ап. Петра и св. Николая.

Христосъ большею частью принимаетъ на себя видъ нищаго старика, ходитъ по деревнямъ и испытываетъ людей. Онъ терпѣливо сноситъ ошибки и грубыя выходки людей и своими чудесами направляетъ ихъ на путь истинный. Въ одной великорусской легендѣ Христосъ обратилъ богатаго и немилостиваго мужика въ коня

---

[1]) Этотъ духовный стихъ записанъ въ Люботинѣ, валковскаго уѣзда.

и отдалъ доброму бѣдняку. «Отношенія бѣдныхъ и богатыхъ составляютъ очень обыкновенный мотивъ подобныхъ легендъ; это обстоятельство прежде всего бываетъ на виду у простолюдина и легенда утѣшаетъ его тѣмъ, что добрый бѣднякъ въ заключеніе всегда бываетъ вознагражденъ» [1]). Спаситель иногда будто ошибается въ раздачѣ земныхъ благъ, посылаетъ сокровища богачу, прибавляетъ новыя нужды неимущему, но въ концѣ концовъ открываетъ сомнѣвающимся въ Его правосудіи, насколько кратковременны и призрачны были земныя блага злаго сравнительно съ той наградой, которую добрый бѣднякъ получаетъ впослѣдствіи на землѣ, при жизни, и на небѣ, послѣ смерти. Г. Пыпинъ указалъ на преобладающую въ легендахъ мысль, что выступающія въ нихъ со стороны Бога или ангела несправедливости оказываются потомъ необходимыми по разсчетамъ высшей справедливости. Такой мотивъ встрѣчается въ легендахъ великорусскихъ (Сборн. Аѳанасьева 1860 г.), малорусскихъ (у Драг., стр. 110—119), польскихъ (особенно выдается легенда въ «Lud-ѣ» Кольберга, т. VIII, стр. 92), Римскихъ Дѣяніяхъ.

Насколько близко Спаситель стоитъ къ народу въ легендахъ, можно видѣть въ слѣдующемъ эпизодѣ одного малорусскаго разсказа объ адскихъ мукахъ и райскомъ блаженствѣ. Одинъ добрый мужикъ ежедневно давалъ бѣднымъ милостыню. Въ Свѣтлый праздникъ онъ вышелъ на большую дорогу, чтобы пригласить какого-нибудь прохожаго бѣдняка разговѣться. «Тильки що выйшовъ винъ на шляхъ, ажъ иде чоловикъ въ биленькій свытци, въ чоботяхъ, въ шапочци и зъ палычкою. А це бувъ самъ Спасытель, Христосъ воскресшій. «Куды ты йдешь, Божій чоловиче?»—«Та йду, чи не покличе хто мене розгивляться», каже Спасытель.—«А я того и шукаю», сказавъ Васыль... Отъ вони пришли до дому, да и сили за стилъ розгивляться... Розговившись, Спасытель и каже Василеви: «отъ я у тебе, брате, розговився, такъ пріиди жъ и ты до мене въ гости; я тоби оддякую за хлибъ, за силь» [2]).

Съ апокрифомъ о хожденіи Спасителя по землѣ связано много народныхъ разсказовъ разнообразнаго содержанія, напр., разсказъ о происхожденіи свиньи изъ жидовки (Чуб. т. I, стр. 49; Драг. 4),

---

[1]) *Пыпинъ,* Рус. народ. легенды, стр. 84.

[2]) *Филологич. Записки* 1870 г., т. IV, стр. 2.

разсказъ о происхожденіи медвѣдя изъ мельника, надѣвшаго кожухъ мѣхомъ наверхъ, съ цѣлью испугать проходившаго черезъ гать Спасителя (Чуб. I, 50; Драг. 5), разсказъ о хлѣбномъ колосѣ, который при Спасителѣ шелъ отъ самой земли (Драг. 14), разсказъ о томъ, какъ Богъ научилъ жену мужика прясть (Драг. 125), разсказъ о птицѣ кони (milvus), о происхожденіе скоекъ (рѣчныя молюски) (Драг. 386) и мн. др. Въ разсказѣ «Спасъ и оводы» (Др. 129) выступаетъ олицетвореніе праздника Преображенія Господня, по народной пословицѣ, «прійде Спасъ,—держи рукавички про запасъ».

Въ древнихъ рукописныхъ индексахъ апокрифическихъ книгъ встрѣчается уже указаніе на апокрифическое сказаніе о томъ, «что Христосъ плугомъ оралъ». Сказаніе это, повидимому, возникло въ древнее время въ Болгаріи и принадлежитъ къ числу «болгарскихъ басенъ». Оно извѣстно было не только русскимъ, но также сербамъ и хорватамъ. Ягичъ нашелъ этотъ апокрифъ въ сербо-хорватской письменности и напечаталъ его въ Archiv za pov. jugosl. 1868 г. по кирилловской рукописи 1520 г. Въ южную Русь сказаніе это, нужно думать, проникло въ глубокой древности; оно вошло въ народную поэзію, въ пѣсни найболѣе древнія, именно, колядки и щедривки и выразилось здѣсь въ формѣ вполнѣ народной. Такъ, въ галицко-русской колядкѣ:

Эй въ полѣ, въ полѣ, въ чистейкомъ полѣ,
Тамъ же мій золотый плужокъ,
А за тымъ плужкомъ ходитъ самъ Господь,
Ему поганяетъ та святый Петро,
Матинка Божа насѣнѣчко носитъ,
Насѣнья носитъ, Пана Бога проситъ:
«Зароди, Божейку, яру пшеничейку,
Яру пшеничейку и ярейке житце!»

Этотъ мотивъ повторяется въ нѣкоторыхъ заклинаніяхъ (Чуб. т. I, стр. 85) и во многихъ колядкахъ (Голов. т. II, стр. 8, 14, 15, 16, 17) съ незначительными измѣненіями. Нѣтъ надобности предполагать въ основаніи этого пѣсеннаго мотива первоначальный образъ языческаго божества, покровителя земледѣлія. Колядки такого содержанія могли возникнуть исключительно на почвѣ апокрифа о

хожденіи Спасителя по землѣ и Его участіи въ земледѣльческихъ работахъ.

Тотъ же самый мотивъ повторяется въ одной галицкой царинной пѣснѣ. Парубки и дѣвушки, поднимаясь во время праздничной игры на гору, поютъ:

Эй, горе, горе, самъ тя Богъ оре;
Божа Матинка насиння носыть (Гол. т. II, стр. 245).

Божія Матерь при этомъ проситъ Іисуса Христа, чтобы уродились пшеница, виноградъ и ладанъ; пшеница на просфоры, вино для причащенія, ладонъ для кажденія.

Спаситель освящаетъ поле своимъ трудомъ, а жилище крестьянина своимъ личнымъ посѣщеніемъ, причемъ домохозяинъ угощаетъ Іисуса и святыхъ его спутниковъ, чѣмъ Богъ послалъ. Такъ, въ одной колядкѣ домохозяинъ

Посадивъ Бога посередъ стола,
Святу Пречисту при другимъ столи,
Усихъ святыхъ навколо неи;
Прыймае Бога зеленымъ виномъ,
Святу Пречисту солодкимъ медомъ,
Усихъ святыхъ шумновъ горѣлковъ.
(Голов. т. II, стр. 31).

19.

Объ іерействѣ Іисуса Христа.

Въ древней болгарской, сербо-хорватской и русской письменности были распространены апокрифы объ іерействѣ Іисуса Христа, или, какъ выражаются индексы отреченныхъ книгъ, о томъ, какъ Христа въ попы ставили. Во II т. «Памятниковъ отреченной литературы» Тихонравова приведено двѣ редакціи этого апокрифа, одна полная изъ сербской рукописи XV в., другая краткая изъ «Іерусалимскаго Путника», написаннаго въ 1590 г. Даніиломъ, архимандритомъ Корсунскаго монастыря въ Бѣлой Россіи, по списку 1747 г., принадлежащему Троицко-Сергіевской лаврѣ. Содержаніе апокрифовъ объ іерействѣ Іисуса Христа въ короткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ. У евреевъ въ большіе праздники должны были служить въ храмѣ сорокъ священниковъ, и священная служба

не могла состояться, если не хватало одного священника. Случилось такъ, что одинъ священникъ умеръ, и остальные 39 были въ большомъ затрудненіи, кого выбрать на его мѣсто. Нѣкоторые священники предложили Іисуса. Старшій изъ нихъ призвалъ пр. Дѣву Марію и сталъ Ее распрашивать, откуда Іисусъ родомъ и кто его отецъ. Божія Матерь сказала о благой вѣсти арх. Гавріила и послѣдовавшихъ затѣмъ событіяхъ евангельской исторіи. Іисусъ былъ поставленъ священникомъ. Когда Онъ шелъ во Святыя Святыхъ, на пути Его растилали ковры и дорогія ткани. Іисусъ отслужилъ 40 службъ въ Святая Святыхъ. Священники возненавидѣли Спасителя за Его добродѣтель и святость и отпустили Его.

Въ малорусской народной словесности находятся ясныя свидѣтельства, что апокрифы объ іерействѣ Іисуса Христа въ старину были извѣстны въ Малороссіи; но свидѣтельства эти такого рода, что не уясняютъ южнорусской литературной исторіи апокрифовъ объ іерействѣ Спасителя, другими словами, не уясняютъ, когда и какимъ образомъ, черезъ какія литературныя ступени апокрифъ перешелъ въ народные разсказы и стихи. Сравненіе народныхъ пѣсенъ объ іерействѣ Христа съ славянскимъ апокрифомъ представляетъ тотъ интересъ, что выясняетъ пріемы народнаго пѣсеннаго творчества, и опредѣляется при этомъ матеріалъ, изъ котораго составлены пѣсни данной категоріи. Точное опредѣленіе мотивовъ народныхъ и иноземныхъ, оригинальныхъ и заимствованныхъ представляется однако весьма затруднительнымъ, по причинѣ тѣснаго соединенія разнородныхъ поэтическихъ элементовъ, и то, что намъ представляется пріемомъ народно-поэтической переработки, можетъ быть результатомъ внѣшняго перенесенія сходнаго эпизода изъ одной пѣсни въ другую, и, наоборотъ, кажущееся намъ чуждымъ, инороднымъ, можетъ представлять своеобразную народную переработку мотива, хотя и литературнаго, но вполнѣ отрѣшившагося и далекаго отъ своего первоисточника. Какъ бы то ни было, не подлежитъ спору, что апокрифы объ іерействѣ Христа усвоены народной мыслью и переработаны самостоятельно въ пѣсняхъ.

Прозаическимъ осколкомъ древняго апокрифа объ іерействѣ Христа представляется одинъ эпизодъ въ разсказѣ о хожденіи Христа и св. Петра по землѣ. Одинъ добрый и честный парубокъ шелъ на вечерницы и увидѣлъ въ недостроенной хатѣ свѣтъ отъ

свѣчки. «Дай, каже, заляжу. Полизъ та и лигъ на пичъ. Ажъ приходе два священники въ золотыхъ ризахъ, запалили свичечку, достали проскурку, закусують... А то були Господь та святый Петро.» (Драг. 123).

Болѣе крупные остатки апокрифа объ іерействѣ Іисуса сохранились въ пѣсняхъ, преимущественно галицкихъ колядкахъ. Такъ, въ одной колядкѣ Богоматерь спрашиваетъ колядовщиковъ, не видали ли они Христа; колядовщики отвѣчаютъ:

Ой мы жь бачили та въ манастыри,
Та въ манастыри, коло престола;
Служитъ службоньку все соборную,
Все соборную, заздоровную,
Та за здоровье усего міру.
На немъ ризочки все гатласовіи;
На немъ патрафиль срибный, шовковый,
А нарукавники гаптованіи;
На немъ поясокъ жовтая свѣча,
На немъ шапочка соболевая;
На немъ корона щирозлатая.

(Голов., т. II, стр. 24).

Въ другой галицкой колядкѣ:

Ой Римъ—Собота, гора высока,
А на той горѣ церковця стоитъ,
А въ той церковци золотый престолъ,
За тымъ престоломъ самъ милый Господь,
Самъ милый Господь книжейку читавъ,
Книжейку читавъ, постойку глядавъ.
Эй а якого?.. та Петрового;
Кто жъ ми го спостыть та й по щирости,
А буде тому рай отвореный,
Рай отвореный, пекло замкнено.

(Гол., т. III, стр. 242).

Трудно было ожидать, чтобы въ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ объ іерействѣ Спасителя удержались мелкія подробности апокрифа, когда Спаситель поступилъ въ число священниковъ,

сколько службъ отслужилъ и т. п. Для народа достаточно было одного апокрифическаго факта, что Спаситель былъ одно время іереемъ, и на основаніи этого факта возникаютъ подробности о священнической одеждѣ Спасителя, о золотомъ престолѣ, о соборномъ служеніи «за здоровье усёго міру».

20—21.

О страданіяхъ Господнихъ и крестномъ древѣ.

Евангельское повѣствованіе о страданіи и крестной смерти Спасителя всегда производило глубокое впечатлѣніе какъ на отдѣльныхъ лицъ, такъ и на массы народныя; по силѣ вліянія на мысль и воображеніе христіанскихъ народовъ съ этимъ повѣствованіемъ можно сравнить только евангельское сказаніе о страшномъ судѣ. Извѣстно, напримѣръ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на франкскаго короля Хлодвика разсказъ проповѣдника о страстяхъ Господнихъ. Малороссіяне выразили въ духовныхъ стихахъ сожалѣніе, что Христосъ «съедналъ себѣ слугу невѣрнаго, Юду проклятаго» (Гол., т. II, стр. 735). Галицко-русскій духовный стихъ вѣрно передаетъ главныя событія послѣднихъ дней земной жизни Іисуса Христа. Выраженіе горя Божіей Матери въ стихѣ отличается поэтической силой, выразительностью, задушевностью (Гол., т. II, стр. 736). Заслуживаетъ вниманія та черта въ галицко-русскихъ духовныхъ стихахъ о страданіяхъ Господнихъ, что Спаситель поручаетъ свою Мать заботливости св. ап. Петра и говоритъ ему: «Будешь пребывати въ небѣ вразъ со мною!» Къ всеобщему въ христіанскомъ мірѣ почитанію ап. Петра здѣсь, повидимому, присоединилось римско-католическое ученіе о главенствѣ св. ап. Петра надъ другими апостолами. Въ галицко-русскихъ и малорусскихъ колядкахъ:

Жидове Христа мучили,
На распятію гей роспинали,
Клюковъ за ребра гей розбивали.
Терновый вѣнецъ на голову клали,
Глагови шпильки за ногти били.

(Гол., т. II, стр. 23).

Эти подробности пытки Спасителя встрѣчаются не только въ пѣсняхъ, но и заговорахъ; напр., въ шептаніи отъ сглазу: «стали жиды Христа роспинати, въ руки и ноги гвозди забивати. Изъ Нёго текла кровь, якъ быстра рѣка» («Кіев. Стар.», 1885 г., т. XII, стр. 736). Въ другомъ заговорѣ находимъ очень любопытную мѣстную черту: «Христа до ратуши приведено; стали Его вязати и въ стовпа мордовати» (Ефим., Малорос. заклин., т. II).

Нѣкоторыя подробности въ описаніи мученій Спасителя, напримѣръ, забиваніе деревянныхъ спицъ подъ ногти и захватываніе ребра крюкомъ, могли возникнуть въ древнее время подъ вліяніемъ часто наблюдавшихся пытокъ въ мѣстныхъ судахъ, а также разсказовъ о пыткахъ и казняхъ въ сосѣднихъ съ Малоросіей странахъ, Турціи и Московскомъ государствѣ. Извѣстно, что въ Константинополѣ сбрасывали преступниковъ съ башни на крюки, вдѣланные въ стѣны, у морскаго залива. Такимъ образомъ былъ казненъ Димитрій Вишневецкій во второй половинѣ XVI ст., и этотъ случай выразился въ народныхъ пѣсняхъ о Байдѣ («за ливе ребро гакомъ возьмите»; «на гакъ ребромъ зачепите»). Что касается до забиванія деревянныхъ гвоздей подъ ногти, то эта форма пытки была въ ходу въ Московскомъ государствѣ, отъ чего произошло названіе «подноготная» истина, т. е. выбитая посредствомъ такой пытки.

Апокрифы о крестномъ древѣ примыкаютъ къ апокрифамъ объ Адамѣ, какъ въ рукописяхъ, такъ и въ народныхъ разсказахъ. Апокрифы эти изданы г. Тихонравовымъ въ 1 т. «Памятниковъ отреч. литер». по двумъ спискамъ XV—XVI в. в., г. Порфирьевымъ въ Апокр. сказ. по Солов. рукописямъ и г. Пыпинымъ въ 3 т. «Памят. стар. рус. литер. Академикъ А. Н. Веселовскій въ 32 т. «Сборника отд. рус. яз. и слов. Академіи Наукъ» помѣстилъ обширное спеціальное изслѣдованіе апокрифовъ о крестномъ древѣ, въ связи съ западными легендами о древѣ креста. Славянскія крестныя сказанія распадаются на двѣ группы; исторія трехъ крестныхъ древъ, являющаяся въ рукописяхъ съ именемъ Григорія Богослова или Григорія Двоеслова, и разсказъ объ одномъ крестномъ деревѣ, отмѣченный именемъ Северіана Габальскаго, причемъ имена Григорія Богослова и Северіана Габальскаго подставныя, такъ какъ между сочиненіями указанныхъ отцовъ церкви не находится ничего соотвѣтственнаго (Весел. XXXII, 369; 48—49). Сказанія эти передаютъ

исторію деревъ, на которыхъ распяты были Спаситель и разбойники. Нѣкоторыя редакціи Сказанія о крестномъ древѣ подверглись вліянію богумильства и приписываются пресвитеру Іереміи (Порф. 48). Въ ряду другихъ «болгарскихъ басенъ», и сказаніе о крестныхъ деревьяхъ проникло въ южную Россію и вошло въ народную словесность. Въ народномъ разсказѣ о смерти Адама и треблаженномъ древѣ говорится, что Адамъ во время болѣзни послалъ своего сына въ рай за золотымъ яблокомъ; но сынъ принесъ вмѣсто яблока тотъ прутъ, которымъ гнали Адама изъ рая. Адамъ сдѣлалъ изъ этого прута три вѣнка на голову; онъ былъ похороненъ съ этими вѣнками, и изъ нихъ выросло три дерева, кипарисъ, кедръ и треблаженное древо. Божія Матерь однажды споткнулась о треблаженное дерево и сказала: «О, треблаженное дерево, на тебѣ будетъ распятъ мой Сынъ», а Спаситель сказалъ при этомъ: «правда». «И справди, добавляетъ разсказъ, скилько посли хрестивъ не пидбирали, на жаднимъ не могли Его розипьяти, а тилько на еднимъ треблаженнимъ древи, котре ще тогди, якъ росло, мало выглядъ хреста» (Драг. 94). Тутъ все апокрифично; апокрифично даже выраженіе «треблаженное древо». Въ апокрифическомъ сказаніи о крестномъ древѣ, напечатанномъ г. Порфирьевымъ по соловецкой рукописи XVII в. и повидимому возникшемъ первоначально среди балгарскихъ богомиловъ, говорится, что треблаженное дерево было сначала взято Соломономъ на построеніе іерусалимскаго храма. «Слышавъ же царица Сивилла о древѣ, пріиде видѣти его, сѣде на древѣ, попали же ея огнь; тогда Сивилла рече: о, древо проклятое! и вси людие воспѣста: о треблаженное древо, на немъ же распятця Господь» (Порф. 98).

Апокрифическое сказаніе о трехъ крестныхъ древахъ какъ нельзя болѣе пришлось по вкусу народа, такъ какъ отвѣчало исконному народному пріему троенія мысли и предметовъ въ поэзіи. Въ силу этой наклонности народа въ пѣсняхъ появляется не только три креста, но и три гроба. Исходнымъ пунктомъ для послѣдняго мотива, повидимому, послужило сближеніе крестныхъ деревьевъ съ надмогильными крестами и основанное на бытовой жизни соображеніе, что надъ каждой могилой или гробомъ долженъ быть крестъ. Народная мысль работала самостоятельно и сильно на скудной почвѣ немногихъ апокрифическихъ фактовъ, и потому нѣтъ ничего

удивительнаго въ своеобразной народно-поэтической обрисовкѣ трехъ крестовъ и трехъ гробовъ. Такъ, въ одной галицко-русской пѣснѣ, въ сборникѣ г. Головацкаго какими-то судьбами очутившейся въ отдѣлѣ «думъ господарскихъ и скотарскихъ» (т. I, стр. 233), вдова встрѣчаетъ трехъ жиденковъ и упрекаетъ ихъ въ томъ, что они Христа мучили. Потомъ она находитъ дерево (т. е. крестное), подъ которымъ три креста, а подъ тѣми крестами три гроба. Таковъ основной мотивъ колядки. Далѣе слѣдуетъ народное поэтическое толкованіе и расширеніе его, въ силу этого толкованія. Въ одномъ гробѣ лежитъ Сынъ Божій, въ другомъ Богоматерь, въ третьемъ св. Іоаннъ. Передъ св. Іоанномъ играютъ органы, передъ Богоматерью цвѣтетъ рожа, а передъ Христомъ пылаютъ свѣчи. Въ малорусскихъ колядкахъ органовъ нѣтъ, а въ галицкія они попали какъ обычный предметъ въ католическомъ богослуженіи, рожа вошла въ духовные стихи, какъ такой цвѣтокъ, съ которымъ обыкновенно сравнивается Богоматерь, а свѣчи—какъ обычная жертва Богу. Въ другой галицко-русской колядкѣ (Голов., т. II, стр. 6), вмѣсто трехъ жиденковъ является одно «дѣвча жидовчя» и говорится объ одномъ «золотомъ» крестѣ, подъ которымъ стоитъ Христосъ въ кровавой сорочкѣ. Это развитіе пѣсни на тему, какъ жиды Христа мучили, безъ эпическаго троенія лицъ и предметовъ. Мотивъ о трехъ гробахъ встрѣчается въ западно-славянской поэзіи. Такъ, въ одной моравской пѣснѣ на бѣломъ камнѣ стоитъ монастырь, а въ монастырѣ находится три гроба; въ одномъ гробу лежитъ Богъ (Sam pan Buh leži), въ другомъ Богородица, въ третьемъ св. Іоаннъ. Надъ Богомъ поютъ ангелы, надъ Богородицей горятъ свѣчи, а надъ св. Іоанномъ цвѣтутъ розы. Изъ этихъ розъ вылетѣла птичка; то не птичка — то Сынъ Божій, Творецъ міра и людей [1]). Здѣсь можно подозрѣвать заимствованіе, и скорѣе заимствовали моравяне отъ галичанъ, чѣмъ галичане отъ западныхъ славянъ, такъ какъ въ галицко-русскихъ и малорусскихъ [2]) колядкахъ мотивъ этотъ сохранился въ лучшемъ видѣ. Здѣсь нѣтъ затемняющаго смыслъ пѣсни бѣлаго камня, и розы цвѣтутъ надъ Богоматерью, какъ и должно быть въ малорусской поэзіи при народно-поэтическомъ представленіи пр. Дѣвы Маріи

---

[1]) *Веселовскій*, Разыск., т. III, стр. 41.

[2]) Напримѣръ, у Чубинскаго, т. III, стр. 343—353.

вышемірнымъ и первозданнымъ существомъ изъ цвѣтовъ. Мотивъ о птицѣ-Спасителѣ также встрѣчается въ малорусскихъ колядкахъ. Лучшимъ, образцовымъ варіантомъ представляется варіантъ, записанный въ козелецк. у., у Чубинскаго т. III, стр. 353.

Ишла Марія на крутую гору;
Стрила Марія да три жидовины:
«Вы, жидове, Христа замучили?»
«Не мы, Маріе, то наши предки».

Эти строки встрѣчаются въ приложеніи къ другимъ духовнымъ колядкамъ; первыя двѣ — преимущественно въ началѣ колядокъ о томъ, какъ жиды Христа искали.

Ишла Марія на крутую *гору* [1]),
А на тій гори *церковка* стоить [2]),
А въ тій церковци три гроба стоить;
Въ первому гроби Сынъ Божій лежить,
Въ другомъ гроби Иванъ Хреститель,
Въ третьему гроби Дива Марія.
Надъ Исусомъ Христомъ ангели поють,
Надъ Иваномъ Хрестителемъ свичи палають,
Надъ Дивою Маріею рожа зацвила.
Изъ тыеи рожи та вылетивъ птахъ,
Да полетивъ птахъ да по пидъ небесами;
Вси небеса растворилися;
Вси святыи уклонилися.
Не есть то птахъ, а есть то Сынъ Божій,
Есть то Сынъ Божій—Исусъ Христосъ.

Весьма сходныя по содержанію щедривки (у Чуб., т. III, стр. 447) записаны въ литинскомъ, острожскомъ и заславскомъ уѣздахъ.

Къ апокрифамъ о крестныхъ деревьяхъ тѣсно примыкаютъ малорусскіе народные разсказы о покаяніи разбойника (Драг., стр. 131—132 и у Кулиша въ Зап. о южн. Руси, т. I, стр. 309—311). А. Н. Веселовскій уже обратилъ вниманіе на этотъ отдѣлъ народныхъ сказаній (въ X ч. Розыск. въ области русск. духовнаго стиха) и

---

1) Въ моравской пѣсни *бѣлый камень.*

2) *Монастырь* по моравской пѣсни.

указалъ многочисленные сходные западно-европейскіе разсказы (32 т. Сборн. Акад. Наукъ, 379, примѣч.). Въ малорусскомъ разсказѣ разбойникъ убилъ 12 поповъ и сталъ раскаеваться въ своихъ грѣхахъ. Священникъ велѣлъ ему положить на огонь руки до локтей и ноги до колѣнъ, притомъ огонь былъ разведенъ изъ мелко порубленной яблони, росшей въ саду священника. Потомъ священникъ принесъ мѣдное ведро и приказалъ разбойнику 12 лѣтъ носить воду и поливать спаленную яблоню до тѣхъ поръ, пока она снова выростетъ и дастъ плоды. Разбойникъ 12 лѣтъ исполнялъ это приказаніе, и черезъ 12 лѣтъ у него снова выросли руки и ноги: тогда же выросла и дала плоды яблоня. Далѣе слѣдуютъ подробности, не идущія къ дѣлу, о томъ, какъ разбойникъ покаяніемъ покрылъ грѣхи отца и матери. Въ апокрифѣ о крестныхъ древахъ (въ 1 т. Памят. Тихонравова стр. 305) находится слѣдующее мѣсто, послужившее источникомъ для малорусскихъ сказаній о покаяніи разбойника и сходныхъ съ ними сказаній русскихъ и западно-европейскихъ: «Древо разбойниче, на немже распятся разбойникъ вѣрный. Тоже древо израсте изъ главень пречюдно и красно зѣло, еже принесе три главнѣ. Лотъ, егда согрѣши, пріиде ко Аврааму на покаяніе. Авраамъ же посла его взяти огонь въ Нилой рѣцѣ, того же огонь звѣріе стрѣгоуть; егда же пріиде Лотъ, обрѣте звѣріе спящи и взя три главнѣ и принесе ко Аврааму. Авраамъ же повелѣ ему посадити главнѣ, да процвѣтуть и плодъ створятъ, рече ему: тогда будеши прощенъ. Лотъ же посади ихъ на горницѣ мѣстѣ, поливаше ихъ трижды на день и проростоша главня и взыде древо пречюдно и прекрасно зѣло».

22.

Плачъ пресвятой Богородицы.

Въ евангеліи отъ Іоанна (гл. XIX, ст. 25—27) говорится о стояніи пр. Богородицы при крестѣ Спасителя. Эта трогательная сцена вызвала апокрифическіе плачи пр. Богородицы, причемъ наибольшей извѣстностью пользовался канонъ Симеона Логоѳета, изображающій плачъ пр. Богородицы. Извѣстно, какъ широко и разносторонне разработанъ этотъ апокрифическій мотивъ въ западно-европейской религіозной живописи. Въ южнорусской иконописи подъ западными вліяніями возникли изображенія скорбящей Богоматери,

Mater dolorosa. Апокрифическіе мотивы плача пр. Богородицы проникли и въ малорусскіе духовные стихи, напримѣръ, въ пѣсню Остапа Вересая о мукахъ Христа [1]). Пѣсня эта довольно сухая, искусственная, схоластическая, и тѣмъ отчетливѣе выдѣляется по задушевности вставленный въ нее плачъ пр. Богородицы.

Матка Его жалослива
Стоитъ пидъ крестомъ смутлива,
И на Сына узирае,
Слезами лице умывае:
«Ой, сыну мій, прелюбезный,
Моему серцю есть болесный,
Терпишъ муки невынніи
Отъ жидовы невирнои;
Терпишъ муки, терпишъ раны
За вси вирни христіяне...

Этотъ мотивъ повторяется во многихъ пѣсняхъ, напримѣръ, у Чубинскаго т. III, стр. 16. Здѣсь горе пр. Богородицы выражено сильнѣе: «видъ жалю великого умливала».... Въ Плачѣ пр. Богородицы встрѣчаются отвлеченныя сравненія, проникшія въ народъ изъ богословскихъ трактатовъ и церковныхъ проповѣдей [2]), каковы напр. сравненіе Спасителя съ хлѣбнымъ зерномъ и названіе Его всемірнымъ храмомъ.

23.

Происхожденіе храма.

Встрѣчающіяся въ малорусскихъ духовныхъ стихахъ объясненія происхожденія перваго храма или церкви настолько различны, что трудно свести ихъ къ одному источнику. Они могли возникнуть изъ мотивовъ апокрифическихъ,, религіозно-пѣсенныхъ и древнехристіанскихъ преданій объ апостольской Сіонской церкви. Опираясь исключительно на южнорусскіе духовные стихи, можно намѣтить три своеобразныхъ разряда пѣсенъ о происхожденіи перваго храма.

Первый разрядъ пѣсенъ о происхожденіи храма стоитъ въ связи съ апокрифами о крестномъ древѣ. Такъ въ колядкахъ поется, что Богородица

---

[1]) *Записки* юго-зап. отд. геогр. общ., т. I, стр. 28.

[2]) Для примѣра см. у Чуб., т. III, стр. 18.

Знайшла деревце,
Зъ того деревця стала церковця.

Въ другихъ пѣсняхъ:

На крутий гори
Кедрове древо,
А съ того древа
Хресты рубають,
Церкву будують (Весел., Розыск. т. IV, стр. 69).

Этотъ основной мотивъ осложнился разными бытовыми подробностями, напримѣръ указаніями, какіе плотники строятъ церковь, изъ какого матеріала:

Волоси церковь мурують,
Ой коло споду каминейчикомъ,
А въ серединѣ деревейчикомъ,
А къ виршечкови срибломъ, золотомъ.
(Гол. т. II, стр. 12).

Далѣе осложненіе пѣсни происходитъ вслѣдствіе приложенія къ ней формальнаго пріема троенія:

Костелъ муровавъ на восимь угольцивъ,
На восимь угольцивъ, на четверо дверци,
На четверо дверци, на три оконци,
На три оконци, на три вершечки:
Въ едно оконце зъ истока сонце,
Въ друге оконце зъ полудне сонце,
Въ трете оконце зъ захода сонце.
Въ едномъ вершечку ворганы граютъ;
Въ другимъ вершечку ладанъ ся куритъ;
Въ третьемъ вершечку службы ся служатъ.
(Гол. т. II, стр. 67).

Въ галицко-русской колядкѣ:

Топоры дзвенятъ, каминья тешутъ,
Каминья тешутъ, церковь мурують,
Церковь мурують во три двери,
Во три двери, во три облаки;
У едныхъ дверехъ иде самъ Господь,

У другихъ дверехъ Матинка Божа,
У третихъ дверехъ ей святый Петро...
(Гол. т. II, стр. 7).

Въ варіантѣ этой колядки церковь имѣетъ три верха, два окна и райскія двери (Гол. т. II, стр. 22).

На обрисовку церкви повліяли древнѣйшія религіозно-миѳическія представленія народа о небѣ. Въ церкви два окна:

Еднымъ оконцемъ сонечко сходыть,
Другимъ виконцемъ мѣсяцъ заходитъ.
(Гол. т. II, стр. 34).

Второй разрядъ пѣсенъ о происхожденіи храма имѣетъ теологическое основаніе. Церковь Христова, какъ общество вѣрующихъ, построена на крови и тѣлѣ Спасителя, на живомъ общеніи съ Нимъ въ таинствѣ Евхаристіи. Народная фантазія поняла церковь Христову какъ вещественный храмъ и примѣнила къ нему религіозно-пѣсенныя и отеческія замѣчанія о церкви, какъ обществѣ вѣрующихъ. Отсюда произошла встрѣчающаяся въ галицко-русскихъ и малорусскихъ колядкахъ идея происхожденія храма отъ крови и разныхъ частей тѣла Спасителя. Такъ въ одной галицко-русской колядкѣ говорится, что послѣ крестной смерти Спасителя

Де кровця цяне—церковця стане,
Де плечи впали—престолы стали,
Де руки впали—тамъ свѣчи стали,
Де очи впали—тамъ книги стали,
Де личка впали—образы стали,
Де зубы впали—дзвононька стали,
Сами ся престолы позастилали;
Сами ся свѣчи позажигали,
Сами ся книги перечитали,
Сами ся образы помалевали,
Сами ся дзвоны передзвонили,
Сами ся службы переслужили (Гол. т. II, стр. 23).

Въ малорусскомъ варіантѣ, сравнительно съ галицкимъ короткимъ и слабымъ, «де слизки пали—престолы стали» (Чуб. т. III, стр. 358).

Третій разрядъ духовныхъ колядокъ о храмѣ могъ возникнуть подъ вліяніемъ апокрифовъ объ іерействѣ Христа, какъ дополнительная къ нимъ подробность. Храмъ, въ которомъ Христосъ былъ іереемъ, понятно, рисовался передъ воображеніемъ народа въ необыкновенныхъ формахъ, свѣтлымъ и просторнымъ. Въ этомъ храмѣ

Сами двери одчиняются,
Сами дзвоны радзвонилися,
Сами свичи запалилися,
Царскіи врата отворилися.

(Чуб. т. III, стр. 442).

Всѣ эти три разряда пѣсенъ о храмѣ смѣшиваются и раздѣлить ихъ довольно трудно. Иныя пѣсни начинаются съ описанія чудеснаго дерева, затѣмъ говорятъ о томъ, что на немъ распяли Христа и наконецъ повѣствуютъ о чудесной церкви, возникшей изъ пролившейся на землю крови Спасителя.

А. Н. Веселовскій, принимая во вниманіе великорусскіе духовные стихи о чудесномъ храмѣ на Сіонской горѣ [1]), высказываетъ

---

[1]) Наприм.: На горѣ, горѣ, на Сіонской горѣ
Стояла церковь апостольская:
Въ той во церкви три гроба стоятъ,
Три гроба стоятъ кипарисные:
Въ первомъ гробѣ Святая Дѣва.
Въ другомъ гробѣ Іоаннъ Богословъ,
Въ третьемъ гробѣ самъ Іисусъ Христосъ.
Надъ Святою Дѣвою цвѣты разцвѣли,
На цвѣтахъ сидятъ птицы райскія,
Поютъ пѣсни архангельскія:
Надъ Іоанномъ Богословомъ ангелы,
Надъ Іисусомъ Христомъ свѣчи теплятся.

Во святомъ во градѣ Іерусалимѣ
Стоитъ церковь соборная,
Соборная, богомольная;
Во святой церкви во соборныя
А стоитъ гробница бѣлокаменная,
Почиваютъ ризы самаго Христа.

Церковь эта—всѣмъ церквамъ. Въ другомъ стихѣ:

От той церкви отъ соборныя,
Отъ соборныя, богомольныя,
Отъ ее службы всѣ служатся,
По усей землѣ, по всей вселенныя.

мнѣніе, что здѣсь обнаружилось вліяніе мѣстныхъ сіонскихъ преданій объ апостольской церкви на Сіонѣ, съ пріуроченными къ ней воспоминаніями о Тайной вечери, Успеніи Богородицы и объ ап. Іоаннѣ, причемъ подробность о трехъ гробахъ вошла въ духовные стихи подъ вліяніемъ фантастическихъ разсказовъ о церкви Гроба Господня въ Іерусалимѣ (Розыск. т. III, стр. 36). Великорусскіе духовные стихи объ апостольской церкви подходятъ въ подробностяхъ подъ это объясненіе, но малорусскіе не совсѣмъ. Нѣтъ въ нихъ намековъ на Сіонъ и апостоловъ. Мы уже говорили о возможной связи мотива о трехъ гробахъ съ апокрифическими сказаніями о трехъ крестныхъ древахъ. Имя Іоанна въ эти пѣсни, можетъ быть, попало изъ тѣхъ колядокъ, гдѣ говорится о главныхъ зимнихъ праздникахъ: Рождествѣ Христовѣ, св. Василія Великаго и Іоанна Крестителя.

24.

О нерукотворенномъ образѣ.

Къ числу изслѣдованій, которыми гордится нѣмецкая наука, принадлежитъ «Die Sage vom Ursprung der Christusbilder» (1842 г.) Вильгельма Гримма. Здѣсь подробно разсмотрѣно апокрифическое посланіе Авгаря ко Христу, заключающее въ себѣ сказаніе о нерукотворенномъ образѣ. Уже у Евсевія († 340) находится письмо Авгаря ко Іисусу Христу и отвѣтъ на него Спасителя въ переводѣ съ сирскаго языка. Царь Эдессы Авгарь, заболѣвъ, послалъ письмо къ Іисусу съ просьбой прійти въ Эдессу и исцѣлить его. Спаситель послалъ ап. Ѳаддея, который возложилъ руку на больнаго и исцѣлилъ его. У Евагрія († 593) находится посланіе Авгаря съ присоединеніемъ сказанія, что Іисусъ Христосъ послалъ Авгарю не рукотворенный, но богосозданный образъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о происхожденіи образа находятся у Іоанна Дамаскина († около 760). Ни о болѣзни Авгаря, ни о письмѣ его ко Христу здѣсь не говорится. Авгарь, пылая любовью къ Господу, отправляетъ живописца, который долженъ былъ срисовать Его лице. Но живописецъ не могъ этого сдѣлать, по причинѣ сіянія, исходившаго отъ лица Христова. Тогда Господь приложилъ свой плащъ къ божественному, животворящему лицу и отображаетъ на немъ Свой образъ, который посылаетъ потомъ Авгарю. Константинъ Порфиро-

генетъ († 959) написалъ специальное сочиненіе объ образѣ въ Эдессѣ и торжественномъ перенесеніи его и письма Іисуса Христа въ Константинополь въ 944 г.

Оставляя въ сторонѣ многочисленная западно-европейскія сказанія о нерукотворенномъ образѣ, разсмотрѣнныя В. Гриммомъ, мы можемъ ограничиться сказаніемъ Іоанна Дамаскина, такъ какъ славянскіе апокрифы о посланіи Авгаря, повидимому, связаны съ сказаніемъ Іоанна Дамаскина о нерукотворенномъ образѣ. Посланіе Авгаря издано Н. С. Тихонравовымъ во II т. «Памятн. отреч. литер.» по рукописи XVI в. Здѣсь говорится, что эдесскій царь Авгарь послалъ живописца Луку въ Іерусалимъ снять портретъ съ Іисуса; но Лука не могъ этого сдѣлать. Тогда Спаситель возложилъ полотно Себѣ на лицо, и Его лицо напечатлѣлось на полотнѣ. Спаситель отправилъ въ Эдессу ап. Θаддея. Достигнувъ города Іерополиса, Θаддей и Лука побоялись войти въ него и остановились внѣ города. Огненный столбъ надъ нерукотворнымъ образомъ открылъ горожанамъ ихъ мѣстопребываніе. Горожане не застали на мѣстѣ Θаддея и Луку, которые передъ ихъ приходомъ отправились дальше въ дорогу, но нашли камень, на которомъ отъ лежавшаго убруса напечатлѣлся образъ Спасителя. Они внесли камень въ городъ. Въ Іерополисѣ отъ этого камня, а въ Эдессѣ отъ убруса съ нерукотвореннымъ образомъ Іисуса Христа произошло много чудесъ.

Въ Галиціи записана любопытная пѣсня о нерукотворномъ образѣ, принявшая въ себя между прочимъ пѣсню о чудесномъ (нерукотворномъ) храмѣ:

А тамъ доловъ при Выравѣ
Святый образъ малевали.
Лукачъ почалъ малевати;
Пришла къ нему Божа Мати:
Ляжъ, Лукачу, лягни спати,
Буду образъ малевати!»
Лемъ тваричку притулила
Доразъ образъ утворила.
«Встань, Лукачу, встань заспанный,
Ужъ ти образъ смалеваный!»
Четыре волы запрягали,
Святый образъ на визъ клали.

Якъ съ образомъ въ лѣсѣ были,
Тамъ ихъ сбойницы встрѣтили.
«Стій, фурмане, не ходь дали!
Мы твой образъ порубаме».
Фурманъ кричитъ: «не рубайте,
Стовпами ту поставайте!
Внетъ стовпами поставали,
Святый образъ не рубали,
А такъ они дали шли,
Ажъ и къ святой церкви пришли.
Дзвоны сами зазвонили,
Свѣчки сами ся зажжали.
Якъ до церкви образъ клали,
То ангели заспивали.
Богъ кличе: «Фурманъ, гори,
Понагляйся, подъ гевъ скори».
«Якъ я маю гори ити,
Маю жену, маю диты».
Ци ли хочешь корецъ ґрошей,
Ци хочешь райски роскоши?»
«Не хочу я корецъ грошей;
Волю я райски роскоши!»

(Гол., т. II, стр. 714, 95).

Характерная особенность галицкихъ пѣсенъ—мѣстное пріуроченіе. Въ данномъ случаѣ находится въ началѣ пѣсни прямое указаніе, гдѣ рисовали святый образъ. Выравой въ Галиціи называется одна горная вершина. Самое слово Вырава—румынское, отъ латинскаго verum, veruina—копье.

Сравнивая галицко-русскую пѣсню о нерукотворномъ образѣ съ Посланіемъ Авгаря, мы находимъ, что народная пѣсня воспользовалась только двумя мотивами апокрифа: сказаніемъ о живописцѣ Лукѣ и сказаніемъ о томъ, что Лука побоялся войти въ Іерополисъ; но затѣмъ сильно измѣнила эти сказанія, въ особенности второе. Вмѣсто жителей Іерополиса, которые не обнаружили враждебнаго отношенія къ ап. Ѳаддею, но которыхъ ап. Ѳаддей лишь остерегся, являются лѣсные разбойники.—Въ апокрифѣ огненный столбъ стоитъ

надъ камнемъ съ ликомъ Спасителя; въ пѣснѣ фурманъ грозитъ разбойникамъ, что они обратятся въ столбы, и они дѣйствительно обращаются въ столбы.

Пѣсня остановилась на Богоматери и поставила Ее въ положеніе главнаго дѣйствующаго лица. Богородица «лемъ тваричку (т. е. лице) притулила, доразъ образъ утворила»; но не поясняется при этомъ, свое ли лице или лице своего Сына. Народная фантазія самостоятельно обработала апокрифическіе мотивы посланія Авгаря. Воспользовавшись немногими чуждыми апокрифыми элементами, она снабдила ихъ чертами народнаго добродушія и юмора (Лукачъ заспаный) и чертами домашнаго быта (фурманъ, четыре вола, запряженные въ одинъ возъ).

25—27.

Обходы апостольскіе. Повѣсть о панагіи пресв. Богородицы. Сказанія объ Іудѣ предателѣ.

Въ одномъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ русской письменности, «Святославовомъ сборникѣ», уже упоминаются «Обиходи и ученія апостольская», апокрифъ, встрѣчающійся и въ греческомъ индексѣ отреченныхъ книгъ, приписываемомъ Анастасію Синаиту. Въ большей части русскихъ индексовъ находится объяснительная глосса къ заглавію «Обходи апостольскіе», служащая, между прочимъ, отдѣльнымъ заглавіемъ для одной редакціи апокрифа, по которой «пришедше (апостолы) ко граду, обрѣтоша человѣка, орюща волы и просиша хлѣба; онъ же иде въ градъ хлѣба ради, апостоли же безъ него взораша ниву и насѣяша, и пріиде съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу.» Въ этихъ немногихъ словахъ выражается содержаніе апокрифическаго «Хожденія апостоловъ Петра, Андрея, Матѳея, Руѳа и Александра», напечатаннаго Н. С. Тихонравовымъ во II т. «Памятн. отреч. литературы по рукописи XVII вѣка».

Въ этомъ апокрифѣ есть провосходное сказаніе о томъ, какъ апостолы засѣяли крестьянскую ниву. Апостолы шли полемъ и почувствовали голодъ. Они увидѣли старика крестьянина, выѣхавшаго пахать ниву. «Приближишася ко старцу и рече Петръ къ нему: радуйся, дѣлателю добрый! И рече имъ старецъ: радуйтеся и вы, добріи странницы! И рече ему Петръ: имаши ли хлѣбъ, да даси намъ, яко алчни есмы? И глагола имъ старецъ: поблюдите вола моего и

нивы; азъ шедъ принесу вамъ хлѣбы изъ града. И рече Петръ: поиди, а мы поблюдемъ, да ходи скоро. И рече Петръ: а волы твои ли есть? И рече старецъ: нанялъ есмь. Пошедъ же старецъ во градъ, и рече Андрѣй: нѣсть намъ лѣпо сѣдѣти; но потрудимся за старца. Петръ же воставъ и взятъ за рало, Андрѣй же за волы, и рече къ Петру: брате, что трудъ возлягаеши (на себя)? ты бо еси пастырь и отецъ всѣмъ намъ; то ли ты трудитися хощеши? И пріимъ Петръ пшеницу и благослови ю и сѣяше на селѣ старче. Руѳъ же и Александръ и Матѳѣй бѣша одесную валовъ хожаху, и благословиша и рѣша: приди роса небесная благая и вѣй вѣтръ добрый, и облакъ да обросить, и да придутъ и почіютъ на нивѣ сей. И абіе по словесѣхъ сихъ скоро сѣянная нива прозябе, и бысть исполнена классъ. И пришедъ старецъ съ хлѣбы, и видѣ ниву возрастшу, и положи хлѣбы скоро, паде къ ногамъ ихъ, и рече: владыки, бози вы есте! И рече ему Петръ: востани, человѣче, мы нѣсмь бози, но посланники есмы Божіи».

Это величественное и поэтическое сказаніе произвело сильное впечатлѣніе на мысль и воображеніе земледѣльческаго народа русскаго и отразилось во многихъ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ, Въ малорусской щедривкѣ:

Въ чистимъ поли плужокъ оре,
А въ тимъ плужку чотыри волы половіи,
А въ нихъ роги золотіи.
Святый Петро за плугомъ ходить;
Святый Павло волы гонить.
Пресвятая Дива ѝсти носить,
Исти носить, Бога просить:
«Уроди, Боже, жито, пшеныцю,
Усяку пашницю».

(Чуб., т. III, стр. 450).

Въ галицко-русской колядкѣ:

По загуменью плуженько оре,
За плужкомъ ходить самъ Богъ небесный,
А святый Павло волоньки гонитъ,
А святый Петро волоньки водитъ.
А вышла и къ нимъ Божая Мати:

«Орить, сыночки, зъ дрибна нибочки.
Будемъ сіяти жито, пшеницю,
Жито, пшеницю, всяку сѣвбицю». (Гол. т. II, стр. 16).

Въ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ о хожденіяхъ апостоловъ говорится большею частью, что апостолы сопутствуютъ Іисусу Христу. Господь ходитъ съ апостолами по землѣ, испытываетъ людей, награждаетъ людей добродѣтельныхъ и наказываетъ порочныхъ, иногда вступаетъ въ споръ съ ап. Петромъ о величинѣ неба и земли или о законахъ высшей справедливости, причемъ апостолы подвергаются на пути разнымъ житейскимъ непріятностямъ, голоду и жаждѣ.

Въ нѣкоторыхъ разсказахъ и пѣсняхъ выступаютъ только два верховныхъ апостола Петръ и Павелъ (напр. у Чубин. т. I, стр. 167). Изрѣдка встрѣчается выраженіе Петро-павло. Нельзя однако обосновать на немъ мнѣнія, что простой народъ отождествляетъ Петра и Павла и принимаетъ ихъ иногда за одно лице. Это формальное появленіе сокращенія или даже соединенія словъ, часто встрѣчающихся рядомъ, напримѣръ грунтъ-худоба (Ант. и Драг., Истор. пѣс. т. I, стр. 119), хлибъ-силь (118), звиръ-птиця (117), часъ-година (139), степъ-долина (139).

На первыхъ страницахъ древней лѣтописи находится сказаніе о хожденіи ап. Андрея по русской землѣ, съ остановками на мѣстахъ, гдѣ возникли впослѣдствіи Кіевъ и Новгородъ. Сказаніе это настолько хорошо всѣмъ извѣстно, что здѣсь нѣтъ надобности его повторять. Достаточно сдѣлать ссылку на 1 т. «Исторіи русской церкви» проф. Е. Голубинскаго, гдѣ это сказаніе разсмотрѣно подробно, по кіевской редакціи въ древнѣйшей лѣтописи и по новгородской— въ Степенной книгѣ и въ житіи Михаила Саллоса, въ связи съ греческими сказаніями объ ап. Андреѣ. «Какъ въ вопросѣ о народныхъ преданіяхъ вообще, говоритъ г. Голубинскій, такъ и въ вопросѣ о нашей повѣсти нельзя рѣшить, есть ли она произведеніе творчества общенароднаго или частнаго, въ послѣднемъ случаѣ принадлежащее какому-нибуть досужему грамотнику. Вѣроятнѣе и желательнѣе думать, конечно, первое; но нисколько не невозможно и второе» [1]). Колебаніе въ сужденіи о народности легенды о св.

---

[1]) *Голубинскій*, Ист. рус. церкви, т. I, стр. 1.

Андреѣ излишне. Проф. Дашкевичъ категорически и, мы думаемъ, вполнѣ основательно замѣчаетъ, что легенда о путешествіи св. Андрея по Россіи «христіанская, книжнаго происхожденія»[1]). Существуетъ цѣлый циклъ славянскихъ народныхъ сказаній о хожденіи апостоловъ, сказаній великорусскихъ, малорусскихъ, польскихъ, сербскихъ; основной характеръ всѣхъ этихъ сказаній, главные ихъ мотивы и даже подробности повѣствовательныхъ мотивовъ сходны. Обходы апостольскіе большею частью относятся ко времени земной жизни Спасителя и совершаются подъ Его высшимъ руководствомъ. Правда, встрѣчаются сказанія о хожденіяхъ апостоловъ безъ участія Іисуса Христа; но при этомъ почти всегда апостолы ходятъ группой. Въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ встрѣчаются обходы двухъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла; но эти разсказы очень малочисленны и анекдотическаго свойства. Затѣмъ апостолы входятъ въ самое тѣсное общеніе съ крестьянами, посѣщаютъ села, а не города, причемъ названія селъ не встрѣчаются, такъ какъ вся сила народнаго разсказа о хожденіяхъ апостоловъ коренится въ фактѣ ихъ гуманнаго сближенія съ міромъ—народомъ Божіимъ, въ ихъ заботливости о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи сѣрой крестьянской массы. Въ народныхъ сказаніяхъ о хожденіяхъ апостоловъ постоянно встрѣчаются противоположенія гордаго человѣка смиренному, богатаго бѣдному, скупаго и хищнаго доброму и благожелательному, тѣ же противоположенія дидактическаго свойства, которыя находятся въ сказкахъ о богатомъ и бѣдномъ и въ сказкахъ о трехъ братьяхъ; но нѣтъ въ нихъ противоположенія народа по мѣстнымъ этнографическимъ различіямъ, противоположенія, вышедшаго не изъ дидактизма или морализаціи, свойственной народной поэзіи, а изъ ироніи и насмѣшки, которыя, правда, встрѣчаются и въ народной поэзіи, но какъ нѣчто низменное, второстепенное, съ ограниченнымъ кругомъ дѣйствія и вліянія.

Въ житіяхъ ап. Андрея Епифанія (VIII в.) и Симеона Метафраста говорится о путешествіи ап. Андрея на сѣверномъ берегу Чернаго моря, о его пребываніи въ Херсонесѣ таврическомъ и проповѣдываніи евангелія среди скиѳовъ. Помимо всякаго тщесла-

---

[2]) *Дашкевичъ*, въ „Кіевск. Универс. Извѣстіяхъ“ 1886 г., т. XI, стр. 222.

вія, на которое неоднократно указываетъ проф. Голубинскій, древній русскій книжникъ, скромный и благочестивый монахъ, составляя по греческимъ источникамъ повѣсть о св. Андреѣ, простодушно принялъ сѣверный берегъ Чернаго моря и Скиѳію за русскія земли искони, тѣмъ болѣе, что имѣлъ достаточный поводъ думать такимъ образомъ въ существованіи въ его время на черноморскому берегу въ Тмуторакани русскихъ поселеній. Достаточно было, что въ русскую письменность проникло извѣстіе о личномъ пребыванія ап. Андрея въ Россіи. Къ легендѣ объ ап. Андреѣ, первоначально, можетъ быть, очень простой и краткой, приросли разныя этнографическія и географическія подробности, вполнѣ или отчасти вошедшія въ древнѣйшую лѣтопись. Подробности эти могли выработаться среди дружинниковъ, людей бывалыхъ, много видѣвшихъ и много слышавшихъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстными этнографическими различіями русскихъ славянъ. Можетъ быть, легенда о путешествіи ап. Андрея по Днѣпру и Волхову была совсѣмъ неизвѣстна простому народу за предѣлами Кіева, гдѣ популярности этой легенды содѣйствовала церковь крестовоздвиженская, нынѣ не существующая, а позднѣе столь живописно красующаяся на холмѣ церковь ап. Андрея Первозваннаго.

Особнякомъ стоитъ весьма мало извѣстный апокрифъ о панагіи святыя Богородицы, найденный Калужняцкимъ въ одномъ сборникѣ свято-онуфріевскаго монастыря во Львовѣ. Въ этой повѣсти говорится о враждѣ апостоловъ къ Ѳомѣ и о благодати, оказанной ему пресв. Богородицей и состоявшей въ томъ, что пресв. Богородица подарила ему свою зѣнницу въ знакъ своего съ нимъ на небѣ срѣтѣнія [1]).

Въ различныхъ памятникахъ малорусской народной словесности находятся краткія замѣтки объ Іудѣ предателѣ, замѣтки апокрифическаго свойства, дающія поводъ предполагать, что въ старинной южнорусской письменности было что-либо цѣльное въ этомъ отношеніи. Въ мартовской книжкѣ «Кіев. Старины» текущаго года находится указаніе, что въ одной находящейся въ Смоленскѣ рукописной книгѣ конца прошлаго столѣтія есть апокрифъ о жизни Іуды предателя, начиная съ его дѣтства (стр. 537). Желательно

---

[1]) *Калужняцкій*, Обзоръ слав.-рус. памят., стр. 2

было бы этотъ апокрифъ въ печати, тѣмъ болѣе, что въ этомъ указаніи находится заманчивая подробность: «съ дѣтства». Въ малорусскихъ заговорахъ отъ закрутки: «якъ берестъ отъ огню корчится, такъ беззаконного Юду (або Юдиху), мѣсячного видьмача, щобъ корчило и ломало» (Ефим. 42, 43). Благодаря любезности П. В. Иванова, я получилъ изъ купянскаго уѣзда харьк. губ. слѣдующій любопытный народный разсказъ объ Іудѣ, связанный въ апокрифическимъ, подробно развитымъ въ евангеліи Никодима, сказаніемъ о сошествіи Христа во адъ.

«Сусъ Христосъ всихъ вывивъ изъ пекла, тилько Юда-ябеда остався; винъ и тому ажъ трычи казавъ, щобъ выйшовъ изъ пекла, а Юда побоявся, щобъ святи отци его не вкоряли. Якъ за третимъ разомъ Юда не послухавъ Христа, такъ Господь сказавъ: «проклятый же ты, Юда-ябеда, отъ ныни и до вику! Тутъ же ты оставайся и перелогами питайся». Ото-жъ якъ личать одъ перелогивъ, то кажуть: Сусъ Христосъ за столомъ сыдыть, проскурку ӱда и виномъ запива, а лукавый Юда-ябеда пидъ столомъ лежить та перелоги зажира». (Слобода Преображенная).

П. В. Ивановъ записалъ также другой народный разсказъ о томъ, что Іуда отъ угрызенія совѣсти повѣсился на осинѣ. Указаніе на этотъ разсказъ находится въ одной фразѣ заговора «на вырване завытте», записаннаго Шишацкимъ Иличемъ въ черниг. губ.: «якъ на осицѣ Юда вѣшався» (Ефим., 42).

Въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ объ Іудѣ обнаруживается стремленіе сблизить Іуду съ діаволомъ. Это стремленіе обнаруживается въ румынской народной поэзіи. Такъ въ румынской повѣсти о табакѣ главный демонъ Искаріотъ посылаетъ изъ ада на землю трехъ демоновъ, чтобы они всюду сѣяли тютюнъ (Веселовскій, въ XXXII т. Сборн. Ак. Н., стр. 88); въ румынской колядкѣ Іудой называется водяной царь (ib., 263); въ другой румынской колядкѣ Іуда пробирается въ рай и, пользуясь сномъ ап. Петра, крадетъ райскіе ключи, престолъ Господа, солнце, мѣсяцъ, утреннюю зарю, купель Сына, траву босилька и райскіе цвѣты, крестъ, мvро, и все это приноситъ въ адъ. Илія взялъ молнію, разгромилъ Іуду, отнялъ у него добычу и привязалъ его цѣпями къ столбу (ib., 264). Названіе Іуды въ малорусскомъ заговорѣ «мисячнымъ видьмачомъ» показываетъ, что малоруссамъ извѣстно сказаніе о томъ, что Іуда

похитилъ было съ неба солнце и мѣсяцъ; нельзя однако опредѣлить, въ какомъ отношеніи находились румынское и малорусское сказанія, и если было заимствованіе, то кто у кого заимствовалъ.

28.

Притча о богатомъ и Лазарѣ.

Евангельская притча о богатомъ и Лазарѣ (отъ Луки, 16), вошла въ народныя пѣсни. Въ римско-католической церкви Лазарь получилъ значеніе покровителя нищихъ, въ особенности больныхъ нищихъ. Отсюда произошло названіе больницы лазаретомъ. У славянъ православнаго вѣроисповѣданія есть много духовныхъ стиховъ о богатомъ и Лазарѣ, причемъ самое слово Лазарь иногда теряетъ значеніе собственнаго имени и обращается въ нарицательное названіе бѣднаго человѣка. Великорусскія пѣсни о богатомъ и Лазарѣ представляются болѣе уклонившимися отъ евангельскаго текста, болѣе своеобразными, чѣмъ малорусскія пѣсни этого рода. Во многихъ великорусскихъ духовныхъ стихахъ о богатомъ и Лазарѣ говорится, какъ о родныхъ братьяхъ, причемъ оба они называются Лазарями (напр. въ «Калѣкахъ перехожихъ» т. I, стр. 43, 44, 48, 49).

Было два братца, два Лазаря:
Одинъ братецъ—богатый Лазарь,
Другой братецъ—убогій Лазарь.

Малорусскіе духовные стихи о богатомъ и Лазарѣ очень близко стоятъ къ евангельскому тексту, настолько близко, что ихъ нельзя назвать стихами апокрифическими. Они представляютъ лишь осложненіе евангельскаго сказанія разными, не столько бытовыми, сколько моральными мотивами, и весьма сходны. Въ сочиненіи Н. И. Костомарова «Объ историческомъ значеніи русск. народ. поэзіи», изданномъ въ 1843 г. въ Харьковѣ, находится стихъ о богатомъ и Лазарѣ. Въ сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ г. Манжуры, принадлежащемъ харьковскому историко-филологическому обществу, находится духовный стихъ о богатомъ и Лазарѣ, записанный И. И. Манжурой въ семидесятыхъ годахъ въ с. Люботинѣ валковскаго уѣзда. Сравнивая эти стихи, мы усматриваемъ большое сходство между

ними, доходящее мѣстами до тождества выраженій. Сравнивая далѣе эти малорусскіе стихи съ галицко-русскими духовными пѣснями о богатомъ и Лазарѣ, находящимися въ сборникахъ г. Головацкаго и г. Кольберга, мы видимъ столь же большое сходство мотивовъ и выраженій. Въ варіантѣ, записанномъ г. Кольбергомъ въ Покутьѣ (т. II, стр. 280), находятся лишь незначительныя дополненія при описаніи грѣховъ богатаго. Къ общимъ во всѣхъ варіантахъ чертамъ (богатый не ходилъ въ церковь, одѣвался въ дорогія одежды, не соблюдалъ постовъ) добавляются такія мелочи:

Пре мисця та Божимъ главы не скланявъ,
Молитвы божественны нигды не змавлявъ.

Евангельская притча о богатомъ и Лазарѣ получила большую популярность въ народѣ, между прочимъ потому, что вполнѣ удовлетворяла народнымъ понятіямъ о неправедномъ значеніи богатства, понятіямъ выразившимся въ сказкахъ о богатомъ и бѣдномъ и въ многихъ пословицахъ, въ родѣ: изъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ; срибло-золото тягне чоловика въ болото; богатый дрибно крае; богатый о биднимъ не гадае.

29.

Сказаніе царя Анфилога о святой литургіи.

Г. Калужняцній въ сборникѣ свято-онуфріевскаго монастыря въ Львовѣ нашелъ любопытное апокрифическое «Сказаніе Анфилога, царя сарацинскаго, о святой литургіи и обращеніе его къ христіанской вѣрѣ, вмѣстѣ съ братомъ его, царемъ Кликанцомъ». Г. Калужняцкій напечаталъ этотъ апокрифъ въ «Обзорѣ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ» (стр. 26—28). Приводимъ въ подлинникѣ его начало.

«Бысть Анфилогъ отъ царскаго рода, дръжаще въ тѣ лѣта поганымъ срациномъ. И поихавшу же Анфилогу къ брату своему въ Іерусалимъ градъ и видѣ церковь. И вниде же Анфилогъ въ святилище Божіе не тъкмо самъ, но и велблуды веляше увести, велблуды же падше изъмроша въси. Анфилогъ же рече: хощу видѣти поганскую вѣру и службу ихъ. И въшедъ на полату, нача

смотрити опасно, идеже съвръшается святая служба. И видѣ попа приступающа къ святѣй трапезѣ. И просвѣтися лице его (т. е. попа), яко слънце, а ризы его яко огнь, когда приступи къ святому жрътовнику. И не показа Богъ поганому просфуры, но показа ему дѣтипь образъ свой. И множество ангелъ стояще окрестъ съ оружіемъ. И нача попъ заклати дѣтище, и абіе истече кровь и вода. По искончаніи же того, егда рече попъ: *благослови, владыко!* въ той часъ ста церковь ледяна, а алтарь огненъ. А егда рече попъ: *пресвятую, чистую*, въ той часъ приступиша множество ангелъ, подемше руцѣ за весь міръ христіанскій, моляшеся Богу. Егда же іерей начнеть глаголати: Богъ святый на святыхъ почивая, тогда множество ангелъ поднимутъ апостолъ, и речеть Михаилъ: вонмѣмъ! а Гавріилъ речеть: миръ вамъ! И начнетъ чести попъ евангеліе и въ то время триста ангелъ взимаютъ съ похвалою слова та, несутъ на небо. Когда глаголетъ попъ: яко милостивъ человѣколюбецъ Богъ еси, тогда вышедъ изъ олтаря ангелъ, нося стекляницу полну мvра, знаменаетъ предстоящая люди. Егда попъ начнетъ глаголати: оглашенніи изыидете, тогда ангелы, собравше грѣшники, ведутъ вонъ изъ церкве, а праведники оставляютъ...». Участіе ангеловъ продолжается далѣе въ теченіи всей литургіи, и наконецъ въ богослуженіи принимаютъ участіе Іисусъ Христосъ и Св. Духъ въ видѣ голубя. Въ храмъ врываются демоны и облекаютъ іерея сѣтями, чтобы его прельстить; но ангелы прогоняютъ ихъ огненнымъ оружіемъ. Св. Духъ въ видѣ голубя спускается на св. Дары; далѣе приходитъ Христосъ съ 12 апостолами и цѣлуетъ Дары и священнослужителя. Св. Духъ спускается на іерея и покрываетъ его. По произнесеніи словъ: *пріимите, ядите*, хлѣбъ претворяется до половины, а послѣ словъ священника: *пійте отъ нея* совершается полное пресуществленіе св. Даровъ. Тогда ангелы снимаютъ съ людей грѣхи и сожигаютъ ихъ. Послѣ словъ діакона: главы ваша преклоните и слѣдующихъ затѣмъ словъ священника: Боже святый живый въ вышнихъ, ангелъ выходитъ изъ алтаря и кладетъ вѣнецъ на людей, стоящихъ со страхомъ на молитвѣ. По окончаніи литургіи священникъ поднесъ Анфилогу просфору; но Анфилогъ отказался ее взять и съ негодованіемъ сказалъ, что онъ видѣлъ, какъ священникъ убилъ ребенка. Священникъ сказалъ, что такого чуда еще никто не видѣлъ. Пораженный этимъ чуднымъ видѣніемъ, царь

Анфилогъ крестился и принялъ даже схиму. По совѣту патріарха Анфилогъ отправился въ сарацинскую землю и обратилъ въ христіанство брата своего Кликанца. Анфилогъ и Кликанцъ стали проповѣдывать христіанскую вѣру и были казнены сарацинами. Люди стали чтить ихъ память и поклоняться ихъ мощамъ [1]).

Происхожденіе этого апокрифа мнѣ неизвѣстно. Можетъ быть, апокрифическое сказаніе о царѣ Анфилогѣ возникло подъ вліяніемъ сборника патріарха Фотія «Амфилохіи», заключающаго въ себѣ разсужденія о разныхъ предметахъ вѣры и получившаго названіе отъ имени лица, къ которому разсужденія были адресованы [2]).

Въ южнорусскихъ литературныхъ памятникахъ семнадцатаго вѣка находятся отрывки изъ сказанія Анфилога, напримѣръ въ «Небѣ Новомъ» Галятовскаго 1662 г. Въ Чети-Минеяхъ Димитрія Ростовскаго говорится объ участіи ангеловъ при совершеніи литургіи.

Г. Калужняцкій усматриваетъ слѣды сказанія Анфилога въ посланіи ростовскаго архіепископа Вассіана II († 1515) къ Николаю Шембергу. «Поэтическіе образы Анфилогической легенды могли понравиться преосвященному Вассіану именно какъ средство риторическаго искусства, и онъ не усомнился въ числѣ приведенныхъ имъ историко-богословскихъ выводовъ высказать мнѣніе, что въ извѣстныя мгновенія православной литургіи слетаютъ ангелы съ небесъ въ церковь, являются цѣлыя толпы святыхъ ликовъ, чтобы участвовать въ безкровномъ жертвоприношеніи и такимъ образомъ увеличивать его божественную святость и значеніе. Прекрасные образы Анфилоговой легенды выходили затѣмъ постепенно за границы своей собственной сферы и получили въ устахъ Вассіана (а мы добавимъ отъ себя: и въ устахъ южнорусскихъ проповѣдниковъ), по предварительномъ устраненіи апокрифическихъ прибавленій, значеніе поэтическихъ мотивовъ, при содѣйствіи которыхъ должно было укрѣпляться въ глазахъ народа убѣжденіе, что православная литургія лучше другихъ литургій, что она есть соединенное служеніе ангеловъ и людей вмѣстѣ (28).

---

1) *Калужняцкій*, стр. 26—28.

2) Объ Амфилохіяхъ см. *Филарета*, Историч. ученіе объ отцахъ церкви, т. III, стр. 336.

Кромѣ «Сказанія Анфилога» въ южной Руси, повидимому, было въ старину извѣстно еще другое апокрифическое сказаніе о литургіи, упоминаемое въ индексѣ отреченныхъ книгъ въ рукописномъ сборникѣ львовскаго свято-онуфріевскаго монастыря, именно въ «Статьѣ о службѣ тайнъ Христовыхъ», гдѣ говорится, что «если опоздаютъ священници съ жертвоприношеніемъ, то ангели попа клянутъ, рекше: врата небесныя затворяются» (Калужн., 24).

(Окончаніе слѣдуетъ).

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

ПРОГУЛКА СЪ УДОВОЛЬСТВІЕМЪ И НЕ БЕЗЪ МОРАЛИ.

(Окончаніе) [1].

VIII.

Очаровательная хозяйка послѣ обѣда сейчасъ-же удалилась вмѣстѣ съ братомъ. За ними послѣдовалъ и догадливый Прохоръ, а я, подумавши немного, сладко, мягко, бархатно-мягко сомкнулъ мои очарованныя вѣжды, уложивъ свою особу на мягкой постели. Но увы! не успѣлъ я переступить границу дѣйствительности, какъ до полуслуха моего коснулись какіе-то странные неясные звуки, похожіе на чтеніе псалтыря надъ покойникомъ. Вслушиваюсь, дѣйствительно чтеніе, и чтеніе церковное. И голосъ какъ будто знакомый, но гдѣ этотъ знакомый голосъ: за стѣной, или подъ поломъ, не пойму. Я раскрылъ глаза; но зрѣніе слуху не помогло. Я всталъ, подошелъ тихонько къ двери, растворилъ ее, смотрю— въ передней никого нѣтъ, а звуки сдѣлались явственнѣе, и все таки похожи на чтеніе псалтыря. Нѣтъ-ли и въ самомъ дѣлѣ у меня сосѣда преставльшагося? Отворяю другую дверь, выхожу на лѣстницу и, ларчикъ просто отворялся, псалмо-любивый сторожъ мой Прохоръ, чтобы не безпокоить меня своимъ псалмолюбіемъ, расположился на самой послѣдней ступенькѣ лѣстницы и по всѣмъ правиламъ дьячковской декламаціи борзо читаетъ; «*не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе*». Съ удовольствіемъ прослушалъ я псаломъ до конца и возвратился во свояси, дивяся бывшему.

Благоговѣйное чтеніе Прохора теперь на меня дѣйствовяло иначе. Черезъ нѣсколько минутъ неясные звуки совсѣмъ исчезли, и мнѣ уже начало представляться какое-то очаровательное видѣніе

[1]) См. „Кіев. Стар." за августъ 1887 г., стр. 589—626.

въ родѣ прекрасной Елены, какъ вдругъ раздалось прозаическое громкое: цабе! цабе... собъ! тпрру!...

Не могу сказать, что именно, но мнѣ представилось что-то страшное. Я вскочилъ, подбѣжалъ къ окну, и о зрѣлище, достойное кисти Вувермана!—Великолѣпный дормезъ, запряженный четырьмя огромными, сѣрыми волами остановился противъ моей квартиры. Прохоръ оттворилъ дверцу и, какъ какого-нибудь кардинала, высаживалъ изъ дормеза моего не пышнаго Трофима. Эта оригинальная сцена уничтожила во мнѣ мысль не только о снѣ, но и о самомъ полежаньи.

Земляки мои, въ томъ, числѣ и я, самую серьезную матерію не могутъ не проткать хоть слегка, хоть едва замѣтною шуточкой. Землякъ мой (разумѣетея невольно) въ потрясающій финалъ «Гамлета» всучитъ такое словцо, что сквозь слезы улыбнешься. Въ доказательство я приведу примѣръ историческій.

Сообщники Искры и Кочубея, попъ №№ и писарь Подобайло, послѣ доброй пытки кнутомъ, лежали окровавленные на полу подъ рогожею и разсуждали о томъ, что не мѣшало бы позычить у москаля кропила (кнута) для своихъ непослушныхъ женъ. Не правда-ли, на своемъ мѣстѣ шуточка?

Вотъ и я теперь готовлю своего Трохима въ педагоги, къ дѣлу высокой степени благородному и серьезному. Такъ бы и начать слѣдовало это доброе дѣло. Нѣтъ, я вздумалъ его начать шуточкой, а отъ шуточки чуть было въ прахъ не разсыпалось мое доброе и серьезное намѣреніе.

Безъ малѣйшей причины пришла мнѣ въ голову нелѣпая фантазія притвориться сердитымъ на Трохима и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Когда онъ съ помощію Прохора внесъ чемоданъ въ комнату, я даже не взглянулъ на него, т. е. на Трохима. Онъ это замѣтилъ и взглянулъ на меня недовѣрчиво. Я продолжаю свою роль. Не обращаю вниманія на сконфуженнаго Трофима; приказываю Прохору принять по счету бѣлье, книги и прочія вещи, а самъ наскоро одѣваюсь и ухожу. Глупо, удивительно глупо! Но я, какъ школьникъ, былъ доволенъ этой импровизированной глупостью.

Извѣстной уже читателю волчьей тропинкой прошелъ я мимо патріарха клена въ также извѣстную аллею и потомъ въ завѣтный павильонъ. Тутъ встрѣтила меня съ братомъ прекрасная Елена и

панна Дорота съ чашкой чая въ рукѣ. Послѣ чая и веселаго живаго разговора герой мой взялся за шарманку: она завизжала какой то вальсъ, а я съ прекрасною Еленою, какъ неистовый нѣмецъ, закружился подъ это визжаніе. Панна Дорота выглядывала изъ-за самовара и замѣтно улыбалась.

Между тѣмъ начало уже замѣтно темнѣть въ павильонѣ. Мы вышли въ садъ, и тутъ-то я вспомнилъ о Трохимѣ и сообщилъ о его прибытіи моему герою. Герой мой, какъ умѣлъ, раскланялся и пошелъ привѣтствовать своего профессора и друга. Я предложилъ моимъ спутницамъ прогулку по волчьей тропинкѣ; онѣ охотно согласились, и мы безъ особенныхъ приключеній засвѣтло еще добрались до большой тополевой аллеи, ведущей къ дому. Въ аллеѣ встрѣтился намъ Иванъ Иванычъ Бергофъ, ѣдущій четверней въ коляскѣ моего возлюбленнаго родича. Гордый успѣхомъ, Иванъ Иванычъ показалъ видъ, что насъ не видитъ, а мы даже отвернулись, когда онъ проѣхалъ мимо насъ. И по дѣламъ тебѣ, нѣмецкій шулеръ!

При входѣ на широчайшій дворъ насъ встрѣтилъ герой мой и съ ужасомъ объявилъ намъ, что Трохимъ пропалъ.

Вотъ тебѣ и шуточка! подумалъ я, раскланиваясь со своими спутницами, и побѣжалъ на квартиру.

— Гдѣ Трохимъ? спросилъ я торопливо Прохора.

— А Богъ ёго святый знае, отвѣтилъ онъ равнодушно.

— Онъ тебѣ ничего не сказалъ, когда уходилъ? спросилъ я нетерпѣливо.

— Сказалъ... и Прохоръ остановился.

— Что же онъ тебѣ сказалъ? говори скорѣе.

— Онъ сказалъ... та цуръ ёму! онъ нехорошее слово сказалъ...

— Говори скорѣе, я все хочу знать!

— Онъ сказалъ, что на васъ не только добрый человѣкъ, самъ чертъ не угодитъ и что когда онъ вамъ понадобится, такъ чтобы вы его и въ Кіевѣ не шукали.

— Попроси ко мнѣ Осипа Федоровича, сказалъ я Прохору.

Онъ поспѣшно скрылся, и черезъ минуту явился ко мнѣ опечаленный герой мой. Я объявилъ ему, въ чемъ дѣло, и просилъ его не медля отправиться въ погоню за Трохимомъ.

— Онъ вѣрно теперь въ Будищахъ, у отца Саввы, прибавилъ я.

Герой мой вышелъ. Я остался и отъ нечего дѣлать началъ углубляться въ смыслъ моей глупой шуточки.

Значитъ, я плохо зналъ моего Трофима, когда позволилъ себѣ подобную выходку. Глупо и еще разъ глупо! И даже неоригинально глупо! Прохоръ первый думаетъ теперь, что я тиранъ, что я бѣшеная собака, что со мною не только добрый человѣкъ, самъ чертъ не уживется. Еще разъ глупо!

— Пожалуйте, васъ просятъ въ покои, проговорилъ Прохоръ, отворяя дверь.

— А въ покояхъ ничего не говорятъ о Трохимѣ? спросилъ я его экспромптомъ.

— А Богъ ихъ святый знае. Назаръ лакей говорить, что...

— Что Назаръ лакей говоритъ? перебилъ я его.

— Что, говоритъ, Трохимъ отъ васъ убѣжалъ.

— Вретъ онъ! Трохимъ забылъ въ Будищахъ очень нужную мнѣ книгу и пошелъ за нею. Кто же виноватъ?—Не забывай! прибавилъ я экспромптомъ весьма неудачно и даже непростительно глупо. Ну, къ чему мнѣ было врать передъ Прохоромъ? Чтобы утвердить его мнѣніе, что я дѣйствительно бѣшеная собака, да еще и хитрая собака. Одна ошибка ведетъ за собою другую,—это въ порядкѣ вещей. Какъ бы однакожъ вывернуться изъ этого глупаго порядка вещей?

Прохоръ лукаво посмотрѣлъ на меня, а я, какъ будто ничего не замѣчая, безпечно просвисталъ качучу, взялъ шапку и вышелъ.

— Вретъ да еще присвистываетъ, навѣрное такъ подумалъ Прохоръ,—сказалъ я про себя, и, скрѣпя сердце, вошелъ въ извѣстную круглую залу á la турецкая палатка. Въ залѣ никого не было; я расположился на отоманѣ въ ожиданіи кого нибудь. Наскучивъ ожиданіемъ, вошелъ я въ кабинетъ хозяина и наткнулся на происшествіе такого свойства: хозяинъ и мой возлюбленный родичъ сидѣли молча за испачканнымъ ломбернымъ столомъ, вперивъ багровые глаза и такіе же носы въ стаканы съ дымящимся пуншемъ. По временамъ произносилось слово *моя*, и за словомъ передвигался цѣлковый съ одного конца стола на другой. Я долго не могъ понять, что между ними происходитъ. Они играютъ, это вѣрно, но въ какую игру? Наконецъ я догадался. Они забавляются въ муху, т. е. въ чей стаканъ прежде упадетъ муха, того и призъ. Хороши мальчики, подумалъ я, глядя на пріятелей и, гнушаясь ихъ отвратительной забавой, вышелъ изъ кабинета, не замѣченный ими.

Я оставилъ пріятелей ругающихся за сомнительное плюэ. Въ палаткѣ-залѣ по прежнему никого не было; мимо десяти незагадочныхъ чулановъ прошелъ я въ китайскую залу съ загадочными фирмами. И тамъ никого не было. Я вышелъ въ садъ—никого, въ павильонѣ—тоже. Куда же скрылася моя прекрасная Елена со своею дуэньею? Задавши себѣ такой вопросъ, я прежнимя переходами возвратился въ свою квартиру, легъ и занялся внимательнымъ созерцаніемъ потолка.

Въ непродолжителтномъ времени Прохоръ отворилъ дверь и сказалъ, что меня просятъ иа вечерю. Я отказался отъ вечери и снова принялся за потолокъ. Не помню, на чемъ я остановился въ своихъ тонкихъ наблюденіяхъ. помню только, что я проснулся, погасилъ свѣчу, поворотился къ стѣнѣ и опять заснулъ.

Проснулся я рано, и мнѣ живо представился заманчивый горизонтъ съ двумя вѣтряными мельницами. Семъ-ка провѣдаю, что тамъ дѣлается за мельницами! Всталъ, надѣлъ шапку, взялъ палку и вышелъ. Златовласая, румяноланитая Аврора уже умылася алмазною росою и радостно улыбалась сладко дремавшей землѣ. Вздохнувъ свѣжимъ, влажнымъ воздухомъ, я вздрогнулъ легонько и, помолившись Богу, направился къ широкой тополевой аллеѣ. Пройдя аллею, остановился я на распутьи двухъ дорогъ. Одна мнѣ знакома, она ведетъ въ село Будища, а другая, Богъ знаетъ, куда приведетъ. Я выбралъ ту, которая Богъ знаетъ, куда приведетъ. Иду. Направо лѣсъ, налѣво поле, а впереди сѣрѣетъ село, подернутое облакомъ прозрачнаго дыма. Вхожу въ село. Извилистая улица спускается внизъ и соединяется съ греблей. Ниже гребли мельница и винокурня, а по другую сторону, почти въ уровень съ греблей, блестящій широкій прудъ. За прудомъ такое же сѣроватое село и вьющаяся улица по красноватому пригорку. На пригоркѣ шинокъ, за шинкомъ царина, поле и двѣ вѣтряныя мельницы. Васъ-то мнѣ и нужно, голубушки.

— Добрый день, батьку! сказалъ я сѣдобородому старику, прилаживавшему лубочныя двери къ своему куреню.—Нехай Богъ поможе, прибавилъ я, приподымая шапку.

— Добрый день, сыну! Нехай и вамъ Богъ поможе, проговорилъ онъ, снимая шапку.

— А куда Богъ несе? спросилъ онъ почтительно.

— Гуляю, батьку! отвѣтилъ я, проходя мимо его.

— Гуляй соби съ Богомъ, сыну! проговорилъ онъ, надѣлъ шапку и снова принялся за лубковую дверь. А я вышелъ въ поле и пошелъ себѣ шляхомъ-дорогою, насвистывая какую то украинскую пѣсню.

Прошелъ я мимо вѣтряныхъ мельницъ и шагъ за шагомъ незамѣтно поднялся на заманчивую возвышенность и вдругъ остановился. Передо мною открылась неоригинальная и не новая для меня, но очаровательная картина. Обрамленная темнымъ лѣсомъ, широкая и безконечно длинная поляна раскинулась на отлогой покатости, уставленная въ безпорядкѣ старыми суховерхими дубами. Налюбовавшись до отвалу, мнѣ вдругъ пришла охота пощупать ногами эту старую, неоригинальную картину. Крѣпко захотѣлъ—въ половину сдѣлалъ... Проговоривши эту святую истину, пустился я ощупывать старую картину и, переходя отъ дуба къ дубу, нечаянно наткнулся на широкій и глубокій ровъ. Смотрю, за рвомъ на большомъ пространствѣ, приблизительно двухъ квадратныхъ верстъ, зеленѣетъ на бархатномъ мѣстѣ молодая пажить. А между этой тучной роскошной зеленью, какъ темныя ленты, протянулись два обнижка (межа) и на одномъ изъ нихъ гуляетъ высокій человѣкъ, весь въ бѣломъ. Я далекъ отъ вѣры въ заколдованные клады, которые счастливцамъ являются тоже въ бѣломъ. Но тутъ чуть чуть не приблизился я къ этой нелѣпой вѣрѣ. Хорошо, что этотъ мнимый кладъ, увидя меня, сталъ ко мнѣ приближаться. Когда онъ подошелъ на нѣсколько шаговъ ко рву, то я приподнялъ шапку, пожелалъ ему добраго утра и спросилъ:

— Чья это такая прекрасная пшеница?

— Доктора Прехтеля, т. е. моя, отвѣчалъ незнакомецъ и, приподнявъ бѣлую фуражку, прибавилъ: имѣю честь рекомендоваться.

Я посмотрѣлъ на него внимательнѣе. Это былъ бѣлый, свѣжій, худощавый, высокаго роста старикъ, въ кавалерійскомъ бѣломъ кителѣ и въ такихъ же широкихъ шароварахъ. Съ минуту стояли мы молча другъ противъ друга. Я уже намѣренъ былъ сказать что то, какъ онъ внезапно уничтожилъ мой проэктъ вопросомъ.

— Вы не здѣшній? и вѣроятно заблудились?

— Ваша правда, я не здѣшній! Я художникъ Дармограй, отвѣчалъ я, какъ будто растерявшись, что со мною дѣлается всегда при первой встрѣчѣ.

— Вашу руку! Я люблю художниковъ, истинныхъ Божіихъ дѣтей, проговорилъ онъ быстро и протянулъ мнѣ руку. Я сдѣлалъ тоже и очутился въ канавѣ. Онъ сдѣлалъ мнѣ сначала выговоръ за неосторожное движеніе, потомъ подалъ мнѣ руку и вытащилъ, аки пророка Даніила изъ рва львинаго, немного выпачканнаго грязью.

— Теперь здравствуйте, какъ слѣдуетъ, сказалъ онъ, улыбаясь и пожимая мои руки.

— Ваше имя? спросилъ я его.

— Степанъ Осиповичъ Прехтель.—А ваше? прибавилъ онъ быстро. Я сказалъ ему свое имя.

— Очень хорошо. Теперь пойдемъ къ моей старухѣ; она, какъ и я самъ, тоже любитъ художниковъ. И, говоря это, онъ вывелъ меня на обнижокъ. Но какъ эта дорога оказалась тѣсною для двоихъ пѣшеходовъ, то онъ пустилъ меня впередъ, а самъ пошелъ за мною. Молча прошли мы зеленую ниву и вступили въ молодую, аккуратно подчищенную рощу. Тутъ насъ встрѣтилъ красивый, здоровый парень въ бѣлой чистой рубахѣ и такихъ же широкихъ шароварахъ. Парень снялъ смушевую черную шапку и кланяясь проговорилъ:

— Добрый день, дядюшка!

— Добрый день, Сидоръ! отвѣчалъ ему новый мой знакомый.

— Что хорошее скажешь, Сидоръ? спросилъ онъ его.

— Тетушка Софія Самойловна послали васъ шукать, отвѣчалъ парень, кланяясь.

— Добре, скажи: прійдемо, сказалъ докторъ Прехтель моимъ роднымъ нарѣчіемъ, что меня не мало удивило, принявъ въ соображеніе его ученую степень и нѣмецкую фамилію.

Пройдя дубовую рощу, мы очутились передъ бѣлою большою хатою съ ганкомъ (крылечко) и четырьмя, одной величины, окнами. Изъ-за хаты выглядывали еще какія-то строенія, но я не успѣлъ ихъ разсмотрѣть, потому что въ дверяхъ показалась кубическая, свѣжая, живая старушка въ ширококрыломъ бѣломъ чепцѣ и въ бѣлѣйшей широкой блузѣ.

— Рекомендую вамъ мою Софью Самойловну, сказалъ Прехтель, показывая на приближающуюся къ намъ старушку.

Я поклонился и проговорилъ свое имя и званіе.

— Ахъ! произнесла моя новая знакомка и, обратясь къ мужу, спросила:

— Гдѣ это ты взялъ такого дорогаго гостя?

— Богъ намъ послалъ, другъ мой, сказалъ онъ, нѣжно цѣлуя свою Софью Самойловну.

— Я вамъ пришлю кофе сюда въ рощу: въ комнатахъ еще безпорядокъ, сказала она скороговоркой и скрылась въ хату.

Телемонъ и Бавкида, подумалъ я, возвращаясь съ хозяиномъ въ рощу.

IX.

— Теперь отдохнемъ, сказалъ мой вожатый, садясь на дерновую, полукруглую скамейку.

— Отдохнемъ, повторилъ я, опускаясь на ту же скамейку.

Черезъ минуту къ намъ подошла бѣлолицая, свѣжая дѣвушка, въ малороссійскомъ костюмѣ и кланяясь сказала едва слышно:

— Де, дядюшка, прикажете столъ поставить?

— Хоть за воротами, мнѣ совершенно все равно, давай намъ только кофе, сказалъ мой Амфитріонъ, улыбаясь.

Дѣвушка вспыхнула и закрыла лице бѣлымъ широкимъ рукавомъ рубахи.

— Ты слова путнаго никогда не скажешь, сказала тутъ же очутившаяся Софія Самойловна.—Принеси скорѣе, Параско, круглый столикъ, прибавила она, обращаясь къ своей сконфуженной сотрудницѣ. А старикъ взглянулъ на меня и лукаво мигнулъ глазомъ, какъ бы говоря: каковъ я!

Въ одну минуту бѣлолицая Геба-Параска уготовала для насъ пиръ съ самомалѣйшими подробностями. На небольшомъ кругломъ столѣ она помѣстила все: и кофейникъ и кофейничекъ, и кипяченыя сливки въ миніатюрныхъ горшечкахъ, и булки и булочки, и сухари и сухарики, и наконецъ двѣ большія чорныя сигары, и зажигательныя спички. Недоставало одной Софьи Самойловны. Не замедлила и она явиться, но уже не въ блузѣ, а въ чорномъ шелковомъ платьѣ и въ щеголеватомъ свѣжемъ чепчикѣ. Она присосѣдилась къ намъ, и послѣ первой чашки кофе бесѣда завязалась. Я разсказалъ имъ подробно, кто я и что я. А они, или лучше сказать она, не вдаваясь въ мелочи, какъ это обыкновенно бываетъ у женщинъ ея лѣтъ, разсказала мнѣ все про свое житье бытье, не касаясь ни однимъ словомъ своихъ сосѣдокъ. Большая рѣдкость у женщинъ даже и не ея лѣтъ. Въ заключеніе она сказала мнѣ, что

у нихъ есть дочь, красавица, въ кіевскомъ институтѣ и что черезъ мѣсяцъ она оставитъ институтъ, и какъ она ее будетъ дома учить хозяйничать, и какъ замужъ думаетъ выдать. Тутъ только она вдалась въ подробности, но матери это простительно.

Есть на свѣтѣ такіе счастливые люди, которымъ не нужна ни какая рекомендація, съ которыми не успѣешь осмотрѣться хорошенько, какъ уже, самъ того не замѣчая, дѣлаешься своимъ, роднымъ, безъ малѣйшаго съ твоей стороны усилія. А есть и такіе несчастнѣйшіе люди, съ которыми и изъ семи печей хлѣба поѣшь, а все таки не узнаешь, что оно такое, человѣкъ или амфибія.

Не вставая съ дерновой скамьи и до половины не докуривъ сигары, я узналъ, что Степанъ Осиповичъ Прехтель былъ когда-то штабъ-лекаремъ въ курляндскомъ драгунскомъ, теперь уланскомъ полку, и что учился въ Дорпатѣ и что Софія Самойловна воспитанница графини Гудовичъ, жены командира того самаго курляндскаго драгунскаго полка, въ которомъ онъ служилъ когда-то медикомъ и что въ мѣстечкѣ Ольшанѣ (кіевской губерніи) они спозналися съ Софьей Самойловной, тамъ же и побралися и что сначала было не безъ нужды, пока Степанъ Осиповичъ не окрылился, т. е. пока не выслужилъ пансіонъ и не оставилъ службу. Потомъ купили себѣ тотъ хуторокъ, обзавелись хозяйствомъ да и живутъ, какъ у Бога за дверью.

Въ свою очередь и я разговорился и нарисовалъ имъ самими радужными красками мою прекрасную Елену и ея благороднаго, великодушнаго рыцаря-брата. Я такъ увлекъ стариковъ своимъ рисункомъ, что они со слезами на глазахъ стали меня просить познакомить ихъ съ братомъ и съ сестрою, о которыхъ они уже слышали, хотя еще не имѣли счастья видѣть эту благородную чету. Я обѣщалъ. Я предвидѣлъ отъ этого знакомства много прекраснаго и полезнаго для моей героини и еще болѣе для образованной красавицы, дочери Софьи Самойловны.

Онѣ раздѣлятъ свое нравственное добро, какъ родныя сестры, и обѣ будутъ богаты.

Старики прдложили мнѣ остаться у нихъ обѣдать. Я не отказался, а въ ожиданіи обѣда Степанъ Осиповичъ предложилъ мнѣ прогуляться по его палестинѣ. Я тоже не отказался, и мы пустились

соглядать не широкое, но милое, чистое, аккуратное хозяйство медико-агронома.

О подробностяхъ видѣннаго мною я распространюсь въ другомъ мѣстѣ, а теперь и не мѣсто и не время, потому что Софья Самойловна послала уже своего Сидора-Меркурія просить насъ къ обѣду. Я однакожъ ошибся. Сидоръ дѣйствительно шелъ искать къ обѣду, только не насъ, а карасей въ пруду. И когда мы проходили греблю, то я увидѣлъ сквозь тростникъ, какъ онъ вытащилъ вершу и изъ нея посыпалися въ човенъ крупные, золотистые караси. Я посмотрѣлъ и только облизался. Каковы же эти пріятели будутъ поджаренные со сметаной, подумалъ я и еще разъ облизался. Пріятели оказались дѣйствительно такими, какъ я думалъ. А вообще обѣдъ превзошелъ мое воображеніе своею простотою и чистотою до педантизма. Послѣ обѣда Степанъ Осиповичъ пригласилъ меня въ свою лабораторію—библіотеку прочитать, какъ онъ выразился, знаменитое твореніе особаго и перваго мудреца Морфея. Перейдя темныя сѣни, вступили мы въ половину Степана Осиповича. Это была большая комната съ четырьмя небольшими окнами, украшенными разной величины бутылями съ разноцвѣтными жидкостями. Въ премежуткахъ оконъ помѣщалися шкафы—одни съ аптекарскими банками, а другіе съ книгами; на столахъ сушилися первовесеннія ароматическія травы, а вѣнцемъ украшенія комнаты были двѣ койки съ свѣжими постелями, на которыя мы возлегли и заснули, да не какъ нибудь по воровски, а заснули по хозяйски, т. е. до заката солнца.

Чтеніе знаменитаго творенія мудреца Морфея продлилось бы и долѣе, еслибы не послышался изъ-за дверей знакомый звонкій голосъ Софьи Самойловны, спрашивавшей, не желаемъ ли мы чаю, на что Степанъ Осиповичъ лаконически отвѣтилъ: желаемъ!

— А когда желаете, такъ выходите въ садъ, сказала Софья Самойловна, стукнувши чѣмъ то металлическимъ въ дверь, вѣроятно ключемъ.

Мы встряхнулись, умылись и, какъ ни въ чемъ не бывало, вышли уже не въ дубовую рощу, а въ настоящій фруктовой садъ, расположенный по другую сторону хаты. Усѣлись мы на дерновой скамьѣ подъ старою огромною липою, раскинувшейся по серединѣ сада.

— А какъ бы намъ кто нибудь приподнесъ воды и сахару или варенья, сказалъ Степанъ Осиповичъ идущей къ намъ Софьѣ Самойловнѣ.

— Ты настоящій нѣмецъ! сказала она, улыбнувшись однимъ угломъ рта, что дѣлало ее необыкновенно милою старушкою.—Все бы ему воду да сахаръ. А чай куда дѣнешь? Настоящій нѣмецъ, повторила она.

— И не сидѣлъ около нѣмца! сказалъ, безъ улыбки, Степанъ Осиповичъ, закуривая сигару.

Софья Самойловна возвратилась въ хату. И въ скоромъ времени бѣлолицая чернобровая Геба-Параска вынесла на подносѣ требуемый продуктъ, поставила на скамейку и проговорила краснѣя:

— Дяденька!.. тётенька велѣла спросить у васъ, не подать ли вамъ еще чего нибудь.

— Перцу съ лукомъ и горчицы немного попроси у своей тетеньки, а потомъ уже чаю, прибавилъ онъ не улыбаясь.

Какъ спѣлое яблоко зардѣлася бѣлолицая Геба и, закрывъ лице рукавомъ, убѣжала въ хату.

Зачавъ рѣчь, вертѣлись сначала на шуточкахъ Степана Осиповича, потомъ рѣчь перешла на прекрасную сестру и великодушнаго брата и наконецъ на панну Дороту.

— Что за субъектъ эта безмолвная панна Дорота? спросилъ я у Степана Осиповича.

— Мрачный психическій феноменъ, отвѣчалъ онъ.

Она идіотка вслѣдствіе обмана и оскорбленія; ея печальная исторія тѣсно и даже родственно связана съ гнусной исторіей стараго Курнатовскаго, отца теперешняго владѣльца. Я вамъ разскажу ея исторію, мнѣ она болѣе, нежели кому-нибудь другому, извѣстна. И по моему такія исторіи не только разсказывать—печатать слѣдуетъ. Эти растлители, беззаконники, закономъ ограждены отъ кнута, то ихъ слѣдуетъ и должно печатно казнить и позорить, какъ гнусное нравственное безобразіе.

Только что Степанъ Осиповичъ вошелъ въ сущность рѣчи, а я превратился въ слухъ, какъ подошла ко мнѣ бѣлолицая Геба и краснѣя вполголоса сказала, что меня какой то однорукій панъ спрашиваетъ. Я теперь только хватился, что я сдѣлалъ непрости-

тельную глупость: ушелъ изъ дому, не сказавъ даже Прохору, куда я ушелъ. А впрочемъ я и самъ тогда не зналъ, куда я ушелъ.

— Что случилось? спросили меня вдругъ оба мои Амфитріона.

— Ничего особеннаго, отвѣчалъ я, смутившись.—Меня, какъ бѣглеца, разыскиваютъ въ околодкѣ.

— Кто васъ ищетъ?

— Человѣкъ, великодушіемъ котораго мы недавно восхищались.

— Неужели онъ самъ? Гдѣ онъ?

— Оттутъ стоитъ за хатою, отвѣчала простодушная Геба.

— Что же ты остановилась? Проси ихъ сюда къ намъ, сказала Софья Самойловна, обращаясь къ Гебѣ.

— Вы намъ сегодня гору золота подарили, говорилъ Степанъ Осиповичъ, пожимая мнѣ руку.

Бѣлолицая Параска пошла просить гостя до компаніи, а мы всѣ трое, вслѣдъ за Параскою, пошли тріумфально встрѣтить моего героя.

— Вы меня знаете, а я васъ еще лучше знаю, и кончено;—такъ встрѣтилъ Степанъ Осиповичъ своего гостя и, пожимая ему руку, прибавилъ, показывая на Софью Самойловну: а вотъ и моя старая нѣмка; прошу полюбить.

Софья Самойловна сдѣлала книксенъ и благоговѣйно посмотрѣла на моего героя. А онъ, простодушный, покраснѣлъ, какъ дѣвушка, при встрѣчѣ съ незнакомымъ юношею и, подойдя ко мнѣ, шепнулъ на ухо: за воротами Трохимъ васъ дожидаетъ.

Я исчезъ, какъ кошка.

За воротами стояля бричка, а въ бричкѣ сидѣлъ, понуря голову, мой оскорбленный Трохимъ. Увидя меня, онъ отвернулся. Подходя къ бричкѣ, я слегка кашлянулъ; онъ еще больше отвернулся. Я вижу, что дѣло плохо; зашелъ съ другой стороны, онъ отвернулся въ противуположную сторону. Плохо, нужно перемѣнить маневръ.

— Здравствуйте, Трохимъ Сидоровичъ! сказалъ я, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Здравствуйте и вамъ, сказалъ онъ и еще повернулся отъ меня.

— Не хотите ли чего покушать?

— Не хочу, сказалъ онъ протяжно и оборотился ко мнѣ спиною.

Не безъ труда умаслилъ я моего Трохима и ввелъ его въ освѣщенный геникей Софья Самойловны. На дворѣ уже было темно. Я отрекомендовалъ его, какъ моего вѣрнаго слугу и сподвижника и какъ будущаго учителя моего героя.

— Браво, молодой профессоръ! Будемъ учиться и все пойдетъ хорошо, проговорилъ Степанъ Осиповичъ, пожимая ему руку. Софья Самойловна приласкала его какъ сына, попотчивала вотрушкой и посадила около себя на диванъ. Трохимъ не безъ церемоніи исполнилъ ея желаніе, сначала поцѣловавъ ея руку, изъ чего я замѣтилъ, что онъ парень бывалый.

Послѣ весьма нелегкаго ужина, къ немалому изумленію Софьи Самойловны, мы собрались въ путь. А она уже велѣла въ клунѣ на соломѣ и постели намъ приготовить. Услыхавъ о такой роскоши, я уже было и нюни распустилъ, но герой мой, какъ истиный спартанецъ, рѣшительно отказался отъ этого невиннаго плотоугодія, и тѣмъ болѣе, что панна Дорота вчера вечеромъ крѣпко захворала и сестры некѣмъ перемѣнить у ея постели.

Такъ вотъ гдѣ причина вчерашняго безмолвія, подумалъ я. И, пожелавъ хозяевамъ покойной ночи, мы вышли на дворъ, давъ слово навѣщать ихъ чаще и чаще.

— А все таки лучше было-бъ, если-бы вы переночевали, говорила ярко освѣщенная свѣчей Софья Самойловна.

Степанъ Осиповичъ, проводивъ насъ до воротъ и прощаясь, просилъ учителя и ученика безъ церемоніи обращаться къ нему за учебными книгами и удостоивать его свѣдѣніями о ходѣ своихъ занятій по педагогической части. Я молча пожалъ ему руку и мы разстались.

X.

Западный небосклонъ еще рдѣлся, какъ потухающее зарево отдаленнаго пожара. На мягкомъ, красноватомъ фонѣ рисовалась темная прозрачная дубовая роща; изъ-за рощи фіолетовой игривой струйкою подымался вверхъ дымъ, вѣроятно изъ кухни Софьи Самойловны. Глядя на этотъ невозмутимый миръ природы, сладкія успокоительныя грезы посѣтили мою тревожную душу.

...Не для волненій, не для битвъ—
Мы рождены для вдохновеній,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ!

Стихи Пушкина не сходили у меня съ языка, пока мы не подъѣхали къ селу. При въѣздѣ въ село вмѣсто цариннаго дѣда намъ отворилъ ворота Прохоръ, и вмѣсто обыкновеннаго привѣтствія произнесъ онъ клятвенное обѣщаніе въ томъ, что не будь онъ Прохоръ Хивричъ, а будь онъ собачій сынъ, если онъ съ этого часу отпуститъ меня отъ себя хотя на двѣ пяди. Возьму, говоритъ, на веревку, тай буду водыть, якъ того ведмедя, и что другой рады онъ не можетъ дать съ такимъ божевильнымъ паномъ, какъ я. При этихъ словахъ Трохимъ посмотрѣлъ на меня значительно, какъ-бы говоря: что? небось, неправда?

— Посунься къ тому боку, сказалъ Прохоръ Трохиму, влѣзая въ бричку.—Съ самаго ранку на ногахъ, якъ той хортъ на ловлѣ!— Рушай! сказалъ онъ кучеру, усаживаясь.

Мимо едва освѣщеннаго шинка спустились мы тихо съ пригорка и очутилися на греблѣ. На гладкомъ зеркалѣ пруда всплескивала рыбка, оставляя по себѣ тихо расширявшійся на водѣ кругъ. Проѣхавъ село и тополевую аллею, мы остановились на широкомъ дворѣ. Изъ темнаго фона выдвигалась черная женская фигура. Я узналъ въ ней мою прекрасную Елену.

— Чи вси дома? спросила она, встрѣчая насъ.

— Вси! сказалъ я, выскакивая изъ брички.

— Гдѣ вы пропадали до сихъ поръ? спросила она, взявъ меня за руку.

Я сказалъ ей о моей находкѣ.

— А что, развѣ я не говорила тебѣ, что они непремѣнно тамъ, сказала она, обращаясь къ брату.

— Да почему вы узнали, что я именно тамъ? спросилъ я ночную красавицу.

— Потому, что вы рано поутру прошли за царину и не возвращались, а до хутора Прехтеля недалеко, я и догадалась.

Умница, подумалъ я, подалъ ей руку, и мы молча отошли отъ брички.

— Какъ здоровье вашей панны Дороты? спросилъ я мою молчаливую спутницу.

— Очень нехорошо; завтра необходимо попросить Степана Осиповича, и я не знаю, какъ это сдѣлать. Мужъ уѣхалъ, а я...

— Куда вашъ мужъ уѣхалъ? прервалъ я ее, какъ будто меня тяготило его присутствіе.

— Не знию, куда онъ уѣхалъ съ вашимъ родичемъ, вѣрно въ Будища, отвѣчала она, не измѣняя тона.

Разговоръ нашъ какъ-то не вязался. Елена сегодня не была похожа на себя. Я ей это замѣтилъ, и она сказала, что ей сегодня скучно. Я нарисовалъ ей привлекательную Софью Самойловну и въ заключеніе объявилъ ея искреннее желаніе познакомиться съ нею. Она и эту любезность приняла замѣтно сухо, изъ чего я могъ догадаться, что мнѣ осталось пожелать ей пріятныхъ сновидѣній и ретироваться во свояси, что я благоразумно и исполнилъ.

Что ее такъ сильно безпокоитъ? Неужели болѣзнь панны Дороты, этого живаго автомата, или отсутствіе безпутнаго мужа? Или и то и другое? И то и другое по одиночкѣ дрянь, а вмѣстѣ безпривѣтственная гадость. А она скучаетъ безъ нихъ. Странно!

Долго я еще шлялся въ темнотѣ по двору и повторялъ зады, пока наконецъ усталъ и пошелъ къ себѣ на квартиру.

Въ ожиданіи меня, Трохимъ читалъ вступительную лекцію своему ученику. Когда я входилъ въ комнату, онъ заставлялъ его узнавать буквы на оберткѣ Морскаго Сборника и прехитро толковалъ ему, что означаютъ двѣ палочки съ перекладиной наверху и что значатъ такія же двѣ палочки съ перекладиной по серединѣ. Прохоръ же, не обращая ни малѣйшаго вниманія на любознательную молодежь, читалъ вслухъ псалмы Давидовы, осторожно переворачивая пожелтѣвшіе листы псалтиря. Эта новая сцена освободила меня отъ томительнаго впечатлѣнія предшествовавшихъ ощущеній. Похваливъ моего героя за понятливость и прилежаніе, Трохима за точное исполненіе своей обязанности, а Прохора за борзое чтеніе и писаніе, я хотѣлъ поклониться имъ и лечь спать, какъ Прохоръ выступилъ впередъ и взялъ смѣлость спросить у меня, что значитъ «Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ?»—Я, признаюсь, былъ озадаченъ такимъ нечаяннымъ вопросомъ; но сейчасъ же оправившись, отвѣчалъ ему на-удалую. «Селеніе возлюбленное Господне», сказалъ я ему, означаетъ ни что иное, какъ монастырь. Прохоръ посмотрѣлъ на меня съ благоговѣніемъ, а на предстоящихъ съ удивленіемъ, и больше ничего.

— Я и самъ такъ думалъ, говорилъ Прохоръ, придя въ себя: а можетъ быть и не такъ думаю себѣ, а спросить некого. Панна Дорота—они хотя и читаютъ книгу, такъ не по нашему, а по польски,

такъ ее и спрашивать нечего. Слава Богу, что васъ Господь послалъ къ намъ, а то бы я и до гробовой доски не выразумѣлъ сего святаго слова.—Чи вы вечеряли? спросилъ онъ меня внезапно.

— Вечерялъ, отвѣчалъ я.

— Кладитеся жъ зъ Богомъ та спить. Ходимо хлопци! прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ собесѣдникамъ.

Въ продолженіи рѣчи Прохора я какъ бы отъ нечего дѣлать перелистывалъ Морской Сборникъ и, найдя то мѣсто, гдѣ было сказано о подвигѣ моего героя, заставилъ Трохима прочитать въ слухъ. Героя моего этотъ напечатанный секретъ на минуту озадачилъ, но онъ вскорѣ оправился и сказалъ:

— Да если бы не самъ графъ Велегорскій, царство ему небесное, насъ тогда допрашивалъ, то я другому бы и слова не высказалъ.

Миръ праху твоему, достойный представитель человѣколюбія! почти въ слухъ проговорилъ я и, пожелавъ покойной ночи честной компаніи, ушелъ въ свою комнату.

Разставшись съ моими protegè друзьями, я нелицемѣрно принялся мѣрить вдоль и поперегъ свою комнату. Но какъ я тщательно не работалъ надъ ея измѣреніемъ, а кончилъ тѣмъ, что, не узнавши ея точной величины, потушилъ огонь и легъ спать. Я разсчитывалъ на богатырскій сонъ, а вышло совсѣмъ не такъ. Меня что то безпокоило; этого я, какъ ни старался, опредѣлить не могъ. Въ эти жестокія и безконечно длинныя минуты я немного смахивалъ на влюбленнаго, слѣдовательно и на помѣшаннаго. Но этого сходства быть не можетъ, во первыхъ, потому, что я не прапорщикъ, а во вторыхъ, что я уже хотя и не въ чинахъ, то по крайней мѣрѣ въ лѣтахъ и въ добавокъ совершенно не эротической комплексіи. А между тѣмъ, о чемъ бы я ни задумалъ: о старыхъ красавцахъ дубахъ, о бѣломъ ли Прехтелѣ, о Софьѣ ли Самойловнѣ, о ея милой оригинальной улыбкѣ,—вездѣ и во всемъ проглядываетъ она, она, прекрасная и непорочная моя простушка героиня. Боже мой! Боже мой! восклицалъ я мысленно. Сохранитъ ли она свѣжесть, эту дѣвственную чистоту, какъ сохранила ея Софья Самойловна? Едва ли. Она полна самой нѣжной, самой возвышенной любви. Ей необходима по крайней мѣрѣ привязанность, ей необходима опора, на которой бы она могла сосредоточиваться; ей необходимъ разумный и вѣрный другъ, а не пьяный сластолюбецъ ремонтеръ

или жалкая идіотка панна Дорота, къ которой она привязана изъ необходимости къ кому нибудь привязаться. А если эта жалкая рунна совсѣмъ рушится—тогда что? Тогда... тогда все можетъ случиться. Хорошо еще, если она послѣ томительной холодной пустоты сдѣлается только похожею на мою бездушную кузину; а если, что также естественно, утративъ святое женское достоинство, она прямо перейдетъ въ подносчицы своего растлителя? И наконецъ, истощивъ слабые остатки нравственной силы, она разомъ увидитъ всю отвратительную мерзость собственнаго уничтоженія? Тогда... Да, она второй экземпляръ жалкой юродивой панны Дороты! Какъ же отвести эту темную густую тучу отъ ея блистательно прекрасной головки? И я, какъ великій Франклинъ, задумался надъ этимъ нравственнымъ отводомъ.

Послѣ долгихъ соображеній я остановился на Софьѣ Самойловнѣ и ея институткѣ дочери и не откладывая въ длинный ящикъ, рѣшилъ завра же познакомить между собою моихъ пріятельницъ. Эта неоригинальная мысль такъ мнѣ понравилась, что я развилъ ее до самой дикой несбыточности, и убаюканный республиканцами внучатами моей прекрасной Елены и прочими тому подобными мечтами, заснулъ сномъ блаженнаго.

Проснулся я довольно поздно, и первое, что представилось моему уже бодрствующему воображенію, это вчерашній проэктъ съ самомалѣйшими подробностями, Не смотря на то, что это было чадо моей собственной фантазіи, я не узналъ его. Оно было слишкомъ вычурно. Я его уничтожилъ и на тѣхъ же данныхъ принялся строить другое зданіе солиднѣе, положительнѣе, припаравливая его болѣе къ климату и обычаямъ.

— А не пора ли вамъ вставать? сказалъ Прохоръ, тихонько отворяя дверь.

— Не знаю, какъ ты думаешь? спросилъ я его, вставая съ постели.

— Я такъ думаю, что пора. Уже два раза приходили просить васъ на чай туда въ садъ, говорилъ онъ, развертывая полотенце.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже подходилъ къ дверямъ завѣтнаго певильона и, какъ дверь была растворена, то я издали внутри его увидѣлъ бѣлую блестящую голову Степана Осиповича.

— Какими судьбами вы здѣсь очутились? сказалъ я. подходя къ нему и кланяясь его собесѣдницѣ, прекрасной Еленѣ.

— Очень просто: я медикъ, отвѣчалъ онъ, протягивая руку.

— А какова ваша больная? спросилъ я его.

— Какъ вообще больные, сказалъ онъ, улыбаясь.

Хозяйка ушла провѣдать свою больную, я принялся за чай, а Степанъ Осиповичъ закурилъ сигару и принялся за панегирикъ моей прекрасной Еленѣ. И только что дошелъ онъ до самаго паѳоса, какъ вошла въ павильонъ сама героиня и объявила своему новому поклоннику, что больная заснула.

— И слава Богу, сказалъ улыбаясь Степанъ Осиповичъ и предложилъ прогулку сначала въ саду, а потомъ къ себѣ на хуторъ. Сонъ въ руку, подумалъ я и, разумѣется, охотно согласился на его милое предложеніе. Прекрасную Елену затрудняла больная, но Степанъ Осиповичъ, какъ медикъ, увѣрилъ ее, что больная проспитъ до вечера и проснется здоровою. Она согласилась, приказала приготовить экипажъ и догонять себя за цариною.

По дорогѣ я забѣжалъ на квартиру, взялъ портфель, карандашъ и палку и пустился по слѣдамъ моихъ спутниковъ. Едва успѣли мы выйти за село, какъ нагнала насъ коляска и приняла въ свои мягкія нѣдра. Проѣзжая мимо одного стараго дуба, я велѣлъ кучеру остановиться и къ изумленію моихъ спутниковъ вышелъ изъ коляски. На вопросъ, что я намѣренъ дѣлать, я показалъ на дерево и сказалъ, что намѣренъ нарисовать этого суховерхаго патріарха. Степанъ Осиповичъ молча махнулъ рукой и велѣлъ кучеру трогать, а я на нѣкоторомъ разстояніи обошелъ вокругъ широковѣтвистаго Мафусаила и, не найдя желаемаго пункта по причинѣ полдневнаго освѣщенія, прилегъ въ тѣни того же Мафусаила, полюбовался издали на его могучихъ сверстниковъ да и задремалъ.

Когда проснулся я, то увидѣлъ, что густая тѣнь лѣса измѣнила мнѣ: она отскочила отъ меня сажени на три. Хорошо еще, что я догадался лице закрыть платкомъ отъ мухъ, а иначе изъ меня сдѣлался бы препорядочный англичанинъ. А гдѣ же мой портфель? Странническая дубина здѣсь, а портфеля нѣтъ. Обошелъ я нѣсколько разъ вокругъ патріарха, заглянулъ въ его широкое дупло, нѣтъ моего портфеля, а освѣщеніе самое настоящее, и лысый Мафусаилъ какъ бы смѣется надо мною, показывая свои соблазнительно широко освѣщенные сучья и вѣтви. Съ досады я подошелъ къ другому патріарху, тотъ еще лучше, къ третьему, еще

лучше, а четвертый какъ будто бы убѣжалъ изъ портфеля Калама и опять напрашивается подъ карандашъ. Я чуть не плакалъ съ досады. Пославъ дюжину проклятій безсовѣстному вору, вышелъ я на дорогу и направилъ стопы свои къ хутору Прехтеля. Кромѣ Софьи Самойловны и бѣлолицой Параски я на хуторѣ не нашелъ никого больше. На вопросъ, обѣдалъ-ли я, я отвѣчалъ отрицательно, и тотчасъ былъ введенъ на половину Софьи Самойловны и начиненъ всѣми съѣдобными благодатями и между прочимъ узналъ, что героиня моя просто очаровала Софью Самойловну и что она гостила не долго потому, что боялась за свою больную панну Дороту и что Степанъ Осиповичъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нею, а что она Софья Самойловна ѣдетъ къ ней на вечерній чай и проситъ меня быть ея кавалеромъ. Отъ этой части я не отказался, и мы, полчаса спустя, отправились въ дорогу.

XI.

Въ тополевой аллеѣ, противъ самой волчьей тропинки, я велѣлъ остановиться и просилъ свою спутницу выйти изъ брички, намѣреваясь провести ее этой волчьей дорогой прямо въ павильонъ, гдѣ предполагалъ я найти хозяйку и ея сѣдого гостя. Предположеніе мое не сбылось, потому что не успѣли мы ступить на тропинку, какъ въ концѣ аллеи къ сторонѣ дома показалась сама хозяйка, сопровождаемая Степаномъ Осиповичемъ и своимъ благовѣрнымъ ротмистромъ. Мы пошли имъ на встрѣчу. Съ непритворной радостью обнялись и поцѣловались новыя знакомки, а самъ хозяинъ съ ловкостью истиннаго гусара отрекомендовался Софьѣ Самойловнѣ и просилъ ее жаловать въ комнаты.

— Удался-ли вамъ сегодня рисунокъ? спросилъ меня лукаво Степанъ Осиповичъ.

— Очень, отвѣчалъ я, стараясь быть серьезнымъ.

— Правду-ли вы говорите? спросилъ онъ, глядя на меня пристально.

— Правду, отвѣчалъ я тѣмъ же тономъ!

— Нельзя ли намъ полюбоваться вашей работой? сказала хозяйка, смѣясь.

— И вы противъ меня, сказалъ я ей, тоже смѣясь.

Довольный Степанъ Осиповичъ пожалъ ей дружески руку и тутъ-же разсказалъ, какъ было дѣло: какъ я измѣнилъ ихъ трой-

ственному союзу во имя прекраснаго искустсва и какъ они на обратномъ пути замѣтили меня глубоко преданнаго этому божественному искусству, до того глубоко, что онъ не замѣтилъ, какъ мы у него изъ рукъ портфель украли. Такъ заключилъ свой разсказъ Степанъ Осиповичъ. Разсказъ его возбудилъ всеобщій смѣхъ, въ томъ числѣ и мой.

Мнѣ необходимо было зайти на квартиру, и я не надолго разстался со своими веселыми друзьями. Прохоръ встрѣтилъ меня на лѣстницѣ покачиваніемъ главы, какъ бы говоря: горбатаго могила исправитъ. Я показалъ видъ, что не замѣчаю его тонкаго и справедливаго упрека. Тутъ же встрѣтилъ меня герой мой съ заявленіемъ, сколько имъ книгъ привезъ Степанъ Осиповичъ. Комната, въ которую онъ меня ввелъ, была его и Трохима квартира и классъ. Корзина съ книгами разной величины и формы стояла на полу, надъ нею, какъ хищный беркутъ, сидѣлъ Трохимъ, погрузившись въ изображеніе историческихъ героевъ, въ систематическомъ порядкѣ выведенныхъ на хитрую таблицу по методѣ Язвинскаго.

Я освидѣтельствовалъ дорогой подарокъ и сдѣлалъ приличное случаю наставленіе моимъ пріятелямъ, какъ они должны быть внимательны и благодарны Степану Осиповачу за этотъ истинно драгоцѣнный подарокъ. Окончивши рѣчь съ достоинствомъ оратора, я оставилъ моихъ пріятелей думать о случившемся, а самъ вышелъ на дворъ. На дворѣ уже никого не было. Я пошелъ въ домъ. Пройдя корридоръ и красную комнату и еще корридоръ, я вошелъ въ другой корридоръ и потомъ въ другую залу и палатку, и тутъ только нашелъ нашу компанію за чайнымъ столомъ, потѣшаемую любезнымъ хозяиномъ какимъ-то тривіально-гусарскимъ анекдотомъ. Дверь, ведущая въ корридоръ съ недвусмысленными десятью чуланами, была заставлена столомъ, украшеннымъ разными сладостями и бутылкою какого-то вина, Кто это такъ мило догадался заслонить корридоръ беззаконія? Во всякомъ случаѣ не хозяинъ. Онъ въ этой гнусной декораціи не видитъ ничего предосудительнаго, иначе онъ бы ее давно уничтожилъ.

Между разнаго содержанія небылицами хозяинъ разсказалъ одну былицу о томъ, съ какимъ тріумфомъ былъ встрѣченъ мой проигравшійся родичъ своею неистовою половиной. И когда торжественныя проклятія дошли до самаго бѣшенаго пиччикато, внезап-

но явился въ комнату Иванъ Иванычъ Бергофъ, точно съ креста снятый: истощенный, измятый, въ какомъ то лакейскомъ чекменѣ выпачканномъ грязью и кровью. Онъ, извольте видѣть, заключилъ хозяинъ поучительную былицу, затесался куда-то въ доброе мѣсто, въ Звенигородку, кажется, къ уральскимъ козакамъ; тѣ его, добра молодца въ одинъ денекъ облупили, какъ липочку, да въ добавокъ поколотили. И по дѣламъ! въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суйся. Трагическій разсказъ былъ ловко замкнутъ поговоркой. Чайное угощеніе смѣнилося конфектнымъ, конфетное ужиномъ, за которымъ любезный хозяинъ чуть-чуть не по гусарски нализался. Кончилось все однакожъ, какъ слѣдуетъ, разставаньемъ, поцѣлуями и приличнымъ числомъ: до свиданія.

Проводивъ моихъ старыхъ друзей до брички, пожелавъ имъ счастливой дороги и покойной ночи, я посмотрѣлъ, какъ они утопаютъ во тьмѣ ночной, да и самъ отправился на боковую.

Слѣдующій и нѣсколько послѣдующихъ дней я, какъ порядочный артистъ, провелъ за работой. Результатомъ моего трудолюбія вышелъ акварельный рисунокъ, представляющій мою героиню въ томъ видѣ, какъ я ее подсмотрѣлъ въ павильонѣ, въ кругу своихъ нелицемѣрныхъ подругъ. Рисунокъ вышелъ эффектный и въ отношеніи сходства очень удачный.

Въ особенности хорошъ вышелъ герой мой, невозмутимо вертящій шарманку. Когда я окончилъ и показалъ рисунокъ свой во всеузрѣніе, то Курнатовскій десять разъ сряду побожился, что онъ въ жизни свою не видалъ ничего прекраснѣе, художественнѣе, чему я совершенно вѣрю, потому что онъ въ жизнь свою ничего не видѣлъ, кромѣ бутылки и картъ. Но чтобы довершить свое торжество, я прибавилъ и его портретъ въ полутонѣ. Прибавка эта произвела желаемое впечатлѣніе. Курнатовскій пришелъ въ неописанный восторгъ: называлъ меня и другомъ и братомъ, товарищемъ по чуствамъ и въ заключеніе предложилъ мнѣ тысячу рублей, отъ которыхъ я долженъ былъ отказаться, потому что я дѣлалъ рисунокъ для жены его и безъ всякаго возмездія. Мое безкорыстіе его озадачило: онъ посмотрѣлъ на меня не какъ на товарища по чувствамъ, а какъ на заморскаго звѣря и, посовѣтовавшись съ своимъ экономомъ, предложилъ мнѣ бричку-неточанку, пару добрыхъ коней и кучера. Отъ по-

слѣдняго я отказался, а прочее съ благодарностью принялъ. У меня давно была мысль обзавестись этою, въ моемъ кочующемъ быту необходимой, мебелью, но все какъ-то не удавалось; а тутъ разомъ удалось и удалось недорого. Прохору удивительно какъ по нутру пришлось мое внезапное пріобрѣтеніе, изъ чего я замѣтилъ, что у него органъ скотолюбія преимущественно развитъ.

— А не пора ли намъ собираться въ походъ? спросилъ я его, обревизовавши въ десятый разъ свое новое добро.

— Если вы въ карты не играете, то не пора, а если играете, то пора, сказалъ онъ, лукаво улыбнувшись.

Я похвалилъ его за остроумное слово, и мы рѣшили завтра же отправиться во свояси, о чемъ было объявлено и гостепріимной хозяйкѣ и хозяину. И такъ какъ это дѣло было къ вечеру и погода благопріятствовала, то мы рѣшили съобща сдѣлать визитъ Прехтелямъ, а завтра по пути и моимъ милымъ родичамъ. Я велѣлъ Прохору вооружить свою бричку и самому вооружиться. Вооруженіе быстро совершилось, и я поѣхалъ къ Прехтелямъ въ своей собственности.

Когда я объявилъ моимъ старымъ друзьямъ о моемъ крѣпкомъ намѣреніи завтра оставить ихъ, то они приняли это за шутку и даже неумѣстную. Они думали, что я непремѣнно дождуся ихъ милой Маши изъ института, нарисую ея портретъ, да тогда и поѣду себѣ, куда угодно, а если захочу, то и у нихъ могу остаться хоть на всю жизнь.

— А какого бы я изъ васъ сдѣлалъ превосходнаго нѣмца, сказалъ Степанъ Осиповичъ, пожимая мнѣ руку.

— У тебя только нѣмцы на умѣ, прервала его Софья Самойловна: тутъ нужно говорить дѣло, прибавила она и задумалась.

— О какомъ же это дѣлѣ ты такъ глубоко призадумалась, моя старая нѣмка? спросилъ ее Степанъ Осиповичъ ласково.

— А вотъ о какомъ, отвѣчала она, улыбнувшись: теперь въ исходѣ май, въ іюнѣ будетъ выпускъ, возьмите и меня съ собою въ Кіевъ, прибавила она, быстро обращаясь ко мнѣ.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ я, принимая ея слова въ прямомъ смыслѣ. А Степанъ Осиповичъ перекрестилъ ее большимъ крестомъ. На это она улыбнулась и посовѣтовала ему самому перекреститься, что онъ и исполнилъ.

— А теперь что прикажете? спросилъ онъ, вытягивая руки по швамъ.

— Теперь ничего, а завтра готовить бричку и лошади, а послѣ завтра я поѣду въ Кіевъ. Вотъ вамъ и вся недолгая, прибавила она, прищелкнувъ пальцемъ.

Итакъ по желанію Софьи Самойловны я рѣшился отложить до послѣ завтра мою поѣздку, послѣ чего Курнатовскіе и я пожелали старикамъ покойной ночи и поѣхали въ домъ свой.

Слѣдующій день прошелъ въ сборахъ и наставленіяхъ Трохиму, какъ должно вести себя съ чужими людьми. Вечеромъ побывалъ я у моихъ старыхъ друзей, узналъ, какъ и когда именно мы пустимся въ дорогу. Рѣшено было выѣхать изъ дому рано, чтобы обѣдать въ Богуславѣ и на ночь поспѣть въ Потокъ. Порѣшивши эту важную статью, я разстался со стариками.

За ужиномъ у Курнатовскихъ объявилъ я о нашемъ непреложномъ рѣшеніи, при чемъ героиня моя медленно, сердечно мягко посмотрѣла на меня, а хозяинъ велѣлъ подать бутылку шампанскаго на прощанье.

Солнце еще покоилось за горизонтомъ, а мы уже были на ногахъ. Прохоръ возился около брички и лошадей; герой мой съ Трохимомъ около чемодана и корзины съ пирожками и прочимъ добромъ, а я ничего не дѣлалъ. Когда все пришло къ концу и Прохоръ торжественно возсѣлъ на козлахъ, тогда я вышелъ на дворъ, перекрестился, и процесія двинулась. За бричкой пошелъ Трохимъ съ моею палкою и съ портфелемъ въ рукахъ, за Трохимомъ послѣдовали мы съ моимъ героемъ, взявшись за руки. Въ такомъ порядкѣ мы прошли дворъ и часть тополевой аллеи; тутъ порядокъ шествія былъ нарушенъ внезапнымъ появленіемъ моей прекрасной Елены. Она, какъ лучезарная денница, явилася предъ нами и освѣтила наше мрачное шествіе. Но этотъ лучезарный свѣтъ исчезъ въ одно мгновеніе: грустно опустя на грудь свою прекрасную головку, она молча пошла между мною и братомъ и, когда бричка выѣхала изъ аллеи, взявъ круто вправо и скрылась за деревьями, тогда она остановилась и, быстро схвативъ мою руку, поднесла ее къ своимъ губамъ. Не успѣлъ я ахнуть, какъ она уже легче газели неслася по аллеѣ къ дому. Я посмотрѣлъ на улыбающагося моего спутника и не зналъ, что сказать на это.

— Она пріѣдетъ съ вами проститься къ Софьѣ Самойловнѣ, проговорилъ онъ простодушно, и мы молча пошли за бричкой.

За селомъ къ нашей процессіи присоединился съ тощей собакой мой старый знакомый царинный дѣдъ. А когда мы усѣлись въ бричку, то Прохоръ, прощаясь съ своимъ ровесникомъ, сказалъ ему:

— Зроби-жъ!

— Добре! отвѣчалъ тотъ, и наша бричка покатилась по дорогѣ. Молчаніе царило надъ нами до самаго хутора.

На хуторѣ Телемонъ и Бавкида хлопотали уже около своего ковчега, т. е. около дорожней брички или правильнѣе крытаго фургона. Бѣлолицая Параска выносила изъ хаты ворочки, узелки, корзинки, ящички и все это передавала Степану Осиповичу, а онъ, тщательно осмотрѣвши предлагаемую вещь, передавалъ ее бережно Софьѣ Самойловнѣ, а та, осмотрѣвши вещь также тщательно, укладывала на свое мѣсто.

— Богъ помочь! сказалъ я, подходя къ бричкѣ.

— Гутъ моргенъ! отвѣчалъ мнѣ Степанъ Осиповичъ, улыбаясь.

Въ это время были вынесены подушки и огромныя перины, а когда и это добро было всунуто въ ковчегъ, Степанъ Осиповичъ снялъ свою бѣлую фуражку, перекрестился и сказалъ: слава Тебѣ Господи!

— А коверъ, душко, и забыли, сказала Софья Самойловна, выглядывая изъ фургона.

Вынесенъ былъ и коверъ.

— Теперь все, душко? сказалъ Степанъ Осиповичъ.

— Все! отвѣчала Софья Самойловна.

— Еще разъ слава Тебѣ Господи! и... старикъ еще что-то хотѣлъ сказать, но не успѣлъ: въ это время къ намъ подходили Курнатовскіе, оставивъ свой экипажъ за воротами.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій и любызаній былъ осмотрѣнъ всѣмъ комитетомъ ковчегъ. Послѣ удовлетворительнаго осмотра, хозяйка предложила кофе и легенькій фриштикъ, состоящій изъ жареной индѣйки, дюжины цыплятъ и тому подобной овощи. Во время завтрака Степанъ Осиповичъ просилъ моего героя и его профессора быть его постоянными гостями до пріѣзда молодой хозяйки. Тогда Софья Самойловна обращалась къ нимъ съ просьбою, чтобы поберегли ея стараго нѣмца, а бѣлолицой Параскѣ крѣпко на крѣпко

наказала, чтобы гости безъ нея не голодали, а иначе она обѣщалася привезти ей изъ Кіева дулю, а не гостинецъ.

— Ты знаешь, какой онъ у насъ? прибавила она, показывая на Степана Осиповича.—По немъ хоть волкъ траву ѣшь, ему все равно, ему былъ бы только флейшъ, а другіе хоть съ голоду умри, онъ и не подумаетъ о другихъ. Я уже, продолжала она, обращаясь къ гостямъ, немного пріучила его къ рыбному, а прежде ни середы, ни пятницы не зналъ: настоящій *тата*..., да на этомъ *тата* и остановилась, ласково посмотрѣвъ на своего улыбающагося Телемона, какъ бы прося прощенія за такое не христіанское сравненіе.

Послѣ кофе и такъ называемаго легкаго завтрака, мы помолились Богу, на минутку присѣли по принятому обычаю и, помолясь еще разъ, пошли по своимъ мѣстамъ. Курнатовскіе вызвались насъ провожать до Шендеривки, чему я былъ очень радъ. Курнатовскій, какъ истинный кавалеристъ, поѣхалъ верхомъ, а я занялъ его мѣсто въ коляскѣ возлѣ моей прекрасной Елены.

До самаго мѣста разставанья прекрасная Елена ничего не говорила. Я тоже молчалъ. Мы были очень похожи на жениха и невѣсту, ѣдущихъ къ вѣнцу по волѣ родителей.

Сцена разставанья наконецъ настала. Героиня моя молча пожала мнѣ руку и едва внятно проговорила: благодарю васъ за брата. Ротмистръ, не слѣзая съ лошади, тоже пожалъ мнѣ руку и благодарилъ за какое-то одолженіе, а Степанъ Осиповичъ, пожимая мнѣ руку, просилъ поберечь его добрую старую нѣмку. На томъ и разстались.

XII.

Герой мой не такъ простъ, какъ я его воображалъ себѣ. Онъ смекнулъ дѣломъ, что предполагаемый нами ночлегъ въ Потокѣ состояться не можетъ по причинѣ такъ называемаго легкаго завтрака и вообще разставанья. Основываясь на этихъ данныхъ, онъ незамѣтнымъ образомъ обогналъ насъ и, не останавливаясь въ Шиндеривкѣ, пустился далѣе въ Богуславъ съ мыслью, которая сдѣлала бы честь любому леопарду, съ мыслью приготовить квартиру для Софьи Самойловны. Каковъ матросъ! Солнце уже опускалось за горизонтъ, когда онъ съ профессоромъ своимъ встрѣтилъ насъ по сю сторону Роси и проводилъ на приготовленную квартиру. Софью

Самойловну до слезъ тронула эта неожиданная любезность. Герой мой въ глазахъ Софья Самойловны всегда былъ необыкновеннымъ человѣкомъ, а теперь сдѣлался и человѣкомъ свѣтскимъ: въ глазахъ женщины это вѣнецъ всѣмъ добродѣтелямъ. Все бы хорошо, только вотъ что случилось: едва успѣла Софья Самойловна показаться на улицѣ передъ своей квартирой, какъ ее окружила густая грязная толпа самыхъ отчаянныхъ факторовъ и почти на рукахъ внесли ее въ комнату. Бѣдная до того растерялась отъ этой новой нечаянности, что не могла выговорить слова и только отмахивалась носовымъ платкомъ, какъ отъ мухъ, отъ услужливыхъ христопродавцевъ. Но эта кроткая мѣра ни къ чему не повела: они и не думали отступать. Тогда она схватила въ обѣ руки свой огромный ридикюль и начала прокладывать себѣ дорогу обратно къ своему мирному ковчегу. Я вступилъ въ дѣло и съ помощью севастопольскаго защитника разсѣялъ толпу израильтянъ и уговорилъ Софью Самойловну возвратиться въ комнату, а на случай внезапнаго нападенія поставилъ на часахъ у дверей неусыпнаго Трохима.

На другой день рано по утру, напившись вмѣстѣ чаю, я окончательно простился съ моимъ доблестнымъ героемъ и съ моимъ бывшимъ сподвижникомъ и вѣрнымъ слугою.

Изъ Богуслава черезъ Расаву и Потокъ мы на другой день благополучно пріѣхали въ Триполье, а изъ Триполья по надъ Днѣпромъ дремучимъ боромъ на другой день пріѣхали въ Кіевъ, тоже благополучно. Можно было бы въ три дня совершить этотъ путь, но мы, какъ добрые хозяева, щадили скотину и, какъ люди неравнодушные къ прелестямъ природы, останавливались попасать у ручейка или на широкомъ лугѣ у Днѣпра, нечаянно врѣзавшемся въ дремучій лѣсъ. И пока Софья Самойловна съ Прохоромъ хлопотала около кофейника, я рисовалъ сосну или березу, а лошади задумчиво траву щипали да хвостами помахивали. Словомъ, мы путешествовали, какъ слѣдуетъ путешествовать и всѣмъ порядочнымъ людямъ. На послѣднемъ попасѣ или привалѣ я рисовалъ группу сосенъ и для масштаба пасующуюся лошадь. Софья Самойловна варила кофе и какъ-то нечаянно заговорила съ Прохоромъ о паннѣ Доротѣ и о старомъ Курнатовскомъ. Я приготовилъ уши, а карандашъ только этакъ для плезиру держалъ въ рукѣ и въ продолженіи получаса узналъ всю отвратительную подноготную сѣдаго

сластолюбца и трогательно жалкую исторію бѣдной панны Дороты, исторію къ несчастію обыкновенную даже въ наше время.

Въ своемъ мѣстѣ я сообщу моимъ терпѣливымъ читателямъ эту глубоко грустную и поучительную исторію и, если умудрюсь, словами самого Прохора, а теперь поведу рѣчь о пребываніи Софьи Самойловны въ Кіевѣ.

Квартира у меня въ Кіевѣ была какъ разъ противъ института, не на Крещатикѣ, а на горѣ. Я предложилъ ее Софьѣ Самойловнѣ, а самъ поселился на время въ трактирѣ, не на водахъ, а на Крещатикѣ, въ домѣ архитектора Беретти. Въ тотъ же день съ помощію добрыхъ людей представилъ я моей спутницѣ опрятную скромную и расторопную хохлачку Марину, которая вполнѣ ей замѣнила бѣлолицую Параску. Устроивши все, какъ слѣдуетъ, мы держали совѣтъ, посѣщать-ли Машу въ институтѣ, или переждать экзамены и явиться прямо на актъ. Какъ благоразумная и нѣжная мать, она отказала себѣ въ радости поцѣловать единое дитя свое прежде экзамена, чтобы не развлечь и не повредить ему въ день испытанія. Въ ожиданіи этого блаженнаго дня, я развлекалъ мою гостью, какъ могъ и какъ умѣлъ: потчивалъ ее прогулками по церквамъ и монастырямъ, возилъ раза два въ Кинь-грусть; уже было началъ посвящать ее въ таинства кіевскихъ древностей, какъ слухъ пронесся о выпускномъ актѣ и балѣ въ институтѣ, на которомъ покажутъ себя публично будущіе пантеры и львицы.

Не помню, почему я не могъ сопровождать мою гостью на это высокое торжество и видѣть ея красавицу Машу въ критическія минуты испытанія.

На другой день уже увидѣлъ я ее въ объятіяхъ счастливой рыдающей матери. Это была юная и стройная, какъ лѣторосль тополи, гибкая, прекрасная брюнетка, съ блѣднымъ матовымъ лицемъ и съ большими умными черными глазами. Черезъ полчаса мы уже были свои люди и къ неописанному восторгу матери пѣли въ два голоса малороссійскую пѣсню:

Зійшла зоря зъ вечера,
не назорилася,
Прийшовъ милый зъ походу,
Я не надивилася.

Она превосходно владѣла своимъ баритономъ, который сначала показался мнѣ грубымъ для ея возраста. Я тутъ же окрестилъ ее знаменитымъ именемъ Альбони. Прошло еще полчаса, и мы уже другъ друга обожали. Она мнѣ, какъ обожаемому и обожателю, разсказала, разумѣется по секрету, кого изъ учителей всѣ дѣвицы обожали, а кого только нѣкоторыя, и котораго какъ онѣ называли, напримѣръ Ф., учителя минералогіи, онѣ называли купчикомъ, за то, что онъ на лекцію приходилъ всегда съ ящичкомъ, а инспектора И.,—такъ заключила она свою дѣтскую исповѣдь,—ни одна дѣвица не обожала, потому что у него глаза кошачьи.

Наговорившись по секрету о предметахъ первой важности, я разсказалъ ей, тоже по секрету, исторію про моего героя и про его очаровательную сестру.

Внимательно она выслушала мою повѣсть и, чего я не чаялъ отъ ея возраста, глубоко задумалась. Я тоже призадумался и, глядя на нее, самъ себя спрашивалъ, не сочиняетъ-ли она теперь поэму на эту возвышенную тему, какъ я сочинялъ. А почему же и не такъ? Ея непорочной душѣ это доступнѣе, нежели записному поэту.

— Какой прекрасный! какой благородный братъ! проговорила она, едва удерживая слезы.—Мамо! сказала она, обращаясь къ матери, а когда мы домой поѣдемъ?

— А какъ отговѣемся, мое сердце, такъ тогда и поѣдемъ, отвѣчала Софья Самойловна, цѣлуя свое задумчивое дитя.—Что ты такая невеселая, пташечко моя, рыбко моя красноперая? За папою скучаешь? Не скучай, мое серденько, скоро, скоро увидишь.

На ласки матери она задумчиво вздохнула.

— Что вы съ нею сдѣлали? спросила меня Софья Самойловна.

— Они разсказали мнѣ исторію про матроса.

— Про нашего сосѣда? Про Осипа Федоровича? прервала ее догадливая Софья Самойловна, и вдохновленная свыше она повторила мой разсказъ съ такимъ задушевнымъ краснорѣчіемъ, что я слушалъ ее, какъ бы никогда не зналъ о случившемся происшествіи. Она открыла въ моемъ героѣ такія романическія прелести, какихъ я и не подозрѣвалъ. Напримѣръ мнѣ и въ голову не приходило, что мой герой владѣетъ даромъ слова, а по словамъ Софья Самойловна онъ настоящій Златоустъ.

Разсказъ про обожаемаго матроса и его прекрасную сестру повторялся каждый день съ новыми варіаціями. Я начиналъ бояться, чтобы герой мой отъ частыхъ повтореній не опошлѣлъ въ воображеніи его пламенной обожательницы. Опасенія мои были напрасны. Въ послѣднюю ночь передъ выѣздомъ изъ Кіева она уже его видѣла во снѣ прекраснымъ, очаровательнымъ.

Благочестивыя мои пріятельницы отслужили молебенъ Варварѣ великомученицѣ и въ одно прекрасное утро закупорилися въ свой ковчегъ и пустилися во свояси. Я проводилъ ихъ до самаго того мѣста, гдѣ я рисовалъ группу старыхъ сосенъ и слушалъ трогательный разсказъ Прохора про панну Дороту и про стараго грѣшника Курнатовскаго. На прощанье просила меня Софья Самойловна пріискать для Машеньки фортепіано и до зимы прислать имъ на хуторъ, что я не замедлилъ исполнить, какъ нельзя удачнѣе.

Въ Кіевѣ мнѣ не сидѣлось, и я, посовѣтовавшись съ Прохоромъ, въ одно прекрасное утро оставилъ его вмѣстѣ съ Прохоромъ.

Завидное, очаровательное положеніе въ свѣтѣ человѣка ни отъ кого независимаго: ѣдешь себѣ, куда вздумается, въ собственной бричкѣ и на собственныхъ лошадяхъ; остановишься, гдѣ захочется, нарисуешь, что тебѣ понравится и ѣдешь далѣе. Волшебное состояніе! И сколько есть этихъ независимыхъ счастливцевъ въ свѣтѣ, которые и не подозрѣваютъ своей независимости. Бѣдніе жалкіе рабы ничтожно узенькихъ страстишекъ и тонко обдуманныхъ необходимостей!

Измѣривши вдоль и поперекъ Волынь и Подолію и дождавшись въ Житомирѣ осенней грязи, мы возвратились благополучно вь Кіевъ.

Изъ Житомира послалъ я пачку огородныхъ и садовыхъ сѣменъ Степану Осиповичу, собранныхъ мною у волынскихъ и подольскихъ агрономовъ, а юнымъ прекраснымъ друзьямъ моимъ тетрадку малороссійскихъ пѣсенъ, записанныхъ мною отъ подолянъ и волынянъ. И по возвращеніи въ Кіевъ, недѣли двѣ спустя, я получилъ отъ Степана Осиповича письмо такого содержанія:

Любезный и незабвенный земляче!

Съ самаго начала не удивляйтесь, что я васъ называю землякомъ своимъ. Я самъ до сихъ поръ былъ увѣренъ, что я настоящій

дейчъ, а вышло, что я такой же нѣмецъ, какъ и вы, т. е. настоящій хохолъ. И знаете, кому я объязанъ этимъ открытіемъ? Съ самаго начала вамъ, т. е. вашему фортепіано и тетрадкѣ хохлацкихъ пѣсенъ; потомъ моей Машѣ и вашей пріятельницѣ Курнатовской; да и старуха моя туда же. Но минуту терпѣнія, я вамъ разскажу все по порядку. Съ перваго свиданія Маша моя влюбилась въ вашу пріятетьницу до обожанія, какъ она сама выразилась. Мы съ Соничкой чрезвычайно обрадовались ихъ сближенію. Проходитъ недѣля, другая, новые друзья неразлучны, какъ Касторъ и Поллуксъ. Только замѣчаетъ сначала Соничка, а потомъ и я, что неразлучные друзья украдкою отъ насъ какую то книгу читаютъ. Намъ это не понравилось. Я сталъ внимательнѣе слѣдить за поведеніемъ неразлучныхъ друзей, да въ одно прекрасное утро и накрылъ пріятелей подъ липою въ саду.—Какую эту ты книгу въ карманъ спрятала? спрашиваю я свою.—Не покажу, говоритъ она. Настоящая хохлачка! А пріятельница ваша такъ и вспыхнула. Я сдѣлалъ около своей искусный вольтъ да и выхватилъ изъ кармана книгу. Вообразите же себѣ мое изумленіе, вмѣсто пошлаго романа у меня въ рукахъ была нѣмецкая грамматика. Дурочки! говорю я имъ, зачѣмъ же вы прячитесь съ этимъ добромъ?—Гелена, говоритъ моя хохлачка, хотѣла вамъ сюрпризъ сдѣлать, нечаянно заговоривъ съ вами по-нѣмецки. Каковы проказницы! Потомъ моя повисла мнѣ на шею да и проситъ, чтобы я училъ ее по французски. Я, разумѣется, охотно взялся за это святое дѣло, и тѣмъ болѣе охотно, что я, старый дуракъ, вообразилъ себя окруженнаго нѣмками съ Шиллеромъ въ рукахъ. А какія удивительныя способности у вашей пріятельницы? Фортепіано все дѣло испортило, т. е. не все, нѣмецкій и французскій языкъ идетъ своимъ порядкомъ, да я то сильно одураченъ. Вмѣсто чтенія Шиллера и Гете пою подъ фортепіано хохлацкія пѣсни, да еще и ногою притоптываю. Вотъ что сдѣлали изъ меня ваши хохлачки! Я попробовалъ ключъ прятать отъ инструмента и задать большіе уроки,—ничего не помогло. Черезъ полчаса урокъ готовъ и по уговору инструментъ долженъ быть открытъ. Такъ вотъ какого рода обстоятельства! А ротмистра Курнатовскаго вы теперь не узнаете. Настоящій барашекъ. Выписываетъ изъ Петербурга рояль для своей обожаемой Гелены. А вы пришлите для меня еще тетрадку хохлацкихъ пѣсенъ да, если можно, и съ нотами. На

праздники пріѣдутъ къ намъ погостить герой вашъ и его ученый профессоръ. Пріѣзжайте-ка и вы съ Прохоромъ, а пока цѣлуютъ васъ ваши хохлачки, а мои будущія нѣмки и я. Прощайте! Благодарю за житомирскую присылку.

P. S. Панна Дорота увы! не выдержала, бѣдная, окончательно помѣшалась. И, Боже, какая она жалкая! Я въ жизнь мою не видалъ такого жалкаго субьекта. Помѣшательство ея тихое, спокойное и тѣмъ грустнѣе и безнадежнѣе. Ядъ этотъ медленно съ самой ранней юности проникъ въ ея нѣжную организацію, въ ея кроткую непорочную душу. И Богу извѣстно, когда кончится это горькое существованіе. Она можетъ прожить еще нѣсколько лѣтъ: въ исторіи душевныхъ болѣзней эти примѣры не рѣдки. Каковъ долженъ быть человѣкъ, рѣшившійся очумить душу въ то самое время, когда она только что начинала сознавать прелесть и очарованіе жизни! Ужасное и безнаказанное преступленіе!

Но я заболтался съ вами. Дѣти кончили уроки и требуютъ ключъ отъ инструмента,—пойду! Не забывайте вашего стараго земляка и моихъ будущихъ нѣмокъ. Еще разъ прощайте!

И такъ далѣе...

Я имѣю благодарную привычку отвѣчать сейчасъ же на полученное письмо. Подъ вліяніемъ прочитанныхъ извѣстій, какія бы они не были, какъ то легче пишется: не чувствуешь работы, не замѣчаешь того томительнаго труда, который сопряженъ съ отвѣтомъ запоздалымъ, гдѣ необходимо извиняться, а нерѣдко и врать, а это мнѣ пуще ножа стараго. Самая невинная ложь въ моихъ глазахъ уголовное преступленіе. Я началъ письмо мое такъ.

Многоуважаемый мой друже и новый мой землякъ!

Не успѣлъ я поставить знакъ восклицанія, какъ вошелъ въ комнату Прохоръ и сказалъ, что сегодня погода такая прекрасная, что грѣшно было бы сидѣть дома и смотрѣть въ окно на улицу, и тѣмъ болѣе, что у насъ, слава Богу, все есть свое для ѣзды.

— Ты дѣло говоришь, Прохоре, сказалъ я ему и началъ придумывать, куда бы этакъ махнуть подальше. А въ ожиданіи доброй мысли я прочиталъ ему письмо Степана Осиповича, на что онъ весьма основательно замѣтилъ, что все хорошо написано, а одно такъ и совсѣмъ не написано.

— А чего же, по твоему, тутъ недостаетъ? спросилъ я его.

— А по моему недостаетъ тутъ Осипа Федоровича да Трохима Сидоровича.

— Правда твоя! Я напишу ему объ этомъ, а пока иди да приготовляйся въ дорогу.

Прохоръ вышелъ, а я занялся вопросомъ, почему мнѣ старый нѣмецъ ничего не пишетъ о моемъ героѣ и его учителѣ. Сказалъ только, что они пріѣдутъ къ нимъ на праздники въ гости, а откуда они пріѣдутъ, ничего неизвѣстно. Странно! предположеніямъ моимъ и конца бы не было, если бы Прохоръ не постучалъ въ окно и не сказалъ, что онъ готовъ хоть на край свѣта.

XIII.

Я по природѣ моей принадлежу къ категоріи людей разсѣянныхъ и отчасти нерѣшительныхъ. Эти, можно сказать, невинные недостатки нерѣдко ставили меня въ смѣшное, а иногда и въ непріятное положеніе. Теперь, напримѣръ, совершенно невинно я постригъ себя въ такіе дурни, что хоть на выставку, такъ въ пору. Поѣхали мы съ Прохоромъ въ Бровары: ну, и довольно, воротиться бы назадъ, написать письмо Прехтелю, и дѣло въ шляпѣ. Нѣтъ, нужно было проѣхать въ Оглавъ да завернуть въ Барышевку навѣстить стараго прокурора бориспольца. Очень нужно. А между тѣмъ прошелъ мѣсяцъ, а письмо не написано. Хорошо еще, что я догадался послать ноты, книги и еще тетрадку малороссійскихъ пѣсенъ. А то бы мои добрые хуторяне могли подумать, что я уже на лонѣ Авраамлѣ. Мало того, что не хорошо,—безсовѣстно. Прекрасная мысль! и какъ разъ пришлась по моей комплекціи: не писать до весны, а весной вдругъ какъ съ облаковъ свалиться. А каковъ будетъ эффектъ? А послѣ эффекта все таки прійдется извиняться, врать и краснѣть. Лучше теперь же напишу, пускай, что хотятъ, думаютъ, а я покрайней мѣрѣ очищу совѣсть; нужно только написать такъ, чтобы видна была правда, но правда опоэтизированная.

Для этого я началъ письмо слѣдующимъ эпиграфомъ:

Какъ въ наши лучшіе годы,
Мы пролетаемъ безъ участья,
Помимо истиннаго счастья,

Мы молоды; душа горда,
Какъ въ насъ запосчивости много!
Предъ нами свѣтлая дорога;
Проходятъ лучшіе года.

Да вмѣсто одного куплета выписалъ все стихотвореніе, да въ этомъ же тонѣ и письмо нахваталъ. Эффектъ былъ необыкновенный. Подъ стихами забылъ я написать: *Б. Курочкинъ* и пріятельницы мои не задумались влѣпить меня въ пангеонъ міровыхъ поэтовъ. Вотъ какіе могутъ быть послѣдствія такъ называемой невинной разсѣянности! Безъ всякаго намѣренія можно попасть въ самозванцы; я отдѣлался только тѣмъ, что послалъ моимъ хуторянамъ декабрьскую книжку Библіотеки для чтенія за 1856 годъ, и послѣ такого аргумента они разочаровались во мнѣ только въ половину. Въ ихъ понятіяхъ я все таки остался великимъ поэтомъ за то только, что сообщилъ имъ это геніальное стихотвореніе.

Зима съ контрактами и прочими радостями не видимо мелькнула передо мною. Передъ лицемъ мартовскаго солнца сконфузился и почернѣлъ бѣлый снѣгъ. Ручьи весело зашевелились въ горахъ и побѣжали къ своему пращуру Днѣпру Бѣлогруду сказать о приближеніи праздника богини Яры. Съ любовью принялъ лепечущихъ крошекъ старый Бѣлогрудъ и распахнулъ свою синеполую ризу чуть чуть не по самые Бровары.

Рязанова трактиръ, какъ голова утопленника, показывается изъ воды, а гигантъ мостъ, какъ морское чудовище, растянулся поперегъ Днѣпра и показываетъ изумленному человѣку свой темный хребетъ изъ блестящей пучины Прекрасная, величественная картина! Не говорю, весна! Одинъ запахъ весны меня способенъ вывести въ поле не только изъ Кіева, изъ самаго Парижа, что я и доказалъ въ прошломъ году моей черепашьео прогулкой по неисходимой грязи.

Но я годомъ постарѣлъ, сдѣлался хладнокровнѣе къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, а все таки трудно было мнѣ выговорить роковое слово: не поѣду!—т. е. пока грязь не угомонится. Я однакожъ сказалъ это роковое слово, а ужъ если я что однажды сказалъ, такъ это все равно, что напечаталъ: никакая земная сила не заставитъ меня перемѣнить однажды принятое намѣреніе. Этимъ я безъ хвастоства могу похвалиться.

Сижу я, скрѣпя сердце, въ Кіевѣ, а седьмое апрѣля, день Пасхи, такъ сказать, на носу виситъ, а грязь, какъ нарочно, жиже и жиже растворяется. Дождь за дождемъ такъ и льется. Все противъ меня—и небо и земля! Посмотримъ, кто кого пересилитъ? И я навѣрное переупрямилъ бы и небо и землю, да случилося вотъ что. Въ самое Лазарево воскресенье получаю я письмо отъ новаго земляка моего Прехтеля, письмо самаго курьезнаго содержанія. Оно то и покелебало мою энергическую или, лучше сказать, хохлацкую натуру. А чтобы недовѣрчивые читатели не сказали, что я хвостомъ верчу, то, какъ доказательство моей непорочности, прилагаю при семъ письмо много-уважаемаго мною Степана Осиповича Прехтеля, чтобы они сами могли разсудить, основательно ли я поступилъ въ этомъ необыкновенномъ случаѣ.

Вселюбезнѣйшій земляче!

Начать съ того, что вы эгоистъ, и самый закоренѣлый, холодный эгоистъ. Хотя простодушныя нѣмки мои и увѣряютъ меня, что вы только лѣнтяй и, слѣдовательно, одинъ изъ величайшихъ поэтовъ-художниковъ (неправда ли, наивное понятіе!), но меня стараго воробья на мякинѣ не проведешь. Видалъ я вашу братью великихъ чудотворцевъ! Но дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ дѣло. Всѣ мы, начиная съ вашей пріятельницы Гелены, глаза проглядѣли, дожидаючи васъ къ себѣ на праздникахъ, а вы!.. Ну, не эгоистъ ли вы послѣ всего этого? А какъ у насъ было весело—чудо! Героя вашего и его достойнаго профессора вы бы не узнали: элеганты, перваго сорта элеганты! Маша моя... ну, да Богъ съ нею! Мнѣ нуженъ человѣкъ, а не мишурная тряпка. А герой вашъ... но объ этомъ послѣ. Жаль, что вы не пріѣхали. Васъ только и не доставало для полной хохлацкой асамблеи. Пріѣзжайте же къ Пасхѣ, непрѣменно пріѣзжайте. Вы у насъ увидите большія перемѣны. Соничка моя помолодѣла и похорошѣла, я тоже. Маша и ея другъ Гелена сдѣлались настоящими нѣмками, и я думаю къ пріѣзду вашему открыть нѣмецкіе литературные вечера, если только вы не привезете новыхъ хохлацкихъ пѣсень. Ротмистра Курнатовскаго вы совсѣмъ не узнаете—прелесть мужикъ! Кузину вашу называетъ бездушной куклой, а ея благовѣрнаго сожителя осломъ въ гусарскомъ вицмундирѣ. Панну Дороту вы совсѣмъ не увидите, и ска-

жите, слава Богу: она недавно умерла. Пріѣзжайте, я вамъ сообщу интересныя данныя для ея печально поучительной біографіи. А теперь, чтобы болѣе заинтересовать васъ, скажу, что она была родною матерью ротмистра Курнатовскаго. Прощайте. Цѣлуютъ васъ мои нѣмки и я.

P. S. Болталъ болталъ, а главнаго не сказалъ; не сказалъ, что Курнатовскій изъ гусара дѣлается человѣкомъ. Вотъ вамъ доказательство: онъ ломаетъ отцовское жилище, не играетъ въ карты, не пьетъ и вашего бывшаго слугу Трохима воспитываетъ на свой счетъ въ Бѣлоцерковской гимназіи. Какъ обстановка измѣняетъ человѣка! Съ прошлой осени герой вашъ и его гимназистъ-профессоръ живутъ въ Бѣлой Церкви и учатся. Статью эту, правду сказать, я обдѣлалъ съ помощью вашей прекрасной Елены. Да это все равно, кто-бы не дѣлалъ, лишь бы хорошо. И вамъ будетъ большой грѣхъ, если вы не пріѣдете къ намъ на праздникъ, хотя бы для того только, чтобы взглянуть на своего Трохима-гимназиста и на храбраго защитника Севастополя, на моего будущаго... да что тутъ за секретъ, на моего будущаго зятя.

Прохоре! Прохоре! закричалъ я, выбѣгая въ переднюю.

Съ псалтыремъ въ рукахъ явился Прохоръ.

— Ѣдемъ, собирайся! сегодня ѣдемъ! сказалъ я ему скороговоркой. На это онъ равнодушно произнесъ: добре! и пошелъ собираться въ дорогу.

К. Дармограй.

1858 г., февраля.

Правительственныя печати въ Малороссіи отъ временъ Стефана Баторія до Екатерины II.

(Историческая справка по документамъ архива департамента герольдіи).

Въ 1576 году, польскій король Стефанъ Баторій, одновременно съ раздѣленіемъ Малороссіи на полки, даровалъ гетману запорожскому, вмѣстѣ съ другими знаками гетманскаго достоинства, и печать «съ гербомъ, означающимъ на оной стоящаго козака, держащаго на плечѣ ружье, на головѣ скривленная высокая шапка, а у бока висящій пороховой рогъ». (См. прилож. № 1-й).

Печать эта оставалась въ употребленіи и по возсоединеніи Малороссіи съ Московскимъ государствомъ, въ 1654 году, до самаго упраздненія гетманства въ 1764 году.

16 мая 1722 года, Петръ Великій повелѣлъ учредить въ Глуховѣ. при гетманѣ Скоропадскомъ, малороссійскую коллегію; а 1-го іюня того же года, правительствующій сенатъ опредѣлилъ, для сего новаго учрежденія, «учинить особливую печать противъ другихъ коллегій, съ надписаніемъ такимъ: *печать коллегіи Малой Россіи*». (Прилож. № 2-й).

Маллороссійская коллегія была открыта бригадиромъ Степаномъ Лукичемъ Вельяминовымъ (ея первымъ президентомъ) 20 іюля 1722 года, уже послѣ кончины гетмана Скоропадскаго, послѣдовавшей 3 числа того же іюля.

Лишь въ царствованіе императора Петра II-го, 9 го сентября 1728 года, Малороссія опять получила гетмана, въ лицѣ Данила Апостола. При немъ, кромѣ малороссійской коллегіи, состояли еще «великороссійскія знатныя особы» съ такъ называемою министерскою канцеляріею, которая также имѣла свою особую печать. (Прилож. № 3-й).

Послѣ кончины Данила Апостола (17 января 1734 г.), гетманскій постъ оставался незамѣщеннымъ до 5-го іюня 1750 года, т. е. до высочяйшаго утвержденія въ санѣ гетмана Малороссіи графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго. Въ томъ же году печати малороссійской коллегіи и министерской канцеляріи, вмѣстѣ съ дѣлами послѣдней, сданы были въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а оттуда, по перенесеніи малороссійскихъ дѣлъ въ правительствующій сенатъ, переданы для храненія въ сенатскій архивъ. Гетманъ Разумовскій все время употреблялъ вышеизображенную старую запорожскую печать,

Въ 1764 г. императрица Екатерина II окончательно упразднила гетманство и въ Малороссію назначила генералъ-губернаторомъ извѣстнаго въ лѣтописяхъ военной исторіи графа Петра Александровича Румянцева.

Въ 1765 году графъ Румянцевъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ изъяснилъ слѣдующее:

«Въ малороссійской коллегіи иногда нужда бываетъ подъ титуломъ вашего императорскаго величества давать универсалы и другія повелѣнія, а печать употребляется и по нынѣ запорожская».

«По высочайшемъ вашего императорскаго величества учрежденіи правительства, въ сей землѣ главнаго, въ коллегіи печать бывшая козацкая вовсе не приличествуетъ; а какъ здѣсь въ Малой Россіи пять княженіевъ считаются, а именно: кіевское, переясловское, стародубовское, сѣверское и черниговское, то я, по худому однако искусству въ геральдикѣ, осмѣливаюсь вашему императорскому величеству представить два абриса на апробацію: одинъ съ держателями малороссійцами съ бунчукомъ, а другой просто подъ короною императорскою и епанчею, щиты-жъ подъ великокняжеской (короной)». (Прилож. №№ 4 и 5).

«Подъ нумеромъ первымъ [1]) по всей Малой Россіи двоеглавной черный орелъ въ золотомъ полѣ, въ грудяхъ вензелевое имя вашего императорскаго величества имѣющій; подъ нумеромъ вторымъ, по княженію кіевскому, серебряной ангелъ въ голубомъ полѣ; подъ нумеромъ третьимъ, по переясловскому, серебряная башня въ красномъ полѣ; подъ нумеромъ четвертымъ, по стародубовскому,

---

[1]) См. второй абрисъ.

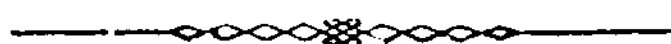
зеленый дубъ въ красномъ полѣ; подъ нумеромъ пятымъ, по сѣверскому, золотая стѣна въ красномъ полѣ; подъ нумеромъ шестымъ, по черниговскому, единоглавый орелъ въ голубомъ полѣ».

Императрица Екатерина, именнымъ указомъ, отъ 9-го іюля 1765 года, повелѣла правительствующему сенату: «представленіе генералъ-аншефа, малороссійскаго генералъ-губернатора, графа Румянцева о перемѣненіи прежней запорожской печати разсмотрѣть и представить съ мнѣніемъ». Въ тотъ же день сенатъ опредѣлилъ: «какъ оное есть герольдическое дѣло, для того отдать къ производству въ герольдмейстерскую контору».

Герольдмейстерская контора нашла, что, хотя при донесеніи ея императорскому величеству отъ генералъ - аншефа, малороссійскаго генералъ-губернатора, графа Румянцева о перемѣненіи прежней запорожской печати и приложены два примѣрные рисунка, на которыхъ означены гербы пяти княженій, Малую Россію составляющихъ, а въ срединѣ оныхъ россійскій государственный гербъ, но какъ оному въ той малороссійскоѣ печати по правиламъ герольдическимъ приличнѣе быть главнымъ изображеніемъ, нежели поставленнымъ въ срединѣ княжескихъ гербовъ и составлять будтобы нѣкоторую часть или княженіе Малыя Россіи, то по сей причинѣ въ герольдмейстерской конторѣ сочиненъ рисунокъ, въ коемъ оное расположеніе герба перемѣнено и государственный гербъ поставленъ главнымъ изображеніемъ малороссійской печати. Прочихъ же пяти княженій гербы расположены надлежащимъ порядкомъ и въ приличныхъ имъ поляхъ». (Прилож. № 6).

Рисунокъ этотъ представленъ былъ императрицѣ Екатеринѣ при всеподданнѣйшемъ докладѣ сената, въ коемъ изложено было прописанное заключеніе герольдмейстерской конторы, и въ 24-й день февраля 1766 года послѣдовало высочайшее повелѣніе: «малороссійской коллегіи печать употреблять по изображенному рисунку».

А. Барсуковъ.

Къ вопросу о колонизаціонномъ значеніи монастырей въ слободской Украинѣ.

Въ XV и XVI столѣтіяхъ все пространство южнѣе Оки и Тихой Сосны представляло обширную дѣвственную равнину, почти никѣмъ не заселенную. Днѣпровскія, донскія и волжскія степи сливались въ сплошное «дикое поле», «татарское приволье». Русскіе князья еще въ XII вѣки пытались имѣть на окраинахъ «дикаго поля» постоянныя сторожи, чтобы слѣдить за движеніемъ кочевыхъ хищниковъ, но послѣ татарскаго погрома, когда границы пустынныхъ степей расширились далеко на всѣ стороны, всякая постоянная сторожа въ нихъ на долго прекращается. Только въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка сторожевой вопросъ вновь всплываетъ въ средѣ московскихъ правителей. Къ этому времени относятся первыя извѣстія о поселеніяхъ въ «дикомь полѣ» и въ числѣ ихъ, правда, очень немногихъ, упоминается Бѣлгородъ. Былъ ли этотъ послѣдній возобновленъ или вновь построенъ—это вопросъ темный, но во всякомъ случаѣ въ началѣ XVI вѣка онъ одиноко стоитъ въ пустынномъ, почти необитаемомъ краѣ. Первые поселенцы «дикаго поля» знали, разумѣется, что каждую минуту они могутъ подвергнуться риску нападенія то со стороны татаръ, то со стороны различной вольницы, что ихъ жизнь и жизнь семьи въ страшной опасности, что изъ зажиточныхъ людей они, если уцѣлѣютъ, легко могутъ сдѣлаться нищими. Поэтому нельзя не видѣть въ нихъ тѣхъ именно типичныхъ піонеровъ края, крѣпкихъ духомъ и мужествомъ, которые создали новую область государству и тѣмъ способствовали его величію. Приливъ этихъ переселенцевъ увеличивается съ половины XVI вѣка, когда усилившееся московское княжество начинаетъ заботиться о своихъ окраинахъ. Съ 1571 г. сторожи въ «дикомъ

полѣ» образуютъ уже цѣлую линію постовъ на протяженіи всей московской окраины. Назначенный въ этомъ году Іоанномъ IV начальникъ сторожевой службы князь Воротынскій началъ съ того, что изслѣдовалъ состояніе сторожи до 1571 г. Оказалось, что уже лѣтъ пятнадцать, какъ передовыя сторожи образовали рядъ городовъ, начиная съ Алатыря, нынѣ казанской губ. и Темникова, нынѣ тамбовской и до Рыльска и Путивля, нынѣ курской губерніи. Но еще впереди этихъ городовъ въ «дикомъ поле» лежали полевыя сторожи, укрѣпленныя рвами и засѣками. Всѣ онѣ находились между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ, поддерживавшихся разъѣздами стражниковъ. Весьма вѣроятно, что многія изъ этихъ полевыхъ сторожъ послужили потомъ къ образованію городовъ. Бѣлгородъ, тоже возникъ, какъ предполагаютъ, изъ такого полеваго укрѣпленія, какъ и многія другія поселенія. Кн. Воротынскій расширилъ сторожу и увеличилъ число сторожевыхъ пунктовъ. Преемникъ его бояринъ Никита Юрьевъ выдвинулъ ихъ еще дальше въ «дикое поле» такъ, что въ 1586 г. онѣ дошли до р. Сосны и устья Воронежа. При Ѳедорѣ Іоановичѣ Бѣлгородъ далеко выдвигается впередъ изъ линіи пограничныхъ городовъ и скоро дѣлается средоточіемъ сторожевой службы. Наблюденія за движеніями татаръ въ «дикомъ полѣ» велись неусыпно и безпрерывно. Жители, предупрежденные о появленіи орды, скрывались въ города, вся сторожевая линія становилась на ноги и ратные люди сосредоточивались на пути татаръ. Съ 1588 г. переселенія по Бѣлгородской сторожевой чертѣ значительно увеличиваются, вслѣдствіе движенія сюда малороссовъ изъ правобережной Украины. Первыхъ выходцевъ далъ черкаскій уѣздъ, нынѣ кіевской губерніи, и за малороссійскими переселенцами надолго сохраняется названіе черкасъ. Скоро послѣдніе дѣлаются преобладающими и среди ихъ сосредоточиваются главнѣйшія сторожевыя силы бѣлгородской черты. Въ 1641 г. новопоселенія малороссіянъ были саниціонированы особой грамотой царя Михаила Ѳедоровича, вслѣдствіе чего черкасамъ предоставляется право дѣлать земельныя доимки, безпошленно торговать, а въ нѣкоторыха случаяхъ и получать государево жалованье. Царскими указами московскимъ воеводамъ и всякимъ начальникамъ строго наказывается оберегать интересы черкасъ, оказывать имъ всяческое вниманіе и ласку. Такія распоряженія дѣлаются вполнѣ понятными, если вспомнить, что

до воцаренія Петра Великаго вся мѣстность по бѣлгородской чертѣ была въ постоянной опасности отъ татарскихъ набѣговъ и разореній, слѣдовательно правительству были особенно дороги малороссы, привычные къ войнѣ и воинской организаціи, которую они переносили въ новыя поселенія. Однако, кромѣ защиты, московское правительство ставило имъ въ непремѣнную обязанность занятіе земледѣліемъ и осѣдлую жизнь. Это обстоятельство требовало извѣстныхъ условій, напримѣръ, возможности удовлетворять религіознымъ потребностямъ переселенцевъ, а потому мы видимъ, что на ряду съ воинственнымъ козачествомъ будущая слободская Украина заселяется чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ; особенно монашество охотно шло въ «дикое поле», гдѣ, если и не было постоянной безопасности, за то была возможность свободно исповѣдывать свою религію. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ берега тогда степныхъ рѣкъ Псла, Сейма, Десны, Донца и многихъ другихъ были усѣяны пустынниками, пришедшими сюда въ большинствѣ случаевъ изъ польской Малороссіи. Московскіе цари Михаилъ Федоровичъ, Алексѣй Михайловичъ и даже Петръ Великій охотно покровительствовали этимъ монахамъ піонерамъ. По ихъ челобитнымъ московское правительство назначало скитамъ и монастырямъ то государево жалованье, то земельныя угодья, каковы: сѣнные покосы, лѣса, рыбныя ловли, бобровые гоны и бортныя ухожья. Въ иныхъ случаяхъ, когда поселенія пустынниковъ были самыми первыми въ краѣ, онѣ служили центрами, вокругъ которыхъ групировались новые пришельцы. Какъ только ихъ набиралось значительное количество, немедленно строился городъ, съ острогомъ, рвами и засѣками. Съ этихъ поръ окрестные поселенцы, равно какъ и монашествующіе могли найдти уже убѣжище отъ небольшихъ татарскихъ отрядовъ, за стѣнами крѣпостей. Въ другихъ случаяхъ монастыри возникали почти одновременно съ новыми городами и поселеніями, но и тогда они играли немалую колонизаторскую роль: они оживляли край, придавали ему болѣе благоустроенный и заселенный видъ, заводили сады, мельницы, бортныя ухожья, воздѣлывали землю, строили поселенія, привлекали въ свои стѣны богомольцевъ, а на свои угодья новыхъ поселенцевъ работниковъ. Наконецъ, были и такіе случаи, когда иноческія обители возникали уже тогда, когда край былъ безопасенъ отъ татарскихъ набѣговъ и бѣлгородская сторожевая линія потеряла значеніе ох-

ранителя украинъ русскаго государства. Эти монастыри почти не имѣютъ уже колонизаціоннаго значенія, а потому мы остановимся на первыхъ двухъ, т. е. возникшихъ до заселенія края и въ самомъ началѣ переселенческаго движенія, а также на устроившихся во время разгара заселенія края. Само собою разумѣется, что при выясненіи коланизаціоннаго значенія монастырей необходимо коснуться нѣсколько ихъ возникновенія и исторіи.

Въ самомъ началѣ XVIII вѣка въ бѣлгородской епархіи насчитывалось до 1000 церквей и свыше 50 монастырей; большинство послѣднихъ возникли гораздо раньше и играли немалую роль въ колонизаціи края.

Еще задолго до движенія главныхъ массъ переселенцевъ въ путивльскія и бѣлгородскія дикія поля, близь Путивля, разореннаго татарскими набѣгами, существовала Молченская иноческая пустынь. Время основанія ея точно неизвѣстно, но въ описаніи пустыни, составленномъ въ 1845 г., говорится, что она возникла еще въ концѣ XIII столѣтія, и слѣдовательно, не смотря на разореніе и запустѣніе края, служила на значительномъ пространствѣ единственнымъ обитаемымъ убѣжищемъ «дикаго поля». Но если даже допустить неосновательность такого предположенія о слишкомъ раннемъ возникновеніи обители и основываться исключительно на сохранившихся документахъ, то и тогда приходится допустить, что Молченская пустынь существовала еще до 1557 г., къ которому относятся документальныя данныя, и слѣдовательно предшествовала появленію не только главной массы колонизаторовъ края, но даже первымъ изъ нихъ. Эта пустынь располагала значительными земельными угодьями и въ 1591 г. состояла уже изъ игумена и 15-ти братій. Въ томъ же году она пріобрѣтаетъ «осадный дворъ» въ Путивлѣ «для приходу крымскихъ людей», на которомъ и основывается храмъ во имя святыхъ Флора и Лавра. Постройка осаднаго двора сдѣлалась необходимой въ виду того, что постоянные набѣги татаръ привели въ запустѣніе монастырскія вотчины. Въ 1592 г. однимъ изъ подобныхъ набѣговъ разорена вся путивльская окрестность вмѣстѣ съ молченской пустынью. Такія событія дѣлаютъ наконецъ невозможнымъ пребываніе братіи въ монастырѣ и побуждаютъ монашествующихъ искать болѣе безопаснаго уголка. Осадный

дворъ въ Путивлѣ съ новою церковью являются такимъ пріютомъ, и сюда переселяется братія молченской пустыни во главѣ съ игуменомъ Ильею. Но разъ заселенныя мѣста покидаются монашествующими не такъ-то легко. Въ разоренномъ монастырѣ остался его прежній игуменъ—старецъ Пафнутій; онъ не рѣшился покинуть священное для него мѣсто, на которомъ подвизались въ пещерахъ первые основатели обители, къ тому же и не желалъ переносить въ свою новую колонію чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы Молченской. Только новыя безпрерывныя разоренія, причиняемыя метрополіи монастыря и путивльскимъ землямъ полчищами самозванца, побудили его наконецъ перенести эту святыню и вмѣстѣ самому переселиться на новое мѣсто. Но въ то время, какъ устроился окончательно новый монастырь, старый все таки не запустѣлъ окончательно. При первой возможности онъ былъ возобновленъ вновь и монашествующая братія энергично продолжала свой колонизаторскій подвигъ. Если она и была вынуждаема уступать разъ уже облюбованныя мѣста подъ гнетомъ постоянныхъ разореній, то только для того, чтобы скоро вновь занять ихъ и продолжать заселеніе «дикаго поля». Къ этому была полная возможность, такъ какъ выпись монастырскихъ угодій отъ 1621 г. показываетъ, что земельныя владѣнія обители были довольно значительны [1]).

Но примѣръ молченской пустыни не единственный. Святогорская успенская пустынь едва-ли моложе молченской. Мѣстоположеніе ея на высокихъ горахъ по берегу р. Донца, длинные подземные ходы и церкви и другіе признаки указываютъ, что она играла иногда роль не только св. обители, но и сторожеваго пункта, съ котораго слѣдили за ордами кочевниковъ, и крѣпости, въ пещерахъ и ходахъ которыхъ скрывались немногочисленные піонеры-колонизаторы во время опустошительныхъ татарскихъ набѣговъ. Архіепископъ Филаретъ [2]) относитъ возникновеніе святогорской пустыни къ XIV вѣку; въ лѣтописяхъ же она упоминается впервые въ 1547 г. Эта обитель переживала всѣ невзгоды Слободской

---

[1]) Матеріалы для исторіи курской епархіи: „Глинская Рождество-Богородицкая пустынь“. Прилож. къ „Курск. Епарх. Вѣд.“, архимандрита Анатолія.

[2]) Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи. Отд. 1-е.

Украины и много разъ была разоряема татарскими кочевниками, отъ чего извѣстій о древней жизни ея сохранилось очень мало. Земельныя владѣнія и пустоши ея были значительны, а потому и въ заселеніи края она играла не малую роль.

Послѣ святогорской вторая по древности иноческая обитель въ предѣлахъ нынѣшней харьковской епархіи носила названіе Аркадіевской по имени основателя ея. Время основанія этого монастыря неизвѣстно, но уже въ 1660 г. «Аркадіеву пустынь приписали къ новому Чугуевскому Успенскому монастырю для богатыхъ ея угодьевъ» [1]). Послѣ этого времени она не одинъ еще разъ была разоряема татарами, но снова возобновлялась, получая новые дары, какъ мельницы, земли, лѣса, хутора и пр. Нынѣ этотъ монастырь упразднёнъ.

Менѣе древнимъ, но болѣе извѣстнымъ является Обоянскій монастырь, возникшій, по вполнѣ вѣроятному предположенію, раньше города Обояни и ближайшихъ къ нему поселеній. Рыльскій архимандритъ Анатолій, собиратель матеріаловъ по исторіи курской епархіи, разбирая мнѣнія о происхожденіи г. Обояни и доказавъ несостоятельность ихъ въ большинствѣ случаевъ, останавливается на слѣдующемъ, найболѣе вѣроятномъ, мѣстномъ преданіи, слышанномъ имъ въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія.

«Когда-то, въ незапамятныя времена, по ту и другую сторону рѣчки, соименной теперь монастырю и городу, жили въ непроходимомъ лѣсу два старца-отшельника, которые по имени своему были *оба Яны*, очевидно, выходцы изъ-за Днѣпра—польской стороны, бѣжавшіе, подобно многимъ другимъ, отъ свирѣпствовавшей тамъ уніи. Здѣсь на новомъ пустынномъ, безлюдномъ и совершенно дикомъ мѣстѣ, крайная скудость и тяжесть отшельнической, разобщенной жизни—съ одной стороны, и совершенная безпомощность при нуждахъ тѣлесныхъ и душевныхъ съ другой—заставили ихъ искать сближенія между собою; и вотъ они начали сперва другъ друга перезывать къ себѣ на житье, а потомъ, мало-по-малу, стали принимать въ сожители къ себѣ и другихъ христолюбцевъ, изъ которыхъ постепенно образовалось цѣлая обитель—общежитіе иноковъ,

---

[1]) Ibid., стр. 295.

кои въ послѣдующее время, по уваженію къ памяти первыхъ основателей и своихъ духовныхъ руководителей, извѣстный ручей, служившій имъ въ нуждахъ тѣлесныхъ, окрестили именемъ *Обояни*, а обитель свою *Обоянскою*. Черезъ нѣсколько времени явился около сей обители сторожевой городокъ (около половины XVII вѣка), которому имя приготовлено уже было первыми насельниками этой мѣстности; а затѣмъ явился и посадъ пригородній—населеніе мірское, торговое, которое, по показанію разныхъ повѣствованій, въ теченіи долгаго времени извѣстно было подъ именемъ Обоянщины» [1]). Это преданіе весьма вѣроятно, между прочимъ и потому, что указанный въ немъ путь возникновенія монастыря, а затѣмъ поселенія подтверждается и другими случаями. Нужно однако замѣтить, что первое время обоянская обитель не была вполнѣ организованнымъ и юридически признаннымъ монастыремъ, а считалась простымъ монашескимъ общежитіемъ. Построеніе же собственно обоянскаго Богородицко-знаменскаго монастыря относится къ 1663 и 1664 гг., когда и городъ Обоянь былъ переименованъ изъ сторожеваго въ уѣздный. Но и до этого времени монастырь существовалъ, хотя и неофиціально, и владѣлъ множествомъ различныхъ земельныхъ и лѣсныхъ угодій въ «дикомъ полѣ».

Такимъ образомъ всѣ четыре монастыря, краткія историческія свѣдѣнія о которыхъ мы привели выше, должны быть причислены къ первымъ колонизаторамъ края. Основатели ихъ искали уединенія въ привольныхъ мѣстахъ «дикаго поля», терпѣли всѣ неудобства одиночества и отдаленности положенія отъ населенныхъ пунктовъ, переносили разоренія татаръ и шаекъ различной вольницы, но все таки, сознательно или безсознательно, съ настойчивостью и упорствомъ продолжали колонизаторское дѣло. «Дикое поле» распахивалось и разработывалось, лѣса вырубались, заводились пасѣки, сады, мельницы, хутора, скиты, пріобрѣтались монастырскіе крестьяне (по своей волѣ или по куплѣ) и заселеніе шло, если и не быстро, то твердо и настойчиво. Въ совершенно глухихъ, дикихъ мѣстахъ начиналась жизнь, сначала бѣдная и однообразная, лишенная всѣхъ культурныхъ удобствъ,—жизнь отшельниковъ и иноковъ. Но она

---

[1]) „Курск. Епарх. Вѣдом.“, 1882 г., № 4. „Историко-статист. опис. Обоянскаго богород.-знам. монастыря“.

вызывала и привлекала другую жизнь, мірскую, которая несла съ собой новый строй, создавшій изъ дикой пустыни осѣдлыя мѣстности. Разумѣется, далеко не вездѣ такимъ путемъ началось заселеніе Слободской Украины; но указанные нами факты подтверждаютъ, что оно совершалось и такимъ путемъ и что монастыри играли не послѣднюю роль въ колонизаціи края. Не даромъ московское правительство всячески старалось поддерживать новостроющіеся монастыри, жалуя имъ и государево жалованье, какъ все равно «людямъ разныхъ сторожевыхъ службъ», и продукты (напр. соль) и земельныя угодья.

Но и тѣ монастыри, возникновеніе которыхъ не предшествовало заселенію края, а совпадало съ нимъ, имѣли также колонизаторское значеніе: они оживляли край, привлекали новыхъ поселенцевъ и новыхъ работниковъ на свои угодья, вмѣстѣ съ другими они несли разоренія отъ татаръ и, какъ часть массы населенія, противустояли ихъ хищническимъ набѣгамъ. Такіе монастыри лежали въ предѣлахъ нынѣшней курской епархіи. Изъ нихъ, если не ошибаемся, наиболѣе древнимъ будетъ бѣлгородскій николаевскій монастырь, нынѣ упраздненный. Онъ основанъ при царѣ Борисѣ въ 1599 г., т. е. черезъ 90 лѣтъ послѣ того, какъ можно найдти первыя указанія на существованіе самаго Бѣлгорода. Но нужно помнить, что и въ годъ основанія монастыря Бѣлгородъ былъ небольшимъ городкомъ, далеко выдвинувшимся изъ линіи сторожевыхъ городовъ въ «дикое поле», а потому пребываніе въ немъ сопряжено было съ большими опасностями и лишеніями. При монастырѣ имѣлась, недалеко отъ города, Пятницкая пустынь и загородній дворъ, на которомъ въ концѣ XVII вѣка построена церковь. Другія, въ общемъ довольно обширныя, но бездоходныя владѣнія монастыря постоянно оспаривались сосѣдними владѣльцами и ново-поселенцами, каковы: нежегольцы, волчанцы, салтовцы и др. Настоятели николаевскаго монастыря, отстаивая свои старыя вотчины, старались и о пріобрѣтеніи новыхъ; не смотря на это, монастырь былъ очень бѣденъ, какъ бѣдна была и пятницкая пустынь. Въ разгарѣ переселенія понятія о собственности плохо прививались и монастырь истощалъ свои матеріальныя средства, отстаивая свои вотчины. «Все богатство сей обители», по ироническому замѣчанію архимандрита Анатолія, «заключалась по описи въ томъ, что въ монастырской казнѣ были

великаго государя жалованныя грамоты и всякія монастырскія крѣпости»[1]). Въ 1674 г., по просьбѣ нижегольца полковаго козака М. П. Старочуднаго, дано позволеніе отъ бѣлгородскаго намѣстника, кн. Ромодановскаго строить городъ Волчанскъ на монастырской вотчинѣ. Это было извѣстно и просителю и намѣстнику. Первый писалъ: «есть отъ Бѣлгорода, отъ рѣчки Сѣверскаго Донца, въ лѣвой сторонѣ, рѣка Волчьи Воды, а на той-де рѣчки Волчьихъ Водахъ есть три брода: бродъ каменный, да бродъ Захарьевъ, да бродъ царевской, да сѣнная поляна, а черезъ тѣ-де броды и сѣнную поляну лежатъ татарскія сакмы въ рускіе городы и тѣми сакмамы ходятъ воинскіе люди татаровя. Сѣверскимъ Донцомъ владѣетъ Бѣлгорода николаевскаго монастыря архимандритъ Кириллъ,... и великій государь, его царское величество пожаловалъ бы ево, велѣлъ на той рѣчкѣ *Волчьихъ водахъ*, на татарскихъ сакмахъ... *построить городъ*, изъ разныхъ городовъ призвать его братью черкасъ..., изселить слободы, села и деревни, и отъ прихода воинскихъ людей около города учинить крѣпости... и по причиннымъ мѣстамъ учинить сторожи, чтобъ воинскіе люди татаровя въ украинные городы бѣзвѣстно не пришли»[2])... Новопостроенный такимъ образомъ на монастырскихъ земляхъ городъ Волчанскъ причинилъ не мало хлопотъ монастырю, который, не смотря на опасное положеніе на татарской сакмѣ своей вотчины на Волчьихъ водахъ, не хотѣлъ поступиться ею, такъ какъ умѣлъ, вѣроятно, извлекать изъ нея доходы, хотя бы и незначительные. Въ 1697—99 г., при архимандритѣ Іонѣ, монастырь сдѣлалъ новыя значительныя земельныя пріобрѣтенія. У него были и свои «подданные», жившіе на его земляхъ и занимавшіеся ихъ обработкой. Право владѣнія ими, по челобитью архимандрита Филарета, въ 1707 г. подтверждено было монастырю грамотой Петра I-го. По книгамъ 1678 года крестьянскихъ дворовъ за николаевскимъ моныстыремъ было 65, а въ наличности число ихъ возросло уже до 80.

Почти въ тоже время, какъ развивалъ свою дѣятельность николаевскій монастырь, вновь построенная въ «осадномъ дворѣ» молченская путивльская пустынь, во главѣ съ игуменомъ Ильею, про-

---

1) „Курскія Епарх. Вѣдом.", № 1, 1882 г.

2) „Курскія Епарх. Вѣд.", 1883 г., № 3, стр. 164.

должала выполнять свою колонизаторскую роль. Въ 1627 г. во время литовскаго разоренія были утеряны нѣкоторыя грамоты на вотчины новаго монастыря; но, съ переселеніемъ настоятеля Пафнутія изъ стараго монастыря, грамоты были возобновлены по его челобитной. По нимъ монастырю принадлежали значительныя владѣнія въ «дикомъ полѣ» и хотя позже они отданы были козакамъ, но затѣмъ вновь возвращены обители. Козаки, принося жалобу на отобраніе земли, упоминаютъ, что на тѣхъ земляхъ монастыремъ уже поселены деревни. Колонизаторская дѣятельность его признавалась и высшими властями. Патріархъ Іовъ освобождаетъ новый молченскій монастырь и его вотчины отъ церковныхъ даней и казенныхъ пошлинъ, по тому уваженію, что обитель, не получая государева жалованья и потерпѣвъ запустѣніе вотчинъ, должна была устроить послѣднія. т. е. изъ дикаго поля превратить въ жилыя и культурныя мѣста. Вмѣстѣ съ земледѣльческой культурой шло рядомъ и развитіе обработывающей промышленности. Такъ еще первымъ игуменомъ новаго молченскаго монастыря испрошено было у царя Бориса Өедоровича разрѣшеніе построить на ручьѣ Катанскомъ, впадающемъ въ р. Сеймъ, мельницу и толчею для монастырскаго обиходу. «Тотъ ручеекъ и прилегающее къ нему болотце съ лозами, пишется въ грамотѣ, «лежитъ пусто и не владѣетъ имъ никто и оброку де въ государеву казну съ того катанскаго ручейка и болотца съ лозами не идетъ ничево. И игуменъ Илья съ братею государю царю и великому князю Борису Өедоровичу всея Руссіи били челомъ, чтобъ ево пожаловалъ, тотъ катанскій ручеекъ и съ болотцемъ и съ лозами на оброкъ къ своему государеву богомолью Пречистые Богородицы къ Молченскому монастырю сдѣлати на томъ ручейку мѣленку и толчею для монастырскаго обиходу, а оброку де онъ даетъ государю царю и великому князю въ казну съ съ того пуставо катанскаго ручейка, съ меленки и съ толчеи и съ болотца съ лозами на годъ полъ-полтины денегъ да пошлины» [1]). Какъ только явилась хоть какая нибудь возможность жить въ старой молченской обители, въ ней была возобновлена деревянная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы и построено (1627 г.)

[1]) Матер. для ист. курск. епархіи. Глинская Рожд.-Богор. пуст., архимандр. Анатолія. Прибавл. къ „Курск. Еп. Вѣд." за 1886 г., стр. 19.

три келіи для старцевъ монастырскихъ и бортниковъ. Такъ какъ эта обитель чтилась далеко вокругъ и къ ней стекались въ значительномъ числѣ богомольцы, то возобновленіе ея еще болѣе способствовало заселенію окрестностей. Цѣня колонизаціонное значеніе иноческихъ обителей и имѣя въ виду постоянныя разоренія то отъ татаръ, то отъ литовцевъ и поляковъ, то наконецъ отъ самозванцевъ, московское правительство часто освобождало ихъ отъ государевыхъ и патріаршихъ платежей и защищало ихъ угодья отъ захватовъ. Указанія на такое отношеніе московскаго правительства часто встрѣчаются во многихъ грамотахъ того времени. Изъ вышеприведенной описи угодій и вотчинъ молченскаго монастыря видно, что онѣ были постоянно разоряемы и снова принимали жилой видъ. Монастырь способствовалъ поселенію новыми поселками, давая пріютъ и бобылямъ и дворовымъ людямъ въ своихъ владѣніяхъ. Въ 1653 г. деревянная церковь, построенная на мѣстѣ стараго монастыря, передѣлана въ каменную и въ ней назначенъ постоянный штатъ монашествующихъ для повседневнаго служенія. Такимъ образомъ возобновленный старый монастырь дѣлается центромъ, возлѣ котораго вновь группируются поселенія. По имени перваго строителя этого монастыря, онъ именуется Софроніевской пустынью. Съ организаціей послѣдней прекращается главный приливъ переселенцевъ въ слободскую Украйну, и монастыри мало по малу теряютъ свое колонизаціонное значеніе.

Въ это время заселеніе шло на болѣе южныхъ окраинахъ, въ теперешнемъ суджанскомъ уѣздѣ. Въ 1665 г. стольникъ Рагозинъ, описывая въ то время очень немногія поселенія нынѣ суджанскаго уѣзда, упоминаетъ о строющемся починкѣ Вдова при впаденіи ручья того же имени въ р. Пселъ. Въ теченіи пяти лѣтъ починокъ разростается въ большую слободу, а затѣмъ и городъ, названный Миропольемъ, потому что главная масса переселенцевъ прибыла сюда изъ мѣстечка Миррополья нынѣ каменецъ-подольской губерніи [1]). Около этого же времени «въ 171 году (1663) въ острогожскомъ уѣздѣ, въ дивногорской пустынѣ (нынѣ упраздненной), за границею, на устьѣ рѣкъ Дона и Сосны, съ крымской стороны,

---

[1]) См. нашу брошюру „Суджанскій уѣздъ въ геогр., стат.-экон. и истор. отнош.“

имѣли жительство іеромонахи Θеодосій, Лаврентій, Кесарій Памва, да старецъ Никодимъ. А понеже въ то время къ тому монастырю стали быть частые приходы татарскіе, и монастырю разореніе непрестанное, то затѣмъ они іеромонахи Θеодосій съ прочими и старецъ Никодимъ, въ 179 году (1671) изъ того монастыря вышли, и пришли въ миропольскій уѣздъ, разстояніемъ отъ города Мирополья въ шести верстахъ, на то мѣсто, гдѣ оный монастырь стоитъ, называемое тогда *дѣвичье городище*, и начали отъ доброхотныхъ христолюбивыхъ подателей монастырь строить, и построили они тогда одни только себѣ кельи, а церкви и около монастыря ограды еще не строили»[1]). Построенный на мѣловыхъ горахъ, онъ получилъ названіе бѣлогорскаго николаевскаго монастыря отчасти по мѣстоположенію, а отчасти по воспоминаніямъ о дивногорской пустынѣ. Въ 1672 г. монастырь получилъ отъ царя Алексѣя Михайловича земли и сѣнные покосы; но главные дары принесли частные люди. «Въ 1688 г. стольникъ Кондратьевъ съ старшиною отдали монастырю изъ имѣній, оставшихся послѣ сотника Гавришева, мельницу на р. Пслѣ подъ селомъ Великія-Рыбицы, съ поселенными при той мельницѣ подданными черкасами, разнаго лѣса рощею, сѣнными покосами и другими угодьями»[2]). Но монастырь и самъ заботился о заселеніи своихъ вотчинъ. Такъ въ 1770 г. онъ имѣлъ уже два хутора: Прикольскій да Ивашковскій и двѣ мельницы. При этихъ владѣніяхъ считалось 80 крестьянскихъ дворовъ, подданныхъ же изъ малороссіянъ мужескаго полу 315. Положеніе крестьянъ монастырскихъ было необременительно: денежныхъ, хлѣбныхъ и никакихъ другихъ доходовъ монастырь не бралъ съ нихъ, а пользовался только ихъ работою по два дня въ недѣлю. Изъ 300 чел. работать на монастырскія поля выходили среднимъ числомъ до 80 человѣкъ. Хлѣбъ съ обработанныхъ ими полей шелъ на монастырскія потребы и на содержаніе самихъ крестьянъ во время работы; оставшійся затѣмъ поступалъ въ продажу и составлялъ сравнительно одну изъ значительнѣйшихъ статей монастырскихъ доходовъ, вмѣстѣ съ доходами отъ мельницы и продажи сѣна. Другой, еще болѣе значительный, доходъ монастырь

---

1) Упраздн. николаевскій бѣлогорскій монастырь, Спб. 1862 г., стр. 6.

2) Ibidem, стр. 8.

получалъ отъ продажи извести, которая въ изобиліи находилась въ монастырскихъ горахъ, также отъ кирпичнаго завода; кромѣ того по горамъ были разбиты фруктовые сады, яблонные, грушовые и бергамотовые; отъ продажи плодовъ, дынь и «кавуновъ» съ монастырской бакши также получался доходъ, хотя незначительный, равно какъ и отъ продажи меда и воска съ монастырской пасѣки. Монастырь имѣлъ наконецъ рыбныя ловли и скотоводство, хотя въ небольшихъ размѣрахъ: лошадей и рогатаго скота, особенно воловъ, содержалось сколько было нужно для работы и монастырскихъ потребностей» [1]). Изъ этого описанія, нарочно приводимаго нами изъ брошюры, посвященной бѣлогорскому монастырю, видно, что даже такіе небольшіе и бѣдные монастыри, какъ вышеупомянутый, имѣли несомнѣнное значеніе въ культурномъ прогрессѣ края. Болѣе богатые монастыри, о которыхъ скажемъ ниже, имѣли разумѣется и больше вліяніе на туже сторону жизни окраинъ русскаго государства.

Интереснымъ явленіемъ въ исторіи колонизаціи Слободской Украины является и такой фактъ, какъ устройство женскихъ монастырей въ мѣстностяхъ, которые не были, какъ извѣстно, безопастны отъ татарскихъ разореній. Въ 1622 г. старицѣ Апполинаріи Прытковой, съ сестрами, вслѣдствіе ея челобитной, разрѣшено царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ строить церковь и келіи на землѣ отведенной въ Бѣлгородѣ у посаду, и они на томъ мѣстѣ церковь воздвигнули Рождество Пресвятой Богородицы и келіи поставили. Но такъ какъ построеніемъ церкви обыкновенно заканчивалась организація монастыря, то весьма вѣроятно предположеніе, что самое общежитіе монахинь возникло еще въ концѣ XVI столѣтія. Вслѣдъ за постройкой церкви, за монастыремъ укрѣплена земля, хотя въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Около средины XVII ст. на этой землѣ числятся уже нѣсколько семействъ крестьянъ, бобылей и дворовыхъ людей, которыхъ раньше монастырь не имѣлъ. Дальнѣйшее экономическое развитіе монастыря находится въ связи съ пріобрѣтеніемъ имъ чудотворной иконы Пресвятой Богородицы Корсунскія [2]).

---

[1]) Ibid., стр. 10—11.
[2]) „Курск. Епарх. Вѣд." 1883 г., № 18.

Въ нынѣшней харьковской епархіи тоже возникло не мало монастырей въ періодъ еязаселенія въ срединѣ XVII вѣка. много способствовавшихъ колонизаціи этой части Слободской Украины.

Въ первые годы поселенія ахтырскаго полка прибылъ туда изъ заднѣпрскаго лебединскаго монастыря игуменъ Іоанникій и съ нимъ 40 человѣкъ братіи и нѣсколько *подданныхъ* черкасъ и основали ахтырскій монастырь, которому еще царь Алексѣй Михайловичъ отдалъ гору Ахтырь съ полями, лугами и рыбными ловлями, «яко впустѣ стоящую» [1]). На самой границѣ ахтырскаго полка, на правомъ берегу р. Ворскла, бѣжавшіе позже монахи корсунскаго монастыря основали монастырь скельскій, владѣвшій обширными угодьями и славившійся своими фруктовыми и виноградными садами [2]). Хорошевскій дѣвичій монастырь устроенъ въ 1654 г. на старомъ городищѣ, гдѣ еще въ XII в. была ярославовская церковь [3]). Въ концѣ XVII в. ему дана была грамота на пріемъ въ монастырскіе крѣпостные вольныхъ людей, изъявившихъ на такую зависимость свое желаніе [4]). Куряжскій Преображенскій монастырь въ срединѣ XVII в. на всемъ протяженіи рѣчки Куряжъ былъ единственнымъ заселеннымъ уголкомъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ непроходимыми лѣсами. Михайловская пустынь была намѣчена еще пустынникомъ, жившимъ здѣсь въ 1671 г., самый же монастырь основанъ нѣсколькими годами позже племянникомъ гетмана Самойловича Михаиломъ). Краснокутскій Петропавловскій монастырь основанъ полковникомъ Иваномъ Шпекомъ одновременно съ занятіемъ имъ земель по р. Мерлу. Вольновскій монастырь основанъ энергичнымъ монахомъ Антоніемъ, который усердно созывалъ иноковъ въ опасный край, гдѣ и основалъ названную обитель. Въ народѣ этотъ монастырь и до сихъ поръ называется «накликаннымъ». Зміевскій Николаевскій монастырь уже въ 1673 г. былъ настолько богатъ, что могъ на собственныя средства пріобрѣтать различныя угодья [5]). Въ 1702 г. владѣнія его были очень обширны. Чтобы

---

[1]) „Харьк. Сборн.“ 1887 г., стр. 81.

[2]) „Кіев. Стар.“ 1886 г., октябрь, стр. 392—398.

[3]) Истор.-стат. опис. харьков. епархіи, отд. I, стр. 104.

[4]) Д. И. Багалѣй. Матер. для ист. колон. и быта степн. окр. моск. гос., № 45.

[5]) Истор.-статист. описаніе харьк. епар. Отд. I, стр. 74, 253, 268, 275 и 289

судить о его культурной роли въ новозаселенномъ краѣ достаточно упомянуть, что онъ владѣлъ и кирпичнымъ заводомъ, и рыбнымъ дворомъ, и каменными погребами и домами, пивоварней, и мельницами, и сукновальнями, и просорушками, и сотнями пчелиныхъ ульевъ, и многими избами и домами [1]).

Приведенныхъ нами данныхъ изъ исторіи 15-ти монастырей вполнѣ достаточно, чтобы намѣтить нѣкоторыя стороны въ колонизаціонной роли монастырей Слободской Украйны. Дальнѣйшія изслѣдованія должны освѣтить еще не мало темныхъ сторонъ, но и сказанное выше можетъ послужить къ слѣдующимъ не безъинтереснымъ выводамъ.

1) Совершенно дикія и нежилыя мѣста, иногда далеко выдвигавшіяся за сторожевые пункты, давали нерѣдко пріютъ пустынникамъ, которые, сгруппировавъ около себя монашескія общины, строили монастыри, служившіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ центрами для первыхъ поселеній края.

2) Монастыри возникали и въ то время, когда новыя мѣста уже были облюбованы переселенцами.

3) Разъ избравъ мѣсто, монашествующая братія почти уже не разстается съ нимъ, крѣпко держась его даже въ тяжкія годины погромовъ и разореній.

4) Монастыри, независимо отъ времени основанія ихъ, постоянно старались пріобрѣтать земли и различныя угодья въ заселенныхъ уже мѣстахъ. Такія пріобрѣтенія служили, какъ убѣжища, на время татарскихъ набѣговъ, и какъ источники доходовъ.

5) Но еще больше имѣли монастыри угодій въ «дикомъ полѣ», гдѣ имъ предстояло насаждать земледѣльческую культуру. Такія угодья эксплуатировались разными способами: сѣнные покосы косились, степи распахивались, лѣсъ рубился на постройки и другія надобности; во многихъ мѣстахъ монашествующая братія пользовалась рыбными ловлями и бортными ухожьями. Монастыри заводили пасѣки, сады, огороды, хмѣльники, бахчи и т. п., содержали крупный и мелкій скотъ и нерѣдко вели хозяйство въ довольно обширныхъ размѣрахъ.

6) Въ такихъ незаселенныхъ мѣстахъ монастыри, какъ это видно изъ ихъ описей и грамотъ, строили сторожки, скиты, ча-

---

[1]) Багалѣй, Матеріалы и т. д., № 48.

совни и церкви, оживлявшія мѣстность и групировавшія вокругъ себя новыя поселенія.

7) Для промышленныхъ цѣлей служили устраиваемые монастырями пивоварни, винницы, известковые и кирпичные заводы, мельницы, сukновальни, просорушки, кузни и помѣщенія, отдаваемыя въ наемъ.

8) Монастыри привлекали на свои вотчины работниковъ, трудящихся для иноковъ изъ благочестивыхъ побужденій, принимали и устраивали бобылей и пріобрѣтали крѣпостныхъ крестьянъ. Не отягощая ихъ работой и поборами, монастыри увеличивали число новыхъ починковъ, хуторовъ и другихъ жилыхъ мѣстъ.

Разумѣется, относительно небольшое число самыхъ монастырей, не могло способствовать развитію ихъ колонизаціонной дѣятельности до очень большихъ размѣровъ. Но эта дѣятельность была все таки настолько замѣтна, что и московское правительство считало нужнымъ поощрять ее, и оно, какъ мы уже говорили, часто жаловало монастырямъ земли и государево жалованье, а также освобождало ихъ угодья отъ всякихъ платежей. Въ виду этого желательно было бы, чтобы колонизаціонная роль монастырей обратила на себя вниманіе людей науки и была разработана ими съ строго научной послѣдовательностью и полнотой.

Евгеній Максимовъ.

ЗАПИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО [1]).

Родился я ахтырскаго уѣзда въ селѣ Тростянцѣ отъ дьячка Вознесенской церкви Ивана Антоновича Ярославскаго. Въ дѣтствѣ сказывали мнѣ, что отецъ мой умеръ прежде моего рожденія. Помню, что я жилъ съ матерью своею Маріею Васильевною, рожденною въ городѣ Краснокутскѣ, въ нашемъ деревянномъ домѣ, стоявшемъ чрезъ улицу прямо противъ Вознесенской

---

1) Записки эти сообщены намъ дѣйств. членомъ и секретаремъ харьковскаго статистическаго комитета, П. С. Ефименкомъ, а имъ получены отъ харьковскаго протоіерея, члена того же комитета, о. Н. Лащенкова. Приносимъ имъ обоимъ нашу искреннюю благодарность за доставленіе намъ возможности помѣстить на страницахъ нашего изданія столь интересный историко-бытовый матеріалъ.

Авторъ помѣщаемыхъ записокъ В. И. Ярославскій родился, учился и первоначально служилъ въ харьковской губерніи, отъ того и первыя воспоминанія его посвящены этой мѣстности. Эта часть его записокъ была помѣщена въ „Литературно-научномъ приложеніи къ харьковскому календарю на 1887 г.“; другая, относящаяся къ новороссійскому краю и другимъ мѣстамъ, является здѣсь впервые. Обѣ части имѣютъ одинаковый исключительно историко-бытовый характеръ, что зависѣло отъ общественнаго и служебнаго положенія автора. Сынъ сельскаго дьячка, круглый притомъ сирота, онъ едва могъ получить кое-какое образованіе въ бывшемъ въ концѣ прошлаго столѣтія въ Харьковѣ казенномъ училищѣ, одномъ изъ тѣхъ, которыя явились у насъ подъ разными наименованіями вслѣдъ за учрежденіемъ намѣстничествъ и представляли странную амальгаму самыхъ разнородныхъ познаній. Окончивъ здѣсь курсъ въ 1797 г., В. И. Ярославскій поступилъ на службу въ харьковское губернское правленіе канцеляристомъ; за тѣмъ, считаясь на службѣ при полиціи въ городѣ Сумахъ, жилъ у разныхъ помѣщиковъ харьковской губерніи въ качествѣ учителя, землемѣра и архитектора; въ 1806 г. онъ попалъ на службу въ Петербургъ, гдѣ прослужилъ два года; въ 1808 г. былъ уже въ Херсонѣ губернскимъ архитекторомъ, въ 1817 г. тамъ же совѣтникомъ казенной палаты, въ 1821 г. совѣтникомъ таврическаго губернскаго правленія, откуда перешелъ на такую же должность въ Тулу. Дослужившись здѣсь пансіона и выйдя въ отставку въ 1833 г., Ярославскій поселился въ Сумахъ, гдѣ и жилъ до самой смерти, послѣдовавшей, если не ошибаемся въ 60-хъ годахъ.

церкви. Отъ случившагося пожара церковь эта сгорѣла, а съ нею сгорѣлъ и домъ нашъ вмѣстѣ съ сосѣдними домами. Пожаръ былъ такъ силенъ, что мать моя едва успѣла спасти сундукъ на колесахъ съ ея платьемъ.

Послѣ пожара мать моя перешла на житье въ господскій домъ, въ которомъ жилъ какой-то ея родственникъ, престарѣлый человѣкъ

Записки писаны Ярославскимъ по выходѣ изъ службы и являются воспоминаніями изъ его долгой и разнообразной жизни. Въ подлинникѣ они имѣютъ слѣдующее заглавіе: „Тайная исповѣдь о моей жизни и дѣлахъ и о лицахъ, съ которыми я имѣлъ связи и сношенія“. Сама по себѣ жизнь В. И. Ярославскаго не представляетъ особаго интереса, кромѣ развѣ частыхъ переходовъ его отъ одного мѣста и дѣла къ другому и того, какъ бѣднякъ, сирота прокладываетъ себѣ дорогу къ образованію и „счастью“, т. е. къ положенію лучшему того, какимъ судьба надѣлила его при рожденіи. Иное дѣло его „связи и сношенія“. Тутъ въ воспоминаніяхъ Ярославскаго, какъ въ калейдоскопѣ, выступаютъ и смѣняются одни другими лица самыхъ разнообразныхъ званій и положеній отъ дьячка и двороваго человѣка, до министра и вообще государственнаго сановника. И всѣ они являются не въ предвзятыхъ очертаніяхъ и характеристикахъ, но въ естественномъ теченіи жизни, въ служебныхъ и частныхъ ихъ дѣйствіяхъ, въ мельчайшихъ чертахъ ихъ будничной обстановки и быта. Въ этомъ отношеніи записки Ярославскаго имѣютъ большое сходсво съ помѣщенными у насъ раньше записками новогрудскаго подсудка XVI ст. Θеодора Евлашевскаго („Кіев. Стар.“ 1886 г., январь) и записками новооскольскаго дворянина И. Θ. Острожскаго-Лохвицкаго (тамъ же, №№ 2—5 и 10—12). Скудное первоначальное свое образованіе авторъ записокъ въ значительной степени восполнилъ чтеніемъ книгъ, которыя въ изобиліи находилъ въ домахъ богатыхъ помѣщиковъ, и продолжительнымъ пребываніемъ въ кругу образованныхъ людей. Встрѣча его здѣсь съ нѣкоторыми литераторами заохотила его съ юныхъ лѣтъ къ переводамъ съ иностранныхъ языковъ. Въ сороковыхъ годахъ В. И. Ярославскій занимался составленіемъ „Историческаго лексикона замѣчательныхъ мужей“ и готовился составить руководство по сельской архитектурѣ. Благодаря наблюдательности автора и его разнообразнымъ знакомствамъ и сношеніямъ, мы находимъ въ его запискахъ массу любопытныхъ свѣдѣній о такихъ лицахъ, которыя играли немаловажную роль во внутренней жизни различныхъ мѣстностей, преимущественно харьковскаго и новороссійскаго края, а его спеціальныя занятія архитектурою вводятъ насъ въ малоизвѣстную сферу сельскихъ помѣщичьихъ построекъ и отчасти самаго быта помѣщиковъ. Записки Ярославскаго не блещутъ изяществомъ изложенія, увлекательностію разсказа, живостію и полнотою картинъ, языкъ ихъ даже тяжелый и часто неправильный; но они преимуществуютъ предъ другими подобными памятниками въ точности и разнообразіи передаваемыхъ свѣдѣній. Въ частности то мѣсто ихъ, гдѣ авторъ говоритъ обстоятельно о знакомствѣ своемъ съ извѣстнымъ дѣятелемъ югозападнаго края М. И. Комбурлеемъ, въ значительной степени пополняетъ и исправляетъ тѣ отчасти пристрастныя свѣдѣнія о немъ, которыя содержатся въ запискахъ неизвѣстнаго о т. наз. „волынской революціи“, напечатанныхъ въ „Кіев. Старинѣ“ за 1884 годъ.

Ред.

съ женою старухою, по фамиліи, помнится, Лозинскій, бывшій прежде управителемъ всего имѣнія Надаржинскихъ и пользовавшійся ихъ уваженіемъ. Но вскорѣ этотъ родственникъ, котораго называли моимъ дѣдушкой, умеръ.

По смерти этого дѣдушки женѣ его вскорѣ отвели другой господскій домъ, въ который и мать моя перешла жить.

Зимой мать моя поѣхала въ Ахтырку на ярмарку, къ родной своей меньшей сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ, бывшей за мужемъ за дьячкомъ соборной церкви, гдѣ находится чудотворный образъ Богоматери. Этого моего дядю звали Діомидъ Петровичъ; онъ хорошо игралъ на гусляхъ и училъ церковныхъ пѣвчихъ. Тамъ мать моя услышала отъ пріѣзжихъ изъ Краснаго Кута на ярмарку, что мать ея, Дарья Осиповна, опасно больна горячкою; почему поѣхала къ ней, но такъ старательно и неусыпно смотрѣла за больною, что сама заболѣла еще сильнѣйшею горячкою и вскорѣ умерла. Помню, что когда весною получено было въ Тростянцѣ извѣстіе о ея смерти, то я, сидя надъ рѣчкою, горько плакалъ цѣлый день, хотѣлъ самъ умереть, а возвратясь въ домъ, не ѣвши цѣлый день съ горя, легъ спать. Такъ въ печали и частыхъ слезахъ прожилъ я съ бабушкой лѣто; а зимой ее обворовали, послѣ чего вскорѣ и она умерла. И такъ я, бывши пяти или шести лѣтъ, безъ всякой помощи, остался круглымъ сиротою; по этой причинѣ не помню ни дня моего рожденія, ни сколько мнѣ тогда настояще было лѣтъ. Родной братъ моего дѣдушки пріѣхалъ изъ Боромли, забралъ оставшееся движимое имущество и меня взялъ съ собою. Помню, что проѣзжая чрезъ село Радомль, я обѣдалъ за столомъ помѣщика, который былъ какой-то родственникъ этому дѣдушкѣ.

Въ Боромлѣ я жилъ въ самомъ горестномъ положеніи, спалъ всегда подъ коморою: отъ простуды или отъ горя все лѣто былъ боленъ лихорадкою. Бабушка была ко мнѣ не ласкова и какъ будто тяготилась иною, хотя не имѣла собственныхъ дѣтей; она требовала отъ своего мужа, чтообы онъ отвезъ меня обратно въ Тростянецъ и отдалъ какому нибудь родственнику. Этотъ дѣдушка привезъ меня туда въ Спасовку. Проѣзжая по улицамъ

Тростянца, съ горестію смотрѣлъ я на знакомыхъ моего дѣтства. Дѣдушка отдалъ меня какому-то дальнему родственнику, котораго меньшой братъ Мойсей вскорѣ, по его приказанію, отвезъ меня въ Ахтырку къ теткѣ моей Аннѣ Васильевнѣ. Домъ ея мужа былъ въ соборномъ приходѣ, прямо чрезъ улицу противъ большаго двора и длиннаго одноэтажнаго деревяннаго дома графа Подгоричани. Ниже этого дома былъ обширный садъ съ канавами, и я съ своими сверстниками нерѣдко ходилъ туда рвать яблоки. Помню, что я съ толпою народа ходилъ также смотрѣть, какъ отвозили на многихъ экипажахъ умершаго престарѣлаго этого графа, и что люди указывали и говорили: «смотрите, какъ эта молодая жена его горько плачетъ». Она отвезла его съ большою церемонію на погребеніе въ большое его село Пархомовку, которое, какъ послѣ я узналъ, было подарено ему за службу императрицею Елисаветою Петровною.

Мужъ моей тетки Діомидъ Петровичъ, по небреженію и нетрезвой жизни. лишился своего мѣста при соборной церкви и, имѣя одного сына и двухъ дочерей, по бѣдности своей затруднялся въ пропитаніи своего семейства. Хотя въ Ахтыркѣ, кажется, въ Покровской церкви былъ родной старшій братъ моего отца, протопопъ отецъ Иванъ Ярославскій, но, зная его гордость и суровый нравъ, дядя и тетка не смѣли просить его о принятіи меня, а предложили родственнику ихъ дьячку Николаевской церкви, котораго имени не припомню. У него не было дѣтей, и жена его была ко мнѣ весьма милостива. Я прожилъ у нихъ зиму. Помню, что выучивши какую-то виршу, на Рождество я ходилъ съ нимъ Христа славить, вывиршовалъ до 20 копѣекъ и считалъ себя богачемъ.

Передъ масляницей пріѣхалъ на ярмарку второй мужъ моей бабушки, Косма Снѣсаревскій, взялъ меня и привезъ въ Красный Кутъ. Бабушка меня очень любила; она отдала меня учиться дьячку Покровской церкви и какъ онъ далеко жилъ отъ дома бабушки Николаевскаго прихода, то она каждый день покупала для меня вязку бубликовъ, и я, не ходивши домой обѣдать, учился до вечера. Въ ученіи я былъ тупъ, безпонятенъ и мало внимате-

ленъ; помню, что однажды онъ больно меня высѣкъ. Лѣтомъ я хаживалъ по длинной плотинѣ купаться въ рѣкѣ Мерло, гдѣ было много гадинъ, жившихъ между хворостомъ. За рѣкой былъ весьма обширный сосновый лѣсъ, который принадлежалъ прежде къ большой казенной слободѣ Мурафѣ, а потомъ, какъ послѣ я узналъ, былъ подаренъ императрицею графу Подгоричани.

Въ Красномъ Кутѣ я прожилъ лѣто и зиму. Мужъ моей тетки Анны Васильевны, продавши или обмѣнявши свой домъ въ Ахтыркѣ, переѣхалъ на житье богодуховскаго уѣзда въ большое село Писаревку, гдѣ были двѣ деревянныя церкви и при одной онъ заводилъ пѣвчихъ. Зная, что я имѣлъ голосъ дисканта, онъ требовалъ отъ бабушки, чтобъ прислала меня въ Писаревку; по пріѣздѣ туда я и пѣлъ въ одной церкви. Тетушка, царство ей небесное, видя, что житье мое въ Писаревкѣ не послужитъ къ моему счастью, совѣтовала своему мужу лучше отвезть меня въ Харьковъ, гдѣ родной мой дядя, Петръ Антоновичъ Ярославскій, былъ губернскимъ архитекторомъ: онъ, говорила тетушка, можетъ вѣрнѣе устроить его счастіе.

По утру рано, въ самый Покровъ Пресвятыя Богородицы, я былъ имъ привезенъ въ Харьковъ и приведенъ въ домъ Петра Антоновича за Лопанью. Распрося обо мнѣ подробно, онъ велѣлъ оставить меня въ передней комнатѣ, а самъ поѣхалъ съ поздравленіемъ къ губернатору и въ церковь. Сидя долго одинъ въ комнатѣ, я соскучилъ; когда вышла горничная дѣвушка, то я обрадовался и просилъ ее провести меня отъ собакъ. Выйдя со двора, я старался дойти до каменнаго моста и отыскать на ярмаркѣ близъ Лопани возъ, гдѣ дядя мой остановился съ прочими людьми, пріѣхавшими изъ Писаревки. И какъ онъ тогожъ дня располагалъ выѣхать изъ Харькова, то, выругавши меня за то, что я не остался, отвелъ меня въ бывшее казенное училище, въ родѣ кадетскаго корпуса, и отдалъ меня родному старшему моему брату Ивану Ивановичу. Братъ мой, хотя и негдѣ было помѣстить меня, принялъ меня съ радостью и кормилъ меня приносимою имъ отъ общаго стола пищею; спалъ я съ нимъ на одной кровати до воскресенья. А въ воскресенье

онъ отвелъ меня къ дядѣ Петру Антоновичу, которому при разговорѣ объяснилъ, что объ опредѣленіи меня теперь въ классы нельзя сдѣлать представленія губернатору, но какъ регентъ поѣхалъ по губерніи набирать пѣвчихъ, то по привозѣ оныхъ и я могу быть вмѣстѣ съ ними опредѣленъ. Дядя велѣлъ мнѣ остаться въ его домѣ, но по тѣснотѣ онаго я жилъ въ кухнѣ. Почти каждый день ходилъ я въ классы учиться нотному пѣнію, а въ Рождественскій мясоѣдъ 1789 года совсѣмъ перешелъ въ классы, когда были привезены другіе пѣвчіе. И такъ, переходя отъ многихъ моихъ родственниковъ, которые тяготились содержать меня, наконецъ достигши надежнаго жилища, могущаго образовать меня и открыть мнѣ вѣрную дорогу къ счастію, я совершенно испыталъ на себѣ пословицу: «за сиротою Богъ съ калитою». Теперь вспоминая, сколько въ дѣтствѣ я нуждъ и горестей претерпѣлъ, ясно вижу, что безъ всеблагаго Божія Промысла я не могъ бы перенесть всего и остаться живымъ.

Помню, что передъ масляной 1789 года, въ ужасную мятель, пріѣхалъ въ Харьковъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій, проѣздомъ въ Петербургъ, и остановился у губернатора Θеодора Ивановича Кишинскаго, который жилъ во дворцѣ, построенномъ еще до 1787 года, ко времени путешествія императрицы Екатерины II на обратномъ пути изъ Крыма; тамъ наши пѣвчіе и музыканты встрѣчали его хоромъ. Теперь въ этомъ дворцѣ помѣщается университетъ. Къ этому дворцу тогда пристроена была обширная деревянная зала въ два этажа; потолокъ ея поддерживался вокругъ внутри всей залы столбами, между которыми находились хоры, а самая зала соединялась съ дворцомъ галлереею. Помню, разсказывали много, что, во время пребыванія въ Харьковѣ императрицы, она угощала въ этой залѣ харьковскихъ дворянъ обѣденнымъ столомъ, сама же находилась на хорахъ и смотрѣла на нихъ. Вѣроятно, въ этой же залѣ она слушала рѣчь, сказанную ей отъ лица всего дворянства бывшимъ тогда губернскимъ предводителемъ дворянства Григоріемъ Романовичемъ Шидловскимъ, награжденнымъ при этомъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Всѣ губернскіе чиновники

получили награды, и мой дядя получилъ отъ нея въ подарокъ перстень. Первыя дамы города Харькова подносили ей свои рукодѣлія, и эта милостивая государыня также удостоила ихъ наградъ. Въ 1791 году губернаторъ Кишинскій велѣлъ моему дядѣ устроить въ этой деревянной залѣ театръ, по устроеніи котораго два раза въ недѣлю бывали представленія для увеселенія харьковской публики; а въ 1797 году эта зала при губернаторѣ Тепловѣ разобрана, и съ тѣхъ поръ театральныя представленія въ Харьковѣ вовсе уже не бывали.

Теперь обращаюсь къ разсказу о моемъ пребываніи въ казенномъ училищѣ. По утру я занимался пѣніемъ и только послѣ обѣда могъ заниматься изученіемъ наукъ. Отъ природной наклонности моей къ задумчивости и размышленію я былъ невнимателенъ и непонятливъ, а отъ этого каждая наука стоила мнѣ не малаго труда и времени. Понятіе во мнѣ и разсудокъ поздно открылись; но я всегда твердо помнилъ, что въ моемъ сиротскомъ и бѣдномъ состояніи не на кого мнѣ надѣяться, и отъ того былъ всегда прилеженъ къ наукамъ. Напротивъ того братъ мой Иванъ Ивановичъ имѣлъ отъ природы счастливую память: бывало, прочитаетъ нѣсколько разъ въ вечеру и какъ-бы ни длиненъ былъ урокъ, изъ французскаго языка или какой науки, онъ и поутру твердо помнилъ его; но за то, не въ осужденіе, а по правдѣ говоря, онъ былъ лѣнивъ къ наукамъ и не кончилъ полнаго ихъ курса; болѣе занимался пѣніемъ, а послѣ игрою на флейтраверсѣ, въ театрѣ, гдѣ каждый разъ платили музыкантамъ; этимъ самымъ и отвлекли его отъ наукъ. Въ 1793 году онъ вышелъ изъ училища, чтобъ быть учителемъ народнаго училища въ Лебединѣ; тамъ онъ вовсе оставилъ французскій языкъ и забылъ его. А я могъ начать учиться этому языку только по потерѣ голоса, въ 1794 году. Помню, что учитель Дмитріевъ, у котораго я учился исторія и географіи, сказалъ мнѣ: «учись прилежнѣе этому языку; хотя и поздно началъ учиться ему, онъ будетъ тебѣ полезенъ».

Желая отблагодарить теткѣ Аннѣ Васильевнѣ за ея попеченіе о моемъ сиротствѣ, я писалъ, чтобы она прислала въ Харьковъ

своего сына для опредѣленія въ училище. Она сама его привезла, и по просьбѣ моей директоръ Густавъ Борисовичъ Буксгевденъ опредѣлилъ его. Но этому баловню не понравились ни пища, ни строгость содержанія, и онъ вскорѣ тайно ушелъ въ Писаревку. Итакъ, я ничѣмъ не отблагодарилъ теткѣ и доселѣ остаюсь ея и ея матери Дарьи Петровны должникомъ.

Въ 1795 году, по желанію директора училища и по указанію нашего учителя фортификаціи и артиллеріи, Ивана Николаевича Николаева, всѣ казенные воспитанники строили подъ Холодною Горою крѣпость, рыли шанцы для подступленія къ ней. И какъ мы носили мундиры, имѣли тесаки и ружья, и насъ учили военной экзерциціи, а лучшіе изъ учениковъ каждый день ходили къ губернатору на ординарцы, то мы маршировали правильно чрезъ городъ къ Холодной Горѣ для взятія той крѣпости. Многочисленныя толпы гражданъ слѣдовали за нами и присутствовали при взятіи крѣпости до самыхъ сумерокъ. При этомъ случилось однажды такое несчастіе: изъ числа моихъ соучениковъ Степанъ Черпышевъ стоялъ съ банникомъ, а братъ его Борисъ, не сказавъ ему, чтобъ посторонился, выстрѣлилъ изъ пушки, отъ чего Степану опалило лице порохомъ, такъ, что едва чрезъ нѣсколько недѣль уничтожились на лицѣ порошины посредствомъ примазыванія сметаною. Я, стоя во все время близъ пушки и подавая снаряды, оглохъ было также на нѣсколько недѣль.

Не помню, въ этомъ ли годѣ или прежде случилось, что опредѣленный прежде въ училище по повелѣнію губернатора, единственно изъ сожалѣнія, изъ числа взятыхъ въ Липцахъ духоборцевъ мальчикъ, по прозванію Логвинъ, былъ отпущенъ экономомъ на вакаціонное время въ домъ его родственниковъ, въ надеждѣ, что, какъ онъ выучилъ уже катехизисъ, то оставилъ ересь своихъ родителей и непремѣнно возвратится въ училище. Но эта надежда не сбылась: Логвинъ не явился на срокъ; а гораздо послѣ, услыша, что онъ въ острогѣ, нѣкоторые ученики ходили къ нему и упрекали его въ сдѣланной глупости, послѣ того, какъ онъ самъ въ разговорахъ неоднократно издѣвался надъ

своими земляками въ слѣпомъ ихъ заблужденіи. «Что жъ», отвѣчалъ онъ, «я притворствовалъ съ вами; отецъ мой и братъ сосланы за вѣру, и я хочу жить вмѣстѣ съ ними». Вотъ какъ сильно вкоренилось въ невѣжественныхъ умахъ черни суевѣріе и какъ трудно его истребить! И теперь въ таврической губерніи при Молочныхъ Водахъ находятся обширныя селенія духоборцевъ, гдѣ нѣтъ ни церквей, ни священниковъ, а хитрѣйшіе между ними и грамотные сами отпрявляютъ духовныя должности и поддерживаютъ ихъ ересь.

Лѣтомъ 1796 года пріѣхалъ въ Харьковъ вновь назначенный на эту и воронежскую губерніи генералъ-губернаторъ, генералъ-поручикъ, Андрей Яковлевичъ Леванидовъ; съ нимъ пріѣхалъ регентъ Ведель, славный композиторъ, капельмейстеръ Цихе и нѣсколько пѣвчихъ, въ числѣ которыхъ былъ Петръ Турчениновъ (бывшій потомъ въ С.-Петербургѣ протоіереемъ при больницѣ бѣдныхъ на Литейной, сочинитель трехголоснаго пѣнія каноновъ). Господинъ генералъ-губернаторъ захотѣлъ вымостить улицы Харькова, по неимѣнію вблизи дикаго камня, хотя фашинникомъ и какъ на этотъ предметъ не было въ думѣ денегъ, то велѣлъ обложить жителей соразмѣрно числу квадратныхъ саженей занимаемыхъ ими дворовъ[1]. При этомъ я и прочіе старшіе ученики были посылаемы для измѣренія дворовъ. Губернскій землемѣръ и директоръ классовъ Г. Б. Буксгевденъ объявилъ, что онъ не можетъ заплатить за свой обширный дворъ и садъ за Лопанью въ Дмитріевскомъ приходѣ, основываясь на указѣ, что безъ высочайшей власти никто не въ правѣ налагать налоги. Генералъ-губернаторъ сначала велѣлъ подать ему въ отставку отъ должности губернскаго землемѣра, причемъ на мѣсто его былъ опредѣленъ харьковскій уѣздный землемѣръ Николай Даниловичъ Драгомиръ; но не довольствуясь и тѣмъ, сталъ взыскивать съ Буксгевдена и по училищу. Буксгевденъ отъ печали заболѣлъ и

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ находятся въ статьѣ И. А. Устинова: „Харьковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія“. Харьк. Календ. на 1886 г. стр. 85.—П. Е.

вскорѣ умеръ, а на его мѣсто опредѣленъ былъ директоромъ Ѳеодоръ Ивановичъ Кудрицкій, бывшій его коадьюторомъ. Въ нижнемъ этажѣ дворца учреждена была чертежная, куда собирались каждый день всѣ уѣздные землемѣры и губернскій архитекторъ; я и еще четыре старшихъ ученика были прикомандированы для помощи въ эту чертежную. Помню, что въ это-то время пріѣхалъ изъ Сумъ купецъ Бочаровъ и просилъ у дяди моего Петра Антоновича планъ на николаевскую церковь; по назначенію дяди я сдѣлалъ на-бѣло планъ, по которому и теперь осталась въ натурѣ та же колокольня, какая была назначена по сдѣланному мною плану.

Г. Леванидовъ надѣялся надолго остаться въ своей должности; но 6 ноября того жъ 96 года скончалась императрица Екатерина, и счастіе его совсѣмъ измѣнилось: сначала былъ уничтоженъ пятитысячный корпусъ стрѣлковъ въ кіевской губерніи, командуемый имъ, а потомъ и его генералъ-губернаторство. Но всему своему несчастію, какъ и по большей части съ людьми случается, онъ самъ былъ причиною. Императоръ Павелъ, бывши наслѣдникомъ престола, любилъ его и считалъ преданнымъ себѣ; но Леванидовъ, оставя его, приласкался къ фавориту Зубову и чрезъ него получилъ знатное имѣніе, принадлежавшее волынскому бискупу и генералъ-губернаторство; а еще большую онъ сдѣлалъ ошибку, что при отъѣздѣ изъ Петербурга не поѣхалъ въ Гатчино проститься съ наслѣдникомъ престола, которому лично могъ бы о всемъ объясниться и просить у него прощенія. Но онъ наплевалъ въ колодезь, изъ котораго самому потомъ приходилось, да не пришлось уже пить воду. Въ то же время на мѣсто губернатора Кишинскаго, бывшаго подъ покровительствомъ князя Потемкина, опредѣленъ въ Харьковъ дѣйств. статскій совѣтникъ Алексѣй Григорьевичъ Тепловъ, нѣкогда путешествовавшій съ наслѣдникомъ престола по Европѣ.

Въ 1797 году генералъ прокуроръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ прислалъ этому губернатору высочайшее повелѣніе о составленіи атласа слободско-украинской губерніи съ подробными камеральными, экономическими и статистическими

описаніями всѣхъ городовъ, селъ и деревень съ ихъ заведеніями [1]). Въ отдѣлкѣ этого атласа вмѣстѣ съ землемѣрами участвовалъ и я съ четырьмя моими старшими соучениками.

14-го декабря этого 1797 года я былъ вовсе изъ училища уволенъ и того жъ числа причисленъ въ губернское правленіе съ произведеніемъ канцеляристомъ. По докладу князя Куракина землемѣры пожалованы были двойными чинами, потому что слѣдующіе они заслужили, а я съ своими сотоварищами за участіе въ дѣланіи атласа произведенъ по именному указу 1798 года апрѣля 28-го коллежскимъ регистраторомъ.

Лѣтомъ этого года пріѣзжалъ я въ городъ Сумы съ землемѣромъ Алексѣемъ Михайловичемъ Резановымъ, гдѣ дѣлалъ планъ для построенія зданія полиціи, на мѣстѣ котораго впослѣдствіи, въ 1835 г., увидѣлъ каменный двухъ-этажный домъ уѣзднаго училища. Здѣсь я часто бывалъ у городничаго Ивана Ѳедоровича Богдановича, который меня полюбилъ и давалъ для прочтенія мнѣ книги. По возвращеніи я былъ прикомандированъ въ канцелярію губернатора Ал. Гр. Теплова. Этотъ губернаторъ за что-то не поладилъ съ вице-губернаторомъ Григоріемъ Романовичемъ Шидловскимъ и, по донесенію послѣдняго о злоупотребленіяхъ казенной палаты, онъ и всѣ члены были удалены отъ должностей. При переводѣ Теплова губернаторомъ въ кіевскую губернію, я получилъ отъ него хорошій аттестатъ, весьма послужившій мнѣ въ пользу при опредѣленіи меня въ 1806 году въ государственный адмиралтейскій департаментъ.

Ив. Ѳед. Богдановичъ [2]) приглашалъ меня письмомъ для обученія его сына Ѳеодора, воспитывавшагося у генеральши Парасковьи Михайловны Штеричевой въ Басахъ, предлагая мнѣ

---

[1]) Объ этомъ атласѣ см. замѣтку въ научномъ отдѣлѣ харьк. календаря на 1886 г., стр. 147.—П. Е.

[2]) Иванъ Ѳедоровичъ Богдановичъ, городничій города Сумъ, былъ родной братъ извѣстнаго стихотворца Ипполита Богдановича. Самъ Иванъ Ѳедоровичъ написалъ и издалъ слѣд. книги: „О воспитаніи юношества", М. 1807 г., „Слово, похвальное царю Іоанну Васильевичу IV". М. 1809 г. и „Россійская грамматика въ пользу поляковъ". Вильно. 1809 г.—П. Е.

жалованья въ годъ по 200 рублей ассигнаціями; на что я весьма охотно согласился, тѣмъ болѣе, что до того времени изъ губернскаго правленія я вовсе его не получалъ. При докладѣ о семъ Н. Д. Драгомира губернатору Петру Өедоровичу Сабурову, онъ сказалъ: «зачѣмъ молодому человѣку терять службу?» и далъ предложеніе о переводѣ меня въ сумскую градскую полицію, 1799 года апрѣля 6. Помню, что ѣхалъ я въ Сумы во время половодья съ почталіономъ, которому губернскій почтмейстеръ, по просьбѣ моего дяди Петра Антоновича, велѣлъ привезть меня туда. Въ то время было получено строжайшее именное повелѣніе отнюдь не брать сѣдоковъ почталіонамъ, везущимъ почту, данное по случаю потери почты во владимірской губерніи почталіономъ, который взялъ сѣдока; но у меня тогда и на хлѣбъ не доставало денегъ, а потому безъ сего случая я не могъ бы и пріѣхать въ Сумы. По пріѣздѣ въ Ахтырку, пока почтмейстеръ разбиралъ почту, я пошелъ къ дядѣ отцу протоіерею Ивану Антоновичу Ярославскому; но онъ весьма сухо меня принялъ, между тѣмъ сынъ его Петръ, бывши учителемъ въ Сумахъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, взялъ у меня астролябію и не возвратилъ ее. Также по счастію случилось, что я, пріѣхавши въ Басы на святой недѣлѣ, засталъ еще тамъ Александра Александровича Палицына [1]) съ женою его Авдотьею Александровною. Онъ, узнавши, что я родной племянникъ губернскаго архитектора и занимаюсь архитектурою, просилъ Прасковью Михайловну непремѣнно отпускать меня къ нему въ Поповку каждый мѣсяцъ, на что она и дала ему обѣщаніе. Въ первый мой пріѣздъ я засталъ его сильно страдающаго болью головы отъ геморроидовъ. Слыша тяжкіе и мучитель-

---

[1]) А. А. Палицынъ, съ которымъ авторъ воспоминаній былъ хорошо знакомъ и о которомъ много сообщаетъ, по словамъ В. Н. Каразина, „имѣлъ вкусъ въ архитектурѣ, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ и множество селъ зданіями. Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, къ лучшему расположенію домовъ, украшенію ихъ приличными мебелями, къ заведенію библіотекъ. Ему обязаны мы большею частію началами европейскаго быта на Украйнѣ". Украин. Стар. Г. П. Данилевскаго, стр. 129.—П. Е.

ные стоны его, я прослезился. Послѣ, спустя долгое время, жена его Авдотья Александровна припомнила мнѣ, что слезное мое участіе въ болѣзни ея мужа заставило его съ того времени полюбить меня.

Въ то время разсказывали про ужасный случай, происшедшій въ 99 году въ Харьковѣ. Пономарь вознесенской церкви, рано по утру подойдя къ ней для звона къ заутрени, увидѣлъ на дверяхъ приклеенную исписанную бумагу; онъ тотчасъ далъ знать протоіерею отцу Василію Фотіеву, который прежде былъ моимъ учителемъ риторики. Отецъ Василій, прочтя эту бумагу, увидѣлъ, что это пасквиль почти на всѣхъ губернскихъ чиновниковъ (предъ каждымъ присутственнымъ мѣстомъ сказано было: пиши Г., что значило висѣлицу, а тогда, по повелѣнію Государя, вездѣ разставлены были висѣлицы для бѣжавшаго съ ротою за границу какого-то капитана, чтобы въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ будетъ пойманъ, и новѣсить его и солдатъ), и какъ въ немъ былъ расхваленъ Костюшка, предводитель польскаго возмущенія, а управленія государя Павла съ невыгодной стороны описаны, то отецъ Василій и побоялся изорвать эту бранную бумагу, чтобы въ случаѣ отъ кого-либо доноса не имѣть непріятностей, а представилъ ее губернатору Сабурову. Еслибъ губернаторъ исполнилъ именной указъ императрицы Екатерины, повелѣвавшій палачу всѣ подметныя безъименныя письма и пасквили сжечь подъ висѣлицею, то тѣмъ бы это дѣло и кончилось, и другаго пасквиля, достовѣрно, не было бы. Но онъ, отославъ эту бранную бумагу при рапортѣ государю, думалъ показать государю тѣмъ свою подданническую преданность. Она была худо принята, и Сабуровъ въ то же время былъ удаленъ отъ должности. Но этимъ непріятность въ городѣ по предмету пасквиля не кончилась: государь прислалъ генерала Бердяева для строжайшаго изслѣдованія. Разныя лица, на которыхъ падало хоть малѣйшее подозрѣніе, были допрашиваемы; особенно, какъ говорили, пострадалъ при допросахъ невинно отецъ Василій Фотіевъ; Лохвицкій же, изъ семинаристовъ, былъ посланъ въ Сибирь. По замѣчанію многихъ, онъ былъ составителемъ этого пасквиля,

вмѣстѣ съ горбатымъ графомъ Михайломъ Подгоричани, любившимъ надъ всѣми издѣваться; но Лохвицкій, видно, умолчалъ о немъ; самъ же возвращенъ оттуда уже въ царствованіе императора Александра. Говорятъ, что тогда въ Харьковѣ одинъ другого боялись: даже родные опасались посѣщать другъ друга. Въ то же время еще большій на всѣхъ навело ужасъ, когда поручикъ чугуевскаго полка Артюховъ былъ высѣченъ кнутомъ: подумали, что такимъ тѣлеснымъ наказаніемъ дворянская грамота вовсе государемъ уничтожена; но это случилось отъ его ошибки въ подписи конфирмаціи: «быть по сему» противъ того мѣста, гдѣ тѣлесное наказаніе полагается простолюдинамъ, а не тамъ, гдѣ былъ подведенъ законъ, что дворяне освобождаются отъ тѣлеснаго наказанія. Такъ его боялись, что генералъ-аудиторъ не смѣлъ доложить, какъ слѣдовало исполнить его конфирмацію[1]).

Живя въ Басахъ, въ тѣ годы пріятно было прохаживаться въ городъ Сумы: плотины съ обѣихъ сторонъ осѣнены были вербами, по лугамъ росли цвѣты: ландышъ, незабудка и другіе; рѣка Пселъ текла гораздо шире теперешняго подлѣ города; за нею вовсе не было жилищъ и огорожъ, обратившихъ главное ея теченіе подлѣ пришиба, ни бань надъ Сумкою. Тогда простолюдины были учтивѣе и почтительнѣе нынѣшняго: предъ старшими и сколько-нибудь лучше одѣтыми снимали шапки и кланялись, а молодые люди не ходили такъ, какъ теперь, взявшись за руки и идя сами по сухому пути, а другихъ принуждая идти по грязи или позади себя.

Прасковья Михайловна Штеричева была весьма набожная, основательнаго ума дама и примѣрная хозяйка. По смерти своего мужа генералъ-маіора Штерича, она, уступивъ пасынку своему слѣдуемую ей седмую часть недвижимаго имѣнія въ екатеринославской губерніи за 40,000 рублей ассигнаціями, пріѣхала въ Басы, доставшіеся ей по раздѣлу съ братьями Донецъ-Захаржевскими. Здѣсь, по плану Палицына, построила каменный домъ, существующій и теперь, но только въ запустѣніи.

---

1) Объ этихъ событіяхъ см. также „Рус. Старину“ 1876 г., кн. 5.—П. Е.

Въ верхнемъ этажѣ, вмѣсто назначенныхъ по плану комнатъ, съ разрѣшенія святѣйшаго синода она устроила домовую церковь, чтобы крестьяне ея не затруднялись ходить въ городъ для выполненія духовныхъ требъ. Также были построены два каменныхъ флигеля, оранжерея; дворъ огражденъ рѣшеткою и всѣ деревянныя службы на заднемъ дворѣ; заведены близъ дома обширный цвѣтникъ и фруктовый садъ, мѣсто котораго теперь занимаютъ дикія деревья. Во время житья моего въ Басахъ; тамъ жили: наемный священникъ, почтеннѣйшій старикъ, котораго нерѣдко заставалъ я читающаго правило или духовныя бесѣды, изданныя при синодѣ, также регентъ, учившій домашнихъ пѣвчихъ. Парасковья Михайловна непремѣнно каждый день бывала у заутрени, потомъ молилась Богу, выслушивала обѣдню, послѣ которой пила уже чай, а въ вечеру бывала у вечерни, толковала съ священникомъ о разныхъ текстахъ евангелія и посланій апостольскихъ. Нерѣдко заставляла она меня читать Бюффонову натуральную исторію и созерцаніе природы Боннета вooобще она любила читать основательныя книги. Послѣ вечерняго чая выходила въ садъ, выслушивала донесенія прикащика и атамана о сдѣланныхъ работахъ и давала имъ приказанія о хозяйственныхъ подѣлкахъ на слѣдующій день. Такимъ строгимъ порядкомъ имѣніе ея было благоустроено; мельницы ея были тогда лучшія въ окрестности; было обширное пчеловодство въ Басахъ и въ Штеповкѣ; въ послѣднюю она ѣздила каждый годъ, и меня съ собою брала, для личнаго ея присутствія при битьѣ пчелъ и осмотра собраннаго хлѣба. Имѣя большія по тогдашнему времени деньги, она давала ихъ въ заемъ Марку Медвѣдеву и другимъ надежнымъ купцамъ, а первому уступила въ городѣ фруктовый садъ, гдѣ теперь находится домъ Псарева. Я строилъ, по плану А. А. Палицына, въ саду, въ видѣ бесѣдки, колоколенку на каменныхъ столбахъ (которая, къ удивленію моему, и теперь еще въ цѣлости существуетъ: вѣроятно отъ того, что въ столбы вставлены были желѣзные штыри, связанные вверху и внизу, а притомъ и кирпичъ для нихъ былъ дѣланъ по кружалу жженный, а не наливной), а также чертилъ на

бѣло планъ, по прожекту А. А., для построенія въ Штеповкѣ пяти-купольной круглой церкви, въ которой каменный главный сводъ между стѣнами сведенъ на 6 саженяхъ. Построеніе этой церкви стоитъ Прасковьѣ Михайловнѣ, вѣроятно, болѣе 40 тысячъ ассигнаціями.

Я училъ въ Басахъ русской грамотѣ и писанію, священной исторіи и ариѳметикѣ не только сына Ивана Ѳедоровича Богдановича, но еще Надежду Андреевну, дочь Андрея Михайловича Донецъ-Захаржевскаго, также сына лѣкаря Грудницкаго, имѣвшаго домъ, аптеку и обширный садъ, гдѣ теперь живетъ уѣздный лѣкарь Бѣлицкій. Лѣтомъ 1801 года Прасковья М. ѣздила въ Константиновку, лежащую близь Хорошевскаго монастыря, къ брату своему Андрею М., и я туда ѣздилъ съ нею. Мы ѣхали чрезъ с. Старое и останавливались у вдовы Кондратьевой, имѣвшей 4 сыновъ и троихъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ дочерей. Потомъ были въ Никитовкѣ у вдовы Коновницыной, которой мужъ въ царствованіе Екатерины былъ губернаторомъ въ С.-Петербургѣ. Онъ построилъ въ своемъ селѣ Каплуновкѣ (гдѣ находится чудотворный образъ Матери Божіей) огромную пяти-купольную церковь, точно такой величины, какая была построена, по плану придворнаго архитектора англичанина Камерона, въ гор. Софіи близь Царскаго Села; въ этой-то церкви служилъ извѣстный протоіерей отецъ Андрей Самборскій. Сынъ Коновницына Петръ Петровичъ былъ генералъ-маіоръ и жилъ тогда въ отставкѣ; онъ имѣлъ обширную библіотеку, въ которой я спалъ и имѣлъ честь долго съ нимъ бесѣдовать. Онъ отплатилъ визитъ Прасковьѣ Михайловнѣ, пріѣзжалъ въ Басы, и я имѣлъ случай долго бесѣдовать, какъ съ человѣкомъ высшаго образованія. Потомъ онъ опять вступилъ въ службу: въ знаменитую компанію 1812 года при фельдмаршалѣ Кутузовѣ былъ начальникомъ штаба, а послѣ военнымъ министромъ.—При насъ въ Тростянцѣ Настасія Николаевна Надаржинская носила монашеское платье. Помню, что при служеніи большой панихиды надъ гробомъ ея мужа Алексѣя Филиппыча, старшаго Надаржинскаго, гдѣ поставленъ ею былъ въ церковной оградѣ мра-

морный монументъ, она горько плакала. Я, глядя на ея прекрасное и кроткое лицо, подумалъ: «вотъ какъ она горячо любитъ покойнаго своего мужа» и самъ заплакалъ, вспомнивъ, что въ дѣтствѣ моемъ я видывалъ его въ церкви. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ,—безъ осужденія, а по правдѣ сказать,—къ немалому удивленію моему, я видѣлъ ее въ объятіяхъ даже родственника и въ обыкновенномъ платьѣ.—Далѣе ѣхали мы мимо Каменки, владѣнія Надаржинскихъ, гдѣ на высокой горѣ построена по плану А. А. Палицына каменная превосходная церковь, которая видна, ѣдучи даже по дорогѣ изъ Ахтырки въ Богодуховъ; потомъ ѣхали чрезъ Янковъ Рогъ, взятый Настасьею Николаевною въ выдѣлъ ей седьмой части изъ имѣнія Надаржинскихъ; здѣсь построены на Ворсклѣ превосходныя механическія мельницы, поднимаемыя во время полноводья. Ночевали мы въ селѣ Старыя Рябины Варлама Ильича Гаршева, женатаго на дочери бѣловодскаго Савича (ученицѣ учителя Любима Ивановича, жившаго со мною въ Басахъ, а потомъ въ Рябинахъ и тамъ умершаго). Прожили нѣсколько дней въ Старыхъ Водолагахъ, имѣніи генерала Дунина: жена его была родная сестра жены Ан. М. Захаржевской, дочери Норова, бывшаго давно въ Харьковѣ губернаторомъ и владѣвшаго сельцомъ Григоровкою на Холодной горѣ близъ Харькова. Помню, что дочь Дуниной была именинница, подносили за обѣдомъ шампанское для питья за ея здоровье, а я не взялъ бокала, потому что еще вовсе не пилъ ни вина, ни водки. Г. Дунина сказала: какъ можно не пить за здоровье? Вѣрно она почла меня сущимъ невѣжею. Г. Дунина достигла глубокой старости; при похоронахъ ея говорилъ надъ гробомъ слово арх. Филаретъ, какъ видно изъ его сочиненій.—Въ Константиновкѣ мы прожили съ мѣсяцъ и возвратились въ Басы почти по той же дорогѣ, на которой намъ уже не случалось ничего особеннаго, кромѣ того, что были въ Никитовкѣ у вдовы Коновницыной.

Вскорѣ по возвращеніи, мнѣ, признаться, какъ молодому человѣку, ищущему большей свободы и извѣстности, наскучило жить по монастырски, и притомъ, чувствуя себѣ цѣну, я все

стремился къ чему-то высшему; поэтому я просилъ уволить меня и Иванъ ѲедоровичъБогдановичъ согласился, такъ какъ оставался еще учитель французскаго языка Любимъ Ивановичъ. Онъ былъ большой мастеръ въ разведенiи хорошихъ дынь и арбузовъ, цвѣты которыхъ иногда толковалъ, указывая мнѣ мужскiе и женскiе роды.

Ѣдучи въ Харьковъ, по внушенiю благаго Промысла, я разсудилъ заѣхать въ Поповку, чтобы проститься съ А. А. Палицынымъ. Онъ удержалъ меня на нѣсколько дней, пока жена, предобрая старушка, дошила записную книжку мнѣ на память. Она была бóльшая мастерица вышивать шелками не только цвѣты, но цѣлые ландшафты и картины. Одну изъ нихъ выпросилъ у нея извѣстный Василiй Назарьевичъ Каразинъ для поднесенiя императрицѣ Марiи Ѳеодоровнѣ, какъ любительницѣ такихъ картинъ (вѣроятно, въ то время, какъ онъ, Каразинъ, затѣялъ ходатайствовать о признанiи дѣвицы законною дочерью Надаржи́нскихъ). А. А. Палицынъ спросилъ меня, къ какой должности имѣю я надежду опредѣлиться. Я отвѣчалъ, что не имѣю никакой вѣрной надежды, а какая мнѣ встрѣтится. Онъ совѣтовалъ мнѣ искать мѣста у стараго его друга Григорiя Романовича Шидловскаго [1]) и написалъ къ нему рекомендательное о мнѣ письмо. Шидловскiй жилъ въ Мерчикѣ и рѣдко прiѣзжалъ въ Харьковъ. По прiѣздѣ туда я вручилъ ему письмо и объявилъ, что хотѣлъ бы заниматься въ его имѣнiи по части архитектуры и землемѣрства, какъ занимался прежде бывшiй уѣздный землемѣръ Максимъ Драгомиръ, меньшой братъ губернскаго землемѣра Драгомира. Шидловскiй отвѣчалъ, что ему не нуженъ архитекторъ, а нуженъ для меньшаго его сына учитель. Соглашаясь принять и эту должность, я запросилъ въ годъ жалованья 400 руб. ассигнацiями, а онъ давалъ мнѣ 300. Въ другой разъ, пришедши къ нему, я засталъ у него моего дядюшку Петра Антоновича съ планами; видя ласковое его со мною обхожденiе, Шидловскiй согласился на запрошенную мною цѣну.

[1]) Первый губернскiй предводитель дворянства слободско-украинской губернiи.—П. Е.

И такъ, 4 декабря 1801 года, въ день великомученицы Варвары, увидѣлъ я въ Мерчикѣ Варвару Романовну Подгоричани, которую видѣлъ еще въ дѣтствѣ въ Ахтыркѣ рыдающею надъ мертвымъ мужемъ. Она всегда была ко мнѣ ласкова, любила со мною бесѣдовать и распрашивать о жизни Штеричевой и Палицына и о другихъ лицахъ и дѣлахъ. Тамъ засталъ я еще учителя французскаго языка Ивана Филиппыча Вернета, того самаго, который вызванъ былъ въ Россію нашимъ знаменитымъ героемъ Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ для иностранной корреспонденціи и чтенія ему исторій о славнѣйшихъ герояхъ, древнихъ и новыхъ. Вернетъ имѣлъ необыкновенную память и умѣлъ ее сохранять: бывало, понравится что-либо прочитанное имъ, сейчасъ пойдетъ по нѣсколько разъ разсказывать тѣми же словами встрѣчному и поперечному. Это тотъ самый Вернетъ, о которомъ упоминаетъ архіепископъ Филаретъ въ описаніи харьковской губерніи, что онъ прохаживалъ за нѣсколько верстъ въ городъ Валки для бесѣдъ съ славнымъ протоіереемъ Снѣсаревымъ. Письма Вернета, писанныя къ разнымъ лицамъ, были печатаемы въ харьковскомъ журналѣ, помнится, подъ названіемъ «Молодикъ». Онъ вскорѣ выѣхалъ изъ Мерчика, собравши значительную сумму денегъ, что и мнѣ совѣтовалъ, какъ необходимое средство для спокойнаго житья въ мірѣ [1])... Я написалъ контрактъ съ подрядчикомъ Добрынинымъ, который брался строить каменную церковь въ Пархомовкѣ для графини В. Р. Подгоричани. Сынъ Гр. Р. Шидловскаго Ѳеодоръ почти не умѣлъ по русски читать и писать, не зналъ ни одной молитвы, и мнѣ надобно было пріучать его Богу молиться, что однакожъ онъ безпрекословно всегда исполнялъ; а послѣ того я училъ его священной исторіи, ариѳметикѣ и рисованію.

Вскорѣ поѣхали мы къ Хрущову въ Рясное, куда прежде былъ выписанъ изъ Москвы извѣстный сочинитель и при томъ стихотворецъ маіоръ Сергѣй Николаевичъ Глинка. Онъ не имѣлъ

---

[1]) И. Ф. Вернетъ участвовалъ въ харьковскомъ журналѣ „Украинскій Вѣстникъ", издававшемся съ 1816—1818 г. Біографія Вернета помѣщена въ „Современникѣ" за 1847 г., кн. 1-я.—П. Е.

никакой основательной системы обученія. Все ученіе его состояло для старшихъ двухъ сыновей Александра и Петра только въ чтеніи французскихъ книгъ, любимыхъ имъ, и въ объясненіи ихъ красотъ, а меньшаго сына Константина въ декламированіи рѣчей Гостомысла и Мареы Посадницы новгородцамъ, чему началъ учить и сына Шидловскаго. Наконецъ, все это ему прискучило; онъ захотѣлъ ѣхать въ Москву, какъ и прежде каждый годъ ѣзжалъ, и требовалъ денегъ. Хрущовъ отказалъ, и между ними произошла ссора. Глинка грозилъ донести правительству объ утѣсненіи Хрущовымъ своихъ крестьянъ работами денно и нощно на винокуренномъ заводѣ, и уѣхалъ къ Палицыну, чтобы отъ него ѣхать чрезъ Сумы въ Москву. Хрущовъ въ смятеніи уговорилъ меня поѣхать вмѣстѣ съ старшими его сыновьями къ А. А. Палицыну и просить его уговорить Глинку къ возврату въ Рясное, въ чемъ мы и успѣли. Такъ какъ Гр. Р. Шидловскій приказывалъ мнѣ увѣдомлять его обо всемъ, что случится, касательно его сына, то я и увѣдомилъ его не только о способѣ ученія Глинки, но и объ этомъ происшествіи. Григорій Романовичъ по пріѣздѣ въ Славгородокъ велѣлъ намъ туда пріѣхать и пригласилъ А. А. Палицына на назначенное число, который лично подтвердилъ ему справедливость моего донесенія. Тутъ они условились, чтобы для обученія его сына въ Поповкѣ пригласить другаго сочинителя и стихотворца, Евстафія Ивановича Станевича, пріѣхавшаго изъ Петербурга и жившаго тогда въ Низахъ. Послѣ того Григорій Романовичъ прислалъ за нами экипажъ, чтобъ мы ѣхали въ Пархомовку, гдѣ строилась церковь по прожекту моего дяди. Признаться, мнѣ не нравилась фигура купола и его освѣщеніе, и я отважился составить для него особенный планъ и назначилъ внутри церкви хоры. Мысль моя одобрена была Григоріемъ Романовичемъ, а подрядчикъ находилъ мой проэктъ выгоднымъ. Отсюда мы поѣхали въ Мерчикъ, гдѣ я получилъ письмо отъ И. Ѳ. Богдановича, съ извѣстіемъ, что онъ представилъ меня въ губернское правленіе къ награжденію слѣдующимъ чиномъ. По личной просьбѣ моей, Н. Д. Драгомиръ, занимавшійся не только при прежнихъ губернаторахъ, но и при тогдашнемъ, важ-

нѣйшими по губерніи дѣлами, настоялъ на представленіи въ герольдію и меня вмѣстѣ съ прочими. Я былъ произведенъ губернскимъ секретаремъ 31 декабря того-жъ 1802 года. Иванъ Ѳедоровичъ, вызвавъ меня въ Сумы для объявленія мнѣ объ этомъ, сказалъ: «подавай въ отставку, ибо я уже увольняюсь отъ городнической должности». Вотъ какъ въ тѣ годы добрые люди мнѣ благодѣтельствовали, и во всемъ ихъ благодѣяніи я вижу Божескій о мнѣ промыслъ.

Лѣтомъ 1802 года графиня В. Р. Подгоричани поѣхала съ нами въ Поповку къ А. А. Палицыну, заѣхавъ прежде къ П. М. Штеричевой въ Басы. Е. И. Станевичъ, узнавъ, что я учился французскому языку, совѣтовалъ мнѣ заниматься имъ; выписалъ для меня Томаса сочиненія, изъ которыхъ я перевелъ во время житья въ Поповкѣ рѣчь французскому дофину, герцогу Бурбонскому, а потомъ рѣчь Ж. Ж. Руссо о томъ, какая добродѣтель нужнѣе героямъ и какимъ героямъ не доставало этой добродѣтели. Евстафій Ив. каждый разъ поправлялъ мои переводы и указывалъ мои ошибки; я же слова французскія, которыхъ не зналъ, бывало, ходя по лѣсу, стараюсь затвердить, что стоило мнѣ не малого труда, такъ какъ тогда уже мнѣ было около 25 лѣтъ. Чертилъ я также на бѣло прожекты А. А. Палицыну для разныхъ построекъ помѣщикамъ, которые о томъ просили его, и переписалъ на бѣло первый томъ переведеннаго имъ романа «Новой Элоизы» для отсылки книгопродавцу Сопикову, печатавшему этотъ романъ. Евстафій Ив. во время житья въ Поповкѣ успѣлъ перевесть двѣ поэмы стихами: «Сельскій житель» Делиля и «Ландшафты или опытъ о сельской природѣ» Незай-Марнозія Послѣднюю онъ посвятилъ Г. Р. Шидловскому, хорошо наградившему его при отъѣздѣ въ Петербургъ. А. А. Палицынъ въ это время переводилъ двѣ поэмы, также стихами: «О садахъ» Делиля и «Времена года» Сенъ-Ламберта.

Осенью этого 1802 года пріѣзжалъ въ Харьковъ министръ просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій для обозрѣнія основаннаго тамъ университета. Оттуда онъ ѣхалъ въ свои имѣнія черниговской губерніи; его сопровождалъ Г. Р. Шидловскій, видно,

давно знакомый ему. Въ дорогѣ Шидловскій сказалъ министру, что въ Поповкѣ живетъ старый его сослуживецъ, А. А. Палицынъ, бывшій при фельдмаршалѣ графѣ Румянцевѣ адъютантомъ. Завадовскій, посѣтивъ его въ пустынномъ жилищѣ, обходился съ нимъ совершенно по дружески. Я также удостоился видѣть сего маститаго вельможу временъ Великой Екатерины. Видны были еще на лицѣ его румянецъ и пріятность взоровъ, кротость и ласковость въ обхожденіи.

Каждый годъ ѣзжалъ я съ сыномъ Григорія Романовича къ празднику Свѣтлаго Воскресенія въ Мерчикъ, гдѣ и говѣлъ на страстной недѣлѣ, постничая, не такъ какъ въ Поповкѣ, гдѣ во весь великій и другіе посты мы ѣли скоромную пищу. Е. И. Станевичь неоднократно мнѣ признавался, что хотѣлъ бы оставить скучную для него должность учителя и ѣхать въ Петербургъ, куда зовутъ его пріятели. Зимою пріѣхалъ въ Поповку Григорій Романовичъ проѣздомъ въ Вязьму, гдѣ жила его единственная дочь въ замужествѣ за полковникомъ Ѳ. К. барономъ Корфомъ, предобрымъ человѣкомъ, съ которымъ она часто ссорилась, не умѣя цѣнить благородства его чувствъ. Е. И Станевичь ѣздилъ тогда въ Нѣжинъ къ своей матери. Мнѣ непріятно было, что, будучи здѣсь, Григорій Романовичь вовсе не интересовался знать, хорошо-ли учится его сынъ, а только спросилъ у него, цѣлы-ли золотые часы и цѣпочка, для чего онъ не носитъ ихъ и достаточно-ли у него платья? Когда онъ поѣхалъ отсюда къ П. М. Штеричевой въ Басы, я рѣшился написать ему откровенное письмо, сообщая, что Евстафій Осиповичъ намѣренъ ѣхать въ Петербургъ, что только въ отсутствіи его, по просьбѣ моей, А. А. Палицынъ поправляетъ переводы его сына, самъ-же не учитъ его ничему, что выходитъ не такъ, какъ предполагалъ Григорій Романовичь, говоря, что если хочетъ этотъ юноша что-либо знать, то пусть внимательно слушаетъ наши ученые разговоры и старается ихъ помнить, и что наконецъ я самъ, видя, что лѣта мои уходятъ, также хотѣлъ бы перейти на коронную службу. Григорій Романовичъ съ неудовольствіемъ увѣдомилъ А. А. Палицына о содержаніи моего письма, а этотъ

послѣднiй строго выговаривалъ мнѣ за то, что я, не сказавши ему и не показавъ моего письма, отважился послать его. Я оправдывался только тѣмъ, что самъ Григорiй Романовичь приказывалъ мнѣ откровенно ему обо всемъ писать, что будетъ касаться къ его сыну. Такое весьма непрiятное для меня происшествiе кончилось однако же благополучно. Возвратясь изъ Вязьмы, Григорiй Романовичь, въ февралѣ мѣсяцѣ 1804 года, присылалъ за нами экипажи, чтобы перевезти насъ къ себѣ въ Мерчикъ, и тутъ-то я, къ удивленiю моему, увидѣлъ совсѣмъ противное тому, чего ожидалъ: Евстафiй Ивановичь, цѣлуя меня, радовался, что теперь безъ препятствiя можетъ онъ ѣхать въ Петербургъ; Александръ Александровичъ доволенъ былъ счастливою развязкою почти двухлѣтняго у него нашего житья, тѣмъ болѣе, что раньше сего онъ вовсе не зналъ, что Шидловскiй будетъ платить ему за наше содержанiе; даже Авдотья А. Палицына обрадовалась, что она не будетъ больше безпокоиться, въ нелегкомъ и дальнемъ житьи отъ города, о прiисканiи для стола съѣстныхъ припасовъ. Я объявилъ Александру Александровичу, что намѣренъ поѣхать въ Полтаву и тамъ искать землемѣрскаго мѣста. Во время пребыванiя моего въ Мерчикѣ, случилось, что Н. Н. Надаржинская прiѣхала туда въ то время, когда Шидловскаго цѣлый день не было, а я одинъ только въ домѣ могъ сидѣть съ нею и разговаривать. При разговорѣ она безпрестанно меня спращивала о нравѣ и поведенiи сына Григорiя Романовича и охотно-ли онъ учится. Я, по всегдашней моей откровенности и безхитростной простотѣ, все разказалъ ей по правдѣ. Бывало, я начну разговоръ о ея дѣлахъ и положенiи, а она, не отвѣчая на мои слова, все о томъ же меня спрашиваетъ, или какъ живетъ А. А. Палицынъ и занимался ли онъ ученiемъ сына Григорiя Романовича. На другой день, увидя нѣкоторую холодность ко мнѣ Григорiя Романовича, я самъ себѣ сказалъ: вотъ какъ хитрыя женщины все вывѣдываютъ, а откровенные люди себя губятъ!

Гр. Р. Шидловскiй былъ статный и красивый мужчина средняго роста, подходящаго болѣе къ высокому, ума тонкаго,

изобрѣтательнаго, опытнаго, находчиваго во всѣхъ случавшихся препятствіяхъ и непріятностяхъ; ласковый, обходительный, онъ умѣлъ всякаго привязать къ себѣ. Удивительно, что, бывши самъ богатъ, изъ числа первѣйшихъ помѣщиковъ въ губерніи, онъ женился на Момоновой. Хотя взялъ за нею приданое 800 душъ и имѣніе близъ Терновъ сумскаго уѣзда, но она была простая, вовсе необразованная, невзрачная, необходительная, подслѣповатая, капризная, ворчливая, вовсе не занималась гостьми, всегда одна или съ прислугою сидѣла въ своей спальнѣ, и, нечего грѣха таить, любила пить и умерла отъ водяной болѣзни. Но и дѣти ея во многомъ сходствовали съ ея душевными и тѣлесными недостатками. Старшій сынъ былъ посыланъ въ Ригу на воспитаніе къ какому-то профессору; но возвратился оттуда ни съ чѣмъ. По видимому юноша имѣлъ дарованіе и острую память, но познанія его были очень скудны: онъ могъ въ мысляхъ своихъ помножить нѣсколько чиселъ на три множителя и скажетъ, бывало, ихъ произведеніе; тоже самое и въ дѣленіи могъ сказать, какое изъ нихъ вышло частное число. Учился онъ играть на фортепіанѣ; но когда, бывало, попросимъ его что-либо сыграть, то онъ проиграетъ только тѣ пьесы, которыя выучилъ въ пансіонѣ, а новыхъ никогда и не разыгрывалъ. Видно, не имѣлъ склонности къ музыкѣ, да и ни къ какой наукѣ, ни къ чтенію книгъ и ни къ какому занятію. Любилъ сидѣть одинъ, какъ нелюдимъ, походилъ на идіота и подверженъ былъ падучей болѣзни, можетъ быть, и отъ невоздержанія отъ хмельныхъ напитковъ, также какъ мать его. Не порадовалъ онъ ничѣмъ отца своего, не вступилъ ни въ какую службу и умеръ, едва достигши совершенныхъ лѣтъ. Дочь Катерина—красивая и похожая на отца, но гордая и своенравная: никто бывало не угодитъ ей, всегда недовольная и бранчивая съ прислугой. Въ жизни она много причинила горя отцу, и даже при смерти.

Гр. Р. Шидловскій былъ въ свое время самый блистательный помѣщикъ губерніи. Въ Старомъ Мерчикѣ онъ выстроилъ каменный огромный двухъ-этажный домъ на высокомъ цоколѣ; внизу помѣщались печи и отъ нихъ нагрѣвались стѣны залы и

гостиной въ два свѣта съ хорами для музыкантовъ. Напротивъ былъ каменный двухъ-этажный флигель для помѣщенія кухни и прислуги. Еще два каменныхъ флигеля, одинъ для пріѣзда гостей, а другой для дворецкаго; на заднемъ дворѣ каменные конюшни и сараи. Въ саду каменный манежъ, бесѣдка, резервуаръ и ротонда въ видѣ круглаго храма въ два этажа со сводами; на верху, бывало, играетъ музыка, а внизу въ прохладѣ отдыхаютъ посѣтители. Всѣ домашнія и садовыя постройки обнесены были каменною оградою. Сверхъ того и на селѣ построены были два каменныхъ двухъ-этажныхъ дома, одинъ для житья священнику, а другой арендатору. Всѣ эти зданія строены были по планамъ А. А. Палицына. Имѣніе Григорія Романовича было благоустроено; крестьянскіе дома всѣ были чисты и обгорожены. Изъ его науки и опытности вышли два замѣчательныхъ человѣка: Хлустинъ и Виталій Сурдина. Первый былъ сначала у брата его Михайла Романовича деньщикомъ, потомъ у него надсмотрщикомъ при постройкахъ въ пріемѣ матеріала. Видя его удивительную разсчетливость, онъ отдалъ ему свои имѣнія на аренду. Условія этой аренды были весьма благодѣтельны для его крестьянъ: арендаторъ вовсе не имѣлъ права касаться къ собственнымъ ихъ землямъ и заставлялъ ихъ работать вмѣсто трехъ дней въ недѣлю, положенныхъ закономъ, только два дня. Онъ долженъ былъ пользоваться собственно принадлежащими помѣщику землями, полями, сѣнокосами, лѣсами, доставляя изъ нихъ условленное количество для дома хлѣба, сѣна и дровъ и платя положенную сумму денегъ. Не было случая, чтобы крестьяне жаловались на арендатора; онъ самъ сдѣлался такъ богатъ, что купилъ себѣ болѣе ста душъ, купивши прежде въ Военной Коллегіи патентъ на чинъ поручика. Другой, Виталій Сурдина, былъ скрипачъ и игралъ тихо, какъ будто подъ сурдиной. Григорій Романовичъ, ѣздя по должностямъ своимъ нерѣдко въ Петербургъ, бралъ съ собою и его. Въ послѣдній разъ Сурдина воспользовался поѣздкою: заплатилъ въ Военной Коллегіи, съ кѣмъ уковорился, 500 рублей. По возвращеніи въ Харьковъ получается на почтѣ патентъ съ надписью на

конвертѣ: капитану Виталію Сурдинѣ. Искали по цѣлому городу другаго Сурдину и не могли найти. По разспросамъ почтмейстеръ узналъ, что у Григорія Романовича есть музыкантъ этой фамиліи, его крестьянинъ, приноситъ патентъ къ Григорію Романовичу и отдаетъ ему. На мѣстѣ Шидловскаго другой могъ бы разорвать этотъ патентъ, тѣмъ бы дѣло и кончилось, и данныя въ Военную Коллегію деньги пропали бы; Григорій Романовичъ поступилъ иначе. Прежде, чѣмъ вручить скрипачу патентъ на капитанскій чинъ, онъ говоритъ ему однажды: «Виталій! пойдемъ въ конюшню, посмотримъ лошадей». Виталій, догадываясь, видно, для чего баринъ зоветъ его въ конюшню, отговаривался тѣмъ, что онъ не знатокъ въ лошадяхъ; тѣмъ не менѣе итти было надо. Шидловскій, по приходѣ въ конюшню, велѣлъ раздѣть его и высѣчь розгами, за то, что, намѣреваясь купить себѣ чинъ, прежде не просилъ у него на то позволенія. Потомъ онъ вручилъ ему патентъ на капитанскій чинъ, а впослѣдствіи времени сдѣлалъ его арендаторомъ имѣнія сестры своей, В. Р. графини Подгоричани, отъ чего Сурдина обогатился и купилъ себѣ деревню. Вотъ каковы въ прежнія времена, по милости Военной Коллегіи, были военные чиновники!

Поживя нѣкоторое время въ Мерчикѣ, Григорій Романовичъ отдалъ своего сына въ Харьковъ въ пансіонъ. Посылая къ А. А. Палицыну деньги, онъ позвалъ меня и сказалъ: «вотъ я посылаю ему тысячу рублей; можетъ, это и много?» Я отвѣчалъ ему: «вамъ извѣстно, что онъ не богатый человѣкъ, а для васъ эти деньги мало стоятъ». Обо мнѣ Григорій Романовичъ писалъ рекомендательное письмо къ малороссійскому генералъ-губернатору, князю Алексѣю Борисовичу Куракину и губернскому предводителю дворянства Василію Кочубею. А. А. Палицынъ также писалъ обо мнѣ къ извѣстному сочинителю Василію Васильевичу Капнисту, котораго я не засталъ въ Полтавѣ, и къ бывшему своему ученику Антону Ивановичу Кардашевскому, полагая, что онъ тамъ служитъ губернскимъ архитекторомъ, между тѣмъ какъ онъ служилъ тогда въ Черниговѣ. Генералъ-губернаторъ весьма ласково меня принялъ, что показывало мнѣ хорошее его располо-

женіе къ Григорію Романовичу; тоже и губернскій предводитель. Князь спросилъ меня, въ какой должности хочу я служить. Я отвѣчалъ, что въ архитекторской или землемѣрской. Онъ сказалъ мнѣ, что архитекторъ есть (дѣйствительно архитекторомъ былъ Абросимовъ, у котораго жена англичанка хорошо рисовала и обдѣлывала планы); а въ отношеніи землемѣрской должности велѣлъ губернскому землемѣру проэкзаменовать меня. Я однакожъ въ воскресные дни хаживалъ къ генералъ-губернатору и всегда заставалъ у него много чиновниковъ и просителей. Его страстью была обсадка почтовыхъ дорогъ деревьями. Помню, однажды онъ разсказывалъ: «здѣшніе помѣщики тяготятся обсадкою деревьями почтовыхъ дорогъ на своихъ участкахъ земли. А я помню слова фельдмаршала графа Румянцева Задунайскаго, который говорилъ, что во время турецкой войны въ обширныхъ степяхъ какъ увидишь, бывало, дерево и можешь отдохнуть подъ тѣнью его, то обрадуешься такъ, будто-бы увидѣлъ лучшаго своего друга». Дѣлая въ чертежной данные мнѣ землемѣрскіе планы, я слышалъ жалобы уѣздныхъ землемѣровъ на тягостную ихъ службу, что безпрестанно занимаются проводкою почтовыхъ дорогъ и обсадкою ихъ деревьями, не имѣя ни спокойнаго ночлега, ни достаточной пищи, и что на послѣдокъ придется имъ подать въ отставку. Я подумалъ, что здѣшнее служеніе въ землемѣрской не кладъ для меня. Губернскій землемѣръ, проэкзаменовавъ меня въ знаніи межеванія по астролябіи, донесъ о томъ князю. Но когда я послѣ сего явился къ нему, то онъ сказалъ мнѣ, что въ полтавской губерніи нѣтъ теперь землемѣрской вакансіи, а есть въ Нѣжинѣ, черниговской губерніи. «Если хотите служить тамъ, прибавилъ князь, то я напишу тамошнему губернатору; онъ объ опредѣленіи васъ землемѣромъ представитъ отъ себя сенату». Я отвѣчалъ: «мнѣ лестно было-бы служить въ виду вашего сіятельства, а какъ это невозможно, то позвольте мнѣ возвратиться въ Харьковъ». Князь спросилъ меня: «А если откроется въ полтавской губерніи вакансія, то гдѣ васъ отыскать?» Я отвѣчалъ, что если Григорій Романовичъ получитъ о томъ извѣстіе, то я тотчасъ пріѣду въ Полтаву. Я полагалъ, что этимъ усерд-

ная князя забота о моемъ опредѣленіи землемѣромъ и кончится

Какъ Григорій Романовичъ помѣстилъ уже своего сына въ пансіонъ, то, полагая, что я ему вовсе не нуженъ, при возвратномъ пути я не заѣхалъ къ нему въ Мерчикъ, а поѣхалъ прямо въ Харьковъ. Губернскій предводитель В. М. Донецъ-Захаржевскій, увидѣвъ меня здѣсь, обрадовался и пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ село его, изюмскаго уѣзда, Бугаевку, гдѣ строился каменный двухъ-этажный домъ по моему плану и куда я прежде съ нимъ ѣздилъ. Тамъ склонили меня онъ и братъ его Петръ М. остаться у послѣдняго жить; я согласился, но такъ неосторожно, что вовсе не договаривался съ ними, на какомъ основаніи я буду жить у нихъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, къ немалому удивленію моему, получаю письмо отъ Г. Р. Шидловскаго съ приложеніемъ копіи съ письма къ нему кн. Куракина; извѣщая его объ открывшейся въ Полтавѣ вакансіи землемѣра, князь просилъ его объявить о томъ мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я явился къ нему для опредѣленія на это мѣсто. Я былъ въ нерѣшимости, ѣхать-ли мнѣ въ Полтаву, или нѣтъ. Петръ Михайловичъ сталъ уговаривать меня, чтобы я отказался, а занялся воспитаніемъ его сына, котораго онъ имѣлъ отъ любовницы молдаванки, бывшей нѣкогда красавицею. При семъ онъ давалъ мнѣ лестныя обѣщанія, говорилъ, что у него 500 душъ и 6000 дес. земли, а наслѣдниковъ нѣтъ и что со временемъ онъ можетъ меня наградить. Петръ Михайловичъ самъ поѣхалъ со мною въ успенскую ярмарку. Василій Михайловичъ также, уговаривая меня, изъявлялъ подобныя лестныя обѣщанія, то есть, какъ говоритъ пословица: сулили журавля въ небѣ, а не дали и синицы въ руки. Я рѣшился не ѣхать въ Полтаву по причинѣ трудности тамошняго служенія и потому еще, что какъ тамъ земли формально не размежеваны, то для землемѣровъ не можетъ быть занятій частными межеваніями, слѣдственно и никакихъ доходовъ; къ тому же у меня было весьма мало денегъ, а не раньше полугода я могъ быть опредѣленъ сенатомъ и получить жалованье по землемѣрской

должности. Итакъ, я отказался отъ нея, что было Григорію Романовичу весьма непріятно.

Возвратясь въ Бугаевку, я жилъ почти безъ всякаго занятія, кромѣ того, что иногда ходилъ смотрѣть за постройкою дома Василій Михайловича; днемъ игралъ съ хозяиномъ на билліардѣ, а вечеромъ непремѣнно съ нимъ-же въ дураки. Отъ всегдашней праздности я самъ почувствовалъ расположеніе къ ней, чрезъ что со временемъ сдѣлался бы лѣнтяемъ и неспособнымъ къ дѣлу. По счастію случились со мною непріятности, которыхъ я не могъ перенесть. Пользуясь поѣздкой музыканта хозяина въ Харьковъ на покровскую ярмарку, я отправился съ нимъ туда же, а оттуда направился въ Поповку къ Палицыну, не сказавъ при свиданіи здѣсь съ Василіемъ Михайловичемъ, что совсѣмъ оставилъ Бугаевку, что, какъ послѣ я узналъ, была ему крайне непріятно. Нанявши извощика, я разсудилъ заѣхать въ Мерчикъ къ Г. Р. Шидловскому; но какъ у него гостили тогда дамы, то я не смѣлъ явится къ нему въ дорожномъ платьѣ и безпокоить его разсказомъ о своихъ обстоятельствахъ, а переночевавъ у дворецкаго, по настоянію извощика, скорѣе выѣхалъ.

А. А. Палицынъ весьма обрадовался моему пріѣзду; въ это время у него не было помощника для черченія на бѣло его прожектовъ на строенія разнымъ знакомымъ ему помѣщикамъ, а прежде, бывало, живали у него по два и по три, и всѣ они обязаны ему были своимъ образованіемъ. Жилось мнѣ здѣсь хорошо. По обыкновенію мы гуляли по лѣсу, подчищали молодыя деревья, увеселялись прыжками бѣлокъ и разными птичками, пріученными имъ для корму къ окнамъ, бесѣдовали объ архитектурѣ, живописи и литературѣ; онъ разсказывалъ мнѣ разные анекдоты о знаменитыхъ писателяхъ и ихъ сочиненіяхъ. Память у него была преобширная, грудь крѣпкая, голосъ громкій, краснорѣчіе необыкновенное, къ тому же большое искусство разнообразить предметы разговоровъ, чтобы не утомить слушателя. Бывало, пріѣдетъ къ нему сосѣдъ помѣщикъ, занимающійся винокуреніемъ или земледѣліемъ, то онъ не станетъ съ нимъ вести ученыхъ бесѣдъ, а только объ его занятіяхъ. Жаль только,

что онъ былъ холоденъ къ обрядамъ христіанской религіи; впрочемъ я никогда отъ него не слыхалъ, чтобы онъ невыгодно отзывался о ней или издѣвался надъ ея приверженцами. Проживая у Александра Александровича, я сдѣлалъ въ это время, по его прожекту, чертежи для увеличенія каменной церкви и устройства въ ней новаго иконостаса въ селѣ Мерчикѣ. Посылая эти планы Шидловскому, Александръ А. объяснилъ въ письмѣ, что я ихъ дѣлалъ, и Шидловскій прислалъ мнѣ 150 руб., вѣроятно, вспомнивъ, что при отъѣздѣ въ Полтаву онъ далъ мнѣ только 50 р., тогда какъ Станевичу далъ 1000 рублей; впрочемъ Станевичь въ признательность за такую награду посвятилъ ему переведенную имъ въ Поповкѣ стихами поэму «О садахъ», какъ выше сказано.

Послѣ смерти въ 1802 году знаменитаго нашего стихотворца Ипполита Өедоровича Богдановича, творца «Душеньки», Станевичъ писалъ къ А. А. Палицыну, что благодѣтель его, вице-адмиралъ Шишковъ, желалъ бы напечатать его (т. е. Богдановича) стихотворенія, если остались такія, которыя не были прежде напечатаны. По сему случаю я былъ нѣсколько разъ у брата покойнаго, Ив. Ө. Богдановича, бывшаго городничимъ въ въ Сумахъ, разбиралъ всѣ его бумаги, нѣкоторыя мелкія его стихотворенія, списанныя мною, но всѣ они оказались напечатанными въ разныхъ журналахъ.

Безпокоясь безпрестанно, чтобы имѣть постоянное и надежное мѣсто, я просилъ А. А. рекомендовать меня къ богатому помѣщику, тайному совѣтнику, Михаилу Ивановичу Комбурлею для занятій по части архитектуры и землемѣрства. Онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо и лошадей. М. И. Комбурлей уважалъ А. А., по планамъ котораго построены въ селѣ Хотѣни большая каменная оранжерея, конюшня и цѣлая улица деревянныхъ сельскихъ домовъ для музыкантовъ, пѣвчихъ и домашней прислуги. По пріѣздѣ въ Хотѣнь, Комбурлей ласково меня принялъ, только нѣсколько времени не соглашался дать мнѣ жалованья 500 р. ас. Наконецъ согласился и сказалъ мнѣ, что онъ по первой санной дорогѣ поѣдетъ въ Москву и меня съ собою

возьметъ, а потому требовалъ, чтобъ я поспѣшилъ взять свои вещи и пріѣхалъ въ Хотѣнь къ тому времени. Послѣ Николаева дня я поѣхалъ съ его человѣкомъ впередъ для заготовленія ему до Москвы лошадей. Въ Курскѣ мы остановились въ домѣ надворной совѣтницѣ Страмилихи, бабушки его жены Анны Андреевны. Тамъ взялъ я у губернатора подорожную для Михайла Иваовича и написавъ отъ имени его письма къ орловскому вице-губернатору и тульскому губернатору съ просьбою заготовить для него 15 лошадей, поѣхалъ съ этими письмами впередъ. Вице-губернаторъ, видно, прежде служившій съ нимъ, обѣщалъ исполнить его желаніе; но тульскій губернаторъ Ивановъ сказалъ мнѣ: проѣздъ въ Москву и обратно каждый день бываетъ великъ, почтовыхъ лошадей на станціяхъ мало, всѣ проѣзжающіе нанимаютъ вольныхъ извощиковъ, можете и вы тоже сдѣлать. На постоялыхъ дворахъ я пыталсa нанимать вольныхъ, но очи запросили, по ихъ обыкновенію, почти двойную цѣну противъ почтовыхъ и я не осмѣлился дать. Между тѣмъ, ѣдучи день и ночь въ большіе морозы и мятель, я изнурился и озябъ и по пріѣздѣ въ Тулу, пообѣдавши на постояломъ дворѣ, заснулъ крѣпко и спалъ такъ долго, что М. И. нагналъ меня здѣсь, самъ нанялъ вольныхъ лошадей и выѣхалъ прежде, чѣмъ человѣкъ, разбудивши меня, сказалъ, что и для насъ лошади запряжены. Помню, что остановясь въ Серпуховѣ ночевать, Михаилъ Ивановичъ строго выговаривалъ мнѣ, что я не заготовилъ ему лошадей, и не принялъ моего оправданія. Въ особенности онъ оскорбился и сталъ шумѣть, когда я сказалъ ему: «если я не угоденъ вамъ, то прошу уволить меня». Но добрая Анна Андреевна спѣшила успокоить его, говоря: «полно, полно, душенька!» Здѣсь-то, въ Серпуховѣ, въ первый разъ въ жизни моей я ѣлъ стерляжью уху, сваренную съ примѣсью вина.

Въ Москвѣ Михаилъ Ивановичъ остановился на Пречистенкѣ въ собственномъ старомъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ прежде тещѣ его, генеральшѣ Елизаветѣ Петровнѣ Рахмановой. Я бѣгалъ по разнымъ улицамъ, съ большимъ любопытствомъ останавливался противъ великолѣпныхъ домовъ и церквей, раз-

сматривалъ ихъ съ разныхъ сторонъ. Въ воскресные и праздничные дни хотѣлъ быть въ нѣкоторыхъ церквахъ у обѣдни; но, приходя къ нимъ, вездѣ видѣлъ церкви запертыя, потому что въ нихъ служились раннія обѣдни, и только въ успенскомъ соборѣ, въ нѣкоторыхъ церквахъ и въ монастыряхъ звонили къ поздней обѣднѣ въ 10 часу. Я нѣсколько разъ слушалъ ее въ томъ соборѣ, прикладывался къ чудотворному образу Владимірской Богоматери и къ мощамъ митрополитовъ Петра, Іоны и Филиппа, а въ теплой церкви—митрополита Алексѣя. Узнавши, что въ Голицынской больницѣ за рѣкою Москвою поютъ въ церкви превосходные пѣвчіе (подъ дирекціею, кажется, извѣстнаго Аникіева или Дегтярева), я часто туда хаживалъ, хотя и далеко. Хоры для нихъ тамъ сдѣланы подъ самымъ куполомъ, и на нихъ пѣвчихъ не видно, только слышно пѣніе, пріятно раздающееся внизу по церкви. Тутъ на высокомъ пьедесталѣ стоитъ прекрасный бѣлаго мрамора бюстъ покойнаго кн. Голицына, который былъ посланникомъ въ Вѣнѣ и пожертвовалъ большой капиталъ для устроенія и содержанія этой больницы. Родной братъ его, дряхлый старичокъ, всегда бывалъ у обѣдни. Больница построена въ два этажа на высокомъ цоколѣ; въ рединѣ ея находится церковь, расположенная такъ, что тяжко больные могутъ слушать богослуженіе изъ корридоровъ; съ другой стороны во всю длину усадьбы расположенъ до самой Москвы обширный садъ съ огородомъ. Въ первое воскресенье великаго поста, по данному мнѣ М. И. билету, я былъ на концертѣ въ обширной круглой залѣ, гдѣ всѣ московскіе лучшіе музыканты, въ томъ числѣ и нашъ Блюмъ, играли превосходную ораторію Гайдена «Сотвореніе міра». Былъ я и въ Большомъ театрѣ, гдѣ играли любимую тогда публикою оперу «Русалку»; актриса Сандунова, представлявшая ея роль, славившаяся при императрицѣ Екатеринѣ на придворномъ театрѣ своимъ пѣніемъ, и подъ сорокъ лѣтъ имѣла еще голосъ пріятный, звонкій и игривый. Я обозрѣвалъ университетъ, но въ церкви его и на лекціяхъ не удалось быть. Любовался строгимъ соблюденіемъ правилъ орденовъ архитектуры зданія сената, постройки славнаго архи-

тектора Баженова, также дворцами Головинскимъ и Слободскимъ. О последнемъ разсказываютъ, что онъ принадлежалъ графу Безбородко; императоръ Павелъ, бывши въ немъ и увидѣвъ, что садъ расположенъ на обширной равнинѣ, гдѣ росли большія деревья, сказалъ: «какой прекрасный былъ бы плацъ для ученія войскъ»! Въ ту же ночь деревья были срублены. Вотъ какъ тонкіе придворные умѣютъ льстить прихотямъ государей! Домъ Пашкова, архитектуры Козакова, ученика Баженова (теперь въ немъ помѣщается публичная библіотека), расположенъ на возвышенномъ мѣстѣ, которое придаетъ ему немалую красоту; а садъ, расположенный по скату, сказываютъ, въ прежнее время былъ звѣринцемъ.

Михаилъ Ивановичъ пригласилъ къ себѣ на масляницѣ главнокомандующаго Беклешова, знаменитую княгиню К. Д. Дашкову и многихъ сенаторовъ на блины, а потомъ на катанье. Нарядныхъ экипажей было довольно; на одномъ изъ нихъ помѣщался и я съ виртуозомъ Блюмомъ и докторомъ Ив. Ег., жившими въ домѣ Михаила Ивановича. Помню, что когда за рѣкой Москвою экипажи поровнялись противъ стараго деревяннаго дома извѣстнаго графа Орлова-Чесменскаго, то онъ выѣхалъ со двора на сѣромъ въ яблокахъ рысакѣ, самъ правилъ имъ и кланялся катающимся. Тогда уже таялъ снѣгъ по улицамъ.

На второй недѣлѣ повѣялъ холодный сѣверный вѣтеръ съ метелью, и мы возвратились въ Украину по санной дорогѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ изъ Петербурга Николай Ѳедоровичъ Алферовъ, лучшій изъ учениковъ А. А. Палицына, которому по смерти своей онъ и оставилъ въ наслѣдство свою деревню Поповку. Отсюда пріѣхалъ онъ въ Хотѣнь, гдѣ занялся черченіемъ плана для построенія каменной церкви въ Большомъ Бобрикѣ, имѣніи генеральши Елисаветы Петровны Рахмановой. Въ составленіи этого плана онъ уже не слѣдовалъ вкусу архитектуры А. А., но городскому. Однакожъ въ пятидесятыхъ годахъ бывши въ Бобрикѣ, я видѣлъ въ натурѣ построенную церковь совсѣмъ по иному плану, говорятъ, какого-то итальянца.

Н. Ѳ. Алферовъ предполагалъ ѣхать за границу, ему необходимо нужны были деньги, а ихъ у него было весьма мало, и отецъ его не въ состояніи былъ пособить ему. При малыхъ деньгахъ, какія могъ собрать, онъ достигъ Константинополя. Когда приготовлялась война съ Россіею, то, спасая свою жизнь, онъ ушелъ въ Грецію; оттуда поѣхалъ въ Италію, долго жилъ въ Римѣ и возвратился чрезъ Францію, Германію и Пруссію въ Россію уже въ 1811 году. Онъ правду мнѣ сказалъ, что производимыя подъ моимъ надзоромъ въ Хотѣни постройки не сдѣлаютъ мнѣ чести; собственные крестьяне каменьщики, плотники и штукатуры, нигдѣ не учившіеся, что могутъ сдѣлать отличнаго? Да и постройки были только каменная теплица и деревянный флигель для житья въ одной половинѣ виртуозу Блюму, а въ другой мнѣ съ механикомъ Шмидтомъ. Вновь перекрыта была желѣзомъ церковь, на фонарѣ которой вмѣсто осьмерика я сдѣлалъ куполъ. По указанію механика сдѣлалъ я планъ для построенія каменной и вѣтряной мельницы, да подъ осень ѣздилъ въ курскую губернію для измѣренія чрезполосныхъ участковъ земли, принадлежащей Михаилу Ивановичу, и сдѣлалъ имъ планъ. Вотъ и всѣ мои работы; въ досужее время я по большой части читалъ свои книги и переводилъ изъ нихъ.

Но жить въ Хотѣни было весело: часто играли музыки скрипичная, духовая. а иногда роговая, доставшіяся М. И. отъ Василія Степановича Попова, правителя канцеляріи свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго; была сверхъ того пѣвческая, въ которой были двѣ дѣвицы, пѣвавшія аріи; кромѣ Блюма былъ капельмейстеръ музыки, а другой пѣнія. Французъ поваръ готовилъ вкусныя и роскошныя блюда, а при томъ Михаилъ Ивановичъ любилъ пить и хорошое вино. Служа нѣсколько курсовъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а потомъ вице-губернаторомъ въ царствованіе имп. Екатерины, онъ привыкъ дѣлать великолѣпные и пышные обѣды, балы и вечеринки. Столовый сервизъ для нихъ былъ подаваемъ все серебряный; суповыя великолѣпныя чаши, соусники, блюда, ножи и вилки; хрустальныя доски, обыкновенно на столахъ употребляемыя для поста-

новленія фарфоровыхъ стопокъ, иногда были усыпаемы разноцвѣтными песками въ видѣ прелестныхъ ландшафтовъ. Онъ былъ вице-губернаторомъ при губернаторѣ Кишинскомъ. Кишинскій жилъ только жалованьемъ, а можетъ быть нѣкоторыми посторонними доходами. Разсказывали, что когда онъ былъ отставленъ отъ должности, то въ мясной лавкѣ остался долженъ болѣе тысячи рублей: сколько же онъ былъ долженъ въ бакалейныя и другія лавки? И вотъ иной день соберется, бывало, къ нему много губернскихъ чиновниковъ и дворянъ; тогда онъ, подойдя къ М. И., скажетъ ему на ухо: «гостей довольно, а кормить ихъ нечѣмъ: у меня обѣдъ готовленъ по домашнему только для своего семейства». Михаилъ Ивановичь или пригласитъ всѣхъ гостей къ себѣ, когда еще время не сблизилось къ обѣду, и предоставитъ гостямъ заняться играми въ карты, пока приготовятъ кушанье; или-же, если настало время обѣда, велитъ принесть кушанье изъ своей кухни, какъ онъ жилъ въ казенномъ домѣ чрезъ улицу, гдѣ теперь находится университетская обсерваторія и прочія его помѣщенія.

Часто къ М. И. ѣзжали полковые сумскаго гусарскаго полка, квартировавшіе тогда въ Сумахъ. Въ сентябрѣ родилась ему дочь, названная Елизаветою; она была тогда только одна, потому что сынъ Иванъ, рожденный прежде, въ младенчествѣ умеръ. Тутъ-то было веселья и празднества при крестинахъ! Эта дочь по возрастѣ выдана была за генерала Бутурлина, извѣстнаго описателя войны 1812 года. За нею въ приданое даны ему были Хотѣнь со всѣми близь лежащими деревнями. При подаркахъ всѣмъ, живущимъ у М. И., и мнѣ достались серебряные часы, бывшіе у меня даже и въ Сумахъ.

Жившій со мной въ Хотѣни въ одной комнатѣ отставной маіоръ N разсказывалъ происшествіе о великихъ и необыкновенныхъ хитростяхъ М. И., употребленныхъ имъ для успѣха въ женитьбѣ на Аннѣ Андреевнѣ. Она родилась по смерти своего отца Андрея Кондратьева въ Курскѣ, въ домѣ бабушки своей Страмилихи, бывшей опекуншей всего ея имѣнія и гдѣ всегда жила ея мать Е. П. Рахманова [1]). При достиженіи совершеннолѣтія, за нею про-

[1]) Елисавета Петровна безвыѣздно здѣсь жила съ двумя дочерьми дѣвицами. Г. Н., ея сынъ, часто пріѣзжалъ съ дядею своимъ генераломъ Гавріи-

сватывались молодые женихи, сыновья графовъ и князей; но М. И., бывши уже подъ сорокъ лѣтъ, отбилъ у нихъ эту богатую невѣсту. Въ царствованіе императора Павла онъ былъ губернаторомъ въ Курскѣ; вознамѣрясь жениться на ней, онъ дѣлывалъ частыя роскошныя угощенія обѣдами, вечеринками и балами; музыка была всегда съ нимъ и въ Курскѣ, и онъ былъ любитель ея. О своемъ замыслѣ жениться на этой невѣстѣ онъ увѣдомилъ графа Ал. Ан. Безбородко, съ которымъ былъ въ великой дружбѣ по волокитству. Въ зимнее время завелъ послѣобѣденное катанье и почти всегда преимущественно приглашалъ Анну Андреевну кататься съ нимъ на превосходномъ козыркѣ и превосходныхъ лошадяхъ. Поѣхавши по губерніи для обревизованія присутственныхъ мѣстъ, онъ имѣлъ неосторожность взять съ собою и нѣсколькихъ музыкантовъ для увеселенія дворянъ. Кто-то изъ его недоброхотовъ донесъ государю, что губернаторъ, объѣзжая губернію, поручалъ своему секретарю ревизовать дѣла по присутственнымъ мѣстамъ, а самъ увеселялъ дворянъ музыкою. Государь, при докладѣ о семъ, велѣлъ приготовить указъ объ удаленіи курскаго губернатора. Безбородко прислалъ ему фельдъегеря съ увѣдомленіемъ объ этомъ роковомъ повелѣніи и совѣтовалъ поспѣшить своею женитьбою на богатой невѣстѣ, заявляя, что онъ можетъ продержать указъ день, другой, но не болѣе. М. И., не упуская времени, приглашаетъ гостей къ себѣ на катанье, сажаетъ съ собою Анну Андреевну, объясняется ей въ своей любви и получаетъ отъ нея согласіе выйти за него замужъ. На другой день по утру М. И. пріѣзжаетъ къ ея бабушкѣ, проситъ ее въ кабинетъ для личнаго съ нею объясненія и открывается ей въ любви къ ея внукѣ и въ желаніи жениться на ней. Чтобы избѣгнуть затрудненія въ рѣшительномъ отвѣтѣ, бабушка говоритъ, что это зависитъ отъ матери невѣсты. Тогда М. И. проситъ матушку въ кабинетъ; та отвѣчаетъ ему, что дочь ея со-

---

ломъ Михайловичемъ Рахмановымъ. Также долго здѣсь жила съ малолѣтнимъ сыномъ меньшая сестра Ел. Петр. княгиня Горчакова, которой мужъ былъ сосланъ въ Сибирь; онъ находился при продовольствіи французскаго корпуса принца Кондэ и дѣлалъ для расплаты фальшивыя ассигнаціи.

вершеннолѣтняя и что отъ нея собствено зависитъ избрать себѣ жениха. Михаилу Ивановичу такой-то отвѣтъ и нуженъ былъ. Войдя въ гостиную, онъ подходитъ къ Аннѣ Андреевнѣ и, цѣлуя у ней руку, объсняется ей въ страстной своей любви и говоритъ, что онъ почелъ бы себѣ счастіемъ, если бъ она согласилась выйти за него замужъ. Это простодушная и добрая малороссіянка отвѣчала: «я согласна»! Тогда бабушка ахнула, мать ахнула. Михаилъ Ивановичъ первую попросилъ въ кабинетъ для объясненія и спросилъ, что ей нужно. Она отвѣчала:

— Я опекунша имѣнія моей внуки съ самаго малолѣтства, женщина малограмотная; не ѣздила осматривать имѣніе; всегдашній Любченко по своему желанію показывалъ мнѣ доходы въ вѣдомостяхъ, и я принимала ихъ за вѣрные. Вы, сдѣлавшись мужемъ моей внуки, можетъ быть потребуете отъ меня за всѣ годы строгихъ отчетовъ?

Михаилъ Ивановичъ клятвенно увѣрилъ ее, что ни онъ, ни будущая жена его вовсе не будутъ требовать отчетовъ въ доходахъ и за тѣмъ спросилъ:

— Теперь согласны-ли вы?

— Да вотъ, М. И., деревенька подъ Курскомъ съ водяною мельницею, гдѣ для дома всегда кормились скотъ и птицы, она и впередъ для моего дома будетъ необходима.

— Эта деревня ваша; ну, теперь согласны ли?

Получа отвѣтъ о ея согласіи, Михаилъ Ивановичъ попросилъ въ кабинетъ также матушку и спросилъ ее, что ей нужно.

Та отвѣчала:

— На седмую часть имѣнія давно выдѣаено мнѣ въ селѣ Бобрикѣ 1000 душъ, а теперь на седмую долю по числу крестьянскаго имѣнія слѣдуетъ 1200 душъ съ землею.

Михаилъ Ивановичь также клятвенно увѣрилъ ее, что эти 200 душъ будутъ ей прибавлены и спросилъ: согласны ли? Она отвѣчала:

— Отъ другаго покойнаго мужа моего остался въ Москвѣ каменный домъ; въ немъ никто не живетъ, онъ совсѣмъ мнѣ не нуженъ, кромѣ городскихъ повинностей не приноситъ мнѣ никакого дохода.

— А этотъ домъ чего стоитъ? спросилъ Михаилъ Ивановичь.

— Сорокъ тысячъ ассигнаціями.

— Хорошо; я заплачу ихъ вамъ. Теперь согласны ли?

Получивъ и отъ матери согласіе, по настоянію его, онъ на другой же день обвѣнчался; и тогда же или на слѣдующій день полученъ изъ сената указъ объ удаленіи его отъ должности губернатора. Любовницу свою, у которой отъ него было два сына, онъ утѣшилъ тѣмъ, что выдалъ ее за маіора Ковалинскаго и отдѣлилъ ей изъ его отцовскаго имѣнія херсонской губерніи, александрійскаго уѣзда, села Онуфріевки, лежащаго за Кременчугомъ, 200 душъ.

Съ торжествомъ Комбурлей весною 1800 года пріѣхалъ съ женою своею въ имѣніе ея въ 8000 душъ и нѣсколько десятковъ тысячъ земли, зажилъ здѣсь припѣваючи и началъ обстроивать свое жилище въ Хотѣни и хозяйственныя заведенія, на зиму ѣздя въ Москву веселиться. Анна Андреевна ни въ какія его распоряженія по управленію имѣніемъ не входила. Въ 1805 году онъ получилъ дохода 120 тысячъ, какъ по отчету значилось; но, живя въ Хотѣни, онъ и половины этого дохода не могъ проживать. За то и онъ доставлялъ ей полное удовольствіе, условясь съ содержателями столичныхъ иностранныхъ магазиновъ, чтобъ они присылали женѣ его каждый разъ новыхъ модъ платья, шляпки, обувь и вновь вышедшіе французскіе романы. Но Михаилъ Ивановичь не умѣлъ цѣнить нѣжности и привязанности къ нему своей супруги; нерѣдко ей измѣнялъ, между тѣмъ какъ она оставалась ему всегда вѣрною Кажется, что Комбурлей поступилъ гораздо умнѣе Каразина въ сватовствѣ и женитьбѣ, получивъ напередъ согласіе отъ невѣсты; все тоже, что узнавъ напередъ бродъ, тогда сунулся въ воду. Между тѣмъ вообще полагаютъ, что греки не такъ хитры, какъ армяне и что на двухъ грековъ полагаютъ довольно одного армянина.

Другой примѣръ тонкой хитрости ума и разсчетливости М. И., которому я былъ самовидцемъ. При мнѣ пріѣзжали къ нему въ разное

время два чиновника, славившіеся хорошимъ управленіемъ больших имѣній; не знаю, сами ли они искали мѣста или были вызваны. Первый требовалъ жалованья 7,000 рублей, а другой 10,000 руб. асс. М. И. просилъ каждаго изъ нихъ, съ Любченкомъ, давнишнимъ управителемъ и его крестьяниномъ, обозрѣть всѣ хозяйственныя по имѣніямъ заведенія и сдѣлать свои замѣчанія, что они найдутъ нужнымъ исправить или вновь сдѣлать. Эти замѣчанія онъ давалъ Любченку для руководства, а ихъ обнадежилъ, что когда онъ признаетъ нужнымъ имѣть ихъ управителями своего имѣнія, то дастъ имъ знать. При этихъ случаяхъ какъ будто принималось въ разсчетъ, что Любченку онъ платитъ жалованья только 60 рублей; а если тотъ вздумаетъ воровать у него, то онъ всегда имѣетъ возможность отобрать у него, не такъ какъ у наемныхъ управителей. Въ такомъ намѣреніи онъ до самой смерти не отпустилъ, какъ говорятъ, на волю самого Любченка, а только его сына.

Михаилъ Ивановичъ по обыкновенію готовился ѣхать въ Москву по первому санному пути и назначилъ маіору ѣхать впередъ для заготовленія лошадей; а я долженъ былъ остаться въ Хотѣни безъ всякаго дѣла. Явясь къ нему, я просилъ вовсе уволить меня, заявляя, что у него нѣтъ для меня никакой работы и что я совѣщусь даромъ получать отъ него жалованье. На это онъ съ ласковымъ видомъ отвѣчалъ мнѣ:

— Я хочу, В. И., чтобы ты жилъ у меня, хотя и никакой не будетъ для тебя работы. Платить тебѣ положенное жалованье я охотно буду; это для меня не составляетъ важности.

Не знаю, въ такомъ добромъ расположеніи ко мнѣ не имѣлъ ли онъ намѣренія выдать за меня свою племянницу Катерину Зуевну Афинжееву, дѣвушку безъ всякаго образованія, пріѣхавшую изъ Нѣжина гречанку. Онъ самъ замѣтилъ сердечное ея ко мнѣ расположеніе, и какъ онъ любилъ пошутить и посмѣяться при всякомъ случаѣ надъ кѣмъ бы то ни было, то однажды за столомъ при всѣхъ сказалъ:

— Что ты, Катенька, такъ часто и умильно смотришь на В. И.? Не влюблена ли ты въ него?

По отъѣздѣ М. И. въ Москву, поѣхалъ и я въ Поповку къ А. А. Палицыну. Тамъ по обыкновенію началъ заниматься архитектурою; ходить по лѣсу нельзя уже было, и мы бесѣдовали, ходя по комнатѣ. Передъ праздникомъ Рождества Христова съ присланнымъ изъ Хотѣни пчеловодчикомъ неожиданно получаю отъ М. И. письмо слѣдующаго содержаніи: „Я вознамѣрился перестроить свой домъ въ Москвѣ; для этого вы нужны будете мнѣ здѣсь для надзора за матеріалами и мастеровыми. Поспѣшите своимъ пріѣздомъ“. Я сталъ раздумывать; но тутъ А. А. сказалъ мнѣ: «въ Москвѣ въ департаментѣ сената служитъ прокуроромъ Боборыкинъ, племянникъ моей жены; если хочешь, я напишу ему письмо и буду просить его доставить тебѣ мѣсто въ коронной службѣ, когда ты не захочешь жить въ партикулярной должности». Я согласился на это, и онъ дѣйствительно писалъ ему обо мнѣ.

Итакъ, забравши всѣ свои вещи (даже и астролябію, которая была у меня и въ послѣдующей службѣ моей была мнѣ необходима), я поѣхалъ и благополучно достигъ Москвы. По заказу М. И. планъ для перестройки его дома съ великолѣпною галлереею коринѳскаго ордена былъ уже готовъ; а мнѣ онъ велѣлъ осмотрѣть въ окрестности Москвы кирпичные заводы и узнать цѣну кирпича, что я и выполнилъ. Однажды прихожу къ М. И. и застаю у него оберъ-прокурора, который по указанію М. И. обратился ко мнѣ съ такимъ объясненіемъ: „пишетъ мнѣ родственникъ мой А. А. Палицынъ и проситъ дать вамъ коронное мѣсто; но я не могу инаго вамъ доставить, какъ мѣсто писца въ сенатѣ съ жалованьемъ 120 или 150 руб.“ Я увѣдомилъ объ этомъ А. А., и онъ письмомъ отъ 10 февраля 1806 года предлагалъ мнѣ то же жалованье въ его пустынѣ, гдѣ я нашелъ бы непремѣнно искренность, непритворную простоту и безкорыстную ко мнѣ любовь; но это письмо доставлено мнѣ было въ Петербургѣ гораздо послѣ, по пріѣздѣ уже туда Анны Андреевны.

Зимою 1805 г. пріѣзжалъ въ Москву по своимъ дѣламъ Г. Р. Шидловскій и былъ у М. И., съ которымъ прежде вовсе не былъ знакомъ. Увидѣвъ меня здѣсь, онъ кинулся обнимать и цѣловать. М. И. удивился его привязанности ко мнѣ; а онъ пригласилъ

меня къ себѣ на квартиру, и я ѣздилъ съ нимъ по городу и бесѣдовалъ. Послѣ я узналъ, что они другъ другу не понравились. У нихъ были притомъ и денежные счеты. Хрущовъ долженъ былъ 50 или 60 тысячъ Григорію Романовичу съ залогомъ Степановки, сумскаго уѣзда; М. И., по убѣдительной Хрущова просьбѣ, далъ ему эту сумму и перевелъ залогъ на себя. М. И. и другое благодѣяніе Хрущову сдѣлалъ. Министръ внутрен. дѣлъ Кочубей жаловался ему, что у него въ полтавской губерніи винокуренный заводъ въ худомъ положеніи. М. И рекомендовалъ ему Хрущова, какъ лучшаго во всей Украинѣ винокура. Въ вознагражденіе за его труды, Кочубей постарался опредѣлить двухъ стороннихъ его сыновъ въ училище законовѣдѣнія при сенатѣ, гдѣ они вскорѣ были пожалованы титулярными совѣтниками, а потомъ прямо губернскими стряпчими въ волынской губерніи. Вотъ какъ безкорыстные вельможи благодѣтельствуютъ! М. И. захотѣлъ перестроить свой домъ по той причинѣ, что главнокомандующій Москвы Беклешовъ представилъ его въ губернаторы. Но при докладѣ о немъ графомъ Кочубеемъ, государь изволилъ сказать: „Комбурлей—это не русская фамилія; Москва не уважитъ его, ей нуженъ губернаторъ столбовой дворянинъ русской фамиліи“. Покровители М. И. совѣтовали ему изъ Петербурга пріѣхать туда и пожить тамъ нѣкоторое время, пока откроется вакансія въ такой губерніи, гдѣ онъ захочетъ быть губернаторомъ. Рѣшась послѣдовать этому совѣту и поѣхать туда на легкѣ, онъ взялъ и меня съ собою, сказавъ: „В. И.! тебѣ надобно видѣть Петербургъ: тамъ лучшая архитектура домовъ, нежели здѣсь“.

Въ дорогѣ я сидѣлъ съ нимъ въ одной кибиткѣ, а въ другой французъ поваръ съ кухонной посудой. Мы ѣхали день и ночь, морозы большіе, и я, имѣя только на себѣ бекешь подъ калмыцкими смушками, иногда дрожалъ отъ холоду. М. И., замѣтивши это, однажды сказалъ: „что, В. И., и философія тебя не грѣетъ“? Я подумалъ: „хорошо тебѣ, богачъ, сидѣть въ медвѣжьей шубѣ“! но не смѣлъ это сказать ему.

Въ Петербургѣ М. И. остановился въ домѣ Василія Степановича Попова на Неву, гдѣ никто не жилъ. Отыскавъ въ верхнемъ

этажѣ небольшую компату, я заперся тамъ; самъ приносилъ себѣ дрова и топилъ грубку, потому что съ М. И. пріѣхалъ только его камердинеръ, а съ поваромъ его помощникъ. М. И. ни одного дня не обѣдалъ дома; а поваръ всегда мнѣ отказывалъ въ пищѣ, говоря, будто бы онъ и для себя ничего не готовилъ. Искать обѣдовъ въ трактирахъ я тогда еще не привыкъ, да и боялся, а потому всегда довольствовался сухояденіемъ. Помню, что однажды въ вечеру М. И. мнѣ сказалъ: «насъ мало уважаютъ въ Украинѣ, хоть я теперь ѣду къ министру внутр. дѣлъ играть въ карты и безъ меня бостонъ не составится». По счастію, или, правильнѣе сказать, по божескому обо мнѣ промыслу, въ этомъ же обширномъ дворѣ на Милліонную улицу былъ другой домъ, и въ верхнемъ его этажѣ помѣщался государственный адмиралтейскій департаментъ, гдѣ при его музеумѣ служилъ помощникомъ директора мой лучшій въ жизни другъ Ев. И. Станевичъ. Онъ видѣлъ меня проходящаго въ вороты (только и были одни) этого дома на Милліонную улицу и тотчасъ составилъ себѣ планъ, какъ бы и меня помѣстить въ этотъ департаментъ. Помня, что правитель департамента, статскій совѣтникъ Никольскій, прежде высказывалъ ему свое сожалѣніе, что его два малолѣтніе сына прежде ходили учиться въ Нѣмецкое училище, но, подмочивъ ноги, заболѣли и теперь, оставаясь безъ ученія, теряютъ безполезно молодые свои лѣта, онъ предположилъ себѣ, что я охотно буду учить этихъ дѣтей, если буду опредѣленъ въ департаментъ. Получивъ отъ него согласіе, Станевичъ прибѣгаетъ ко мнѣ и зоветъ меня въ музеумъ. Тамъ я увидѣлъ и зятя Никольскаго, жившаго нѣкогда въ Поповкѣ, Моисея Григорьевича Ушинскаго. Попробовавъ меня, умѣю ли извлекать изъ бумагъ содержаніе ихъ для доклада присутствію, Никольскій велѣлъ подать мнѣ просьбу объ опредѣленіи меня въ департаментъ. Чтобы вѣрнѣе успѣть въ томъ, Станевичъ пригласилъ меня поѣхать съ нимъ къ первому члену департамента, вице-адмиралу Александру Семеновичу Шишкову. Я отказывался, говоря, что не смѣю показаться ему въ старомъ фракѣ.

— Ничего, сказалъ онъ: ты увидишь, какъ онъ меня любитъ.

Пріѣзжаемъ къ Шишкову. Станевичъ рекомендуетъ меня, что я хорошій его пріятель, лучше роднаго брата, и проситъ его опредѣлить меня въ департаментъ.

— А есть ли вакансія? спросилъ Шишковъ.

— Есть помощника столоначальника по ученой части, отвѣчаетъ Станевичъ.

— Хорошо! сказалъ онъ: я согласенъ его опредѣлить.

— Не будете ли вы сегодня въ департаментѣ? спросилъ опять его Станевичъ.

— Нѣтъ! я не совсѣмъ здоровъ, отвѣчалъ Шишковъ.

Но Евстафій Ивановичъ убѣдительно просилъ его сдѣлать мнѣ благодѣяніе—поѣхать и предложить объ опредѣленіи меня. И этотъ добродушный, престарѣлый, почтеннѣйшій вельможа согласился, въ тотъ же день поѣхалъ и предложилъ присутствію объ опредѣленіи меня.

Третій членъ, дѣйств. ст. сов. Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ (извѣстный изданіемъ «*Сіонскаго Вѣстника*») не соглашался было на опредѣленіе меня и не хотѣлъ подписать журнала, потому что прежде предлагаемыхъ имъ двухъ человѣкъ на эту должность правитель канцеляріи Никольскій не одобрилъ. Благодѣтель Евстафія Ивановича, А. С. Шишковъ спросилъ его, почему онъ не подписываетъ журнала. Лабзинъ, вмѣсто отвѣта, спросилъ его самого:

— Развѣ вы его знаете?

— Знаю, отвѣчалъ онъ: онъ хорошій человѣкъ.

Лабзинъ хотѣлъ меня лично увидѣть. Евстафій Ивановичъ прибѣжалъ за мною. Лабзинъ, распросивъ меня, почему я оставилъ службу въ губернскомъ правленіи, а перешелъ служить въ полицію, гдѣ мало могъ пріобрѣсть познанія, и оставшись доволенъ моимъ отвѣтомъ, сказалъ:

— Я согласенъ на принятіе васъ въ департаментъ.

Представили объ утвержденіи меня въ должности товарищу министра морскихъ силъ г-ну Чичагову Въ это время возвратился изъ Англіи садовникъ Слезакъ. М. И., призвавши меня, велѣлъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Украину, сказавши, что я уже до-

вольно насмотрѣлся въ Петербургѣ; но я просилъ его позволить мнѣ остаться въ Петербургѣ.

— Зачѣмъ? спросилъ онъ.

— Я ищу здѣсь опредѣлиться къ коронной должности.

— Куда? спросилъ онъ.

— Въ Государственный Адмиралтейскій Департаментъ.

— Кто тамъ первый членъ?

— Вице-адмиралъ Шишковъ, сказалъ я.

— Гм...онъ худо играетъ въ бостонъ; но я буду ему васъ рекомендовать, сказалъ М. И.

Тогда я, поблагодаря, сказалъ, что именно по его одобренію я уже представленъ г-ну Чичагову.

Такъ-то я чудеснымъ образомъ неожиданно былъ опредѣленъ въ Государственный Адмиралтейскій Департаментъ помощникомъ столоначальника по ученой части съ жалованьемъ 750 руб. асс. 16 февраля 1806 года и въ семъ опредѣленіи видѣлъ явный промыслъ Божій о мнѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЯТЬ ДОКУМЕНТОВЪ РОДА САВИЧЕЙ.

Широко развѣтвившійся нынѣ дворянскій родъ Савичей принадлежитъ къ числу наиболѣе старыхъ, при томъ чисто малороссійскихъ козачихъ родовъ. Многочисленнымъ потомкамъ сего рода и вошедшимъ съ нимъ въ родство другимъ родамъ интересно будетъ установить документально своихъ старѣйшихъ предковъ и ихъ первыя владѣнія. Въ основу сего и для начала помѣщаемъ здѣсь сообщенные намъ А. А. Савичемъ, въ числѣ другихъ, слѣдующіе пять документовъ.

I.

Запродажная запись на лѣсокъ козака Тумченка, проданный имъ панѣ Федковой и козаку Самохвалу, съ подписью писаря Саввы Тишевича. 1657 г.

Я Дмитро Тумченко, козакъ войска его королевской милости запорозского, чиню вѣдомо симъ моимъ листомъ, іжъ есмь продалъ сѣчь, а меновите ни Чумчицѣ, панѣ Федковой и пану Івану Самохвалу за осмь золотыхъ грошей монеты литовской, которой то сѣчи вѣчными часы нѣхто не маетъ упоминатся, а нѣ жона моя, а нѣ потомки мои, ни повинные мои не маютъ дѣла до тоей то сѣчи вышъ написаннои, и на що я даю сей мой листъ для лѣпшой вѣры и памяти тимъ выше написаннымъ людемъ, панѣ Федковой и пану Івану Самохвалу, козаку войска его королевской милости запорозского, и даю сей листъ съ подписомъ руки писаря, на то прошоного, Савы Тишевича, изъ витисненнемъ печати, и были при томъ люде добрые и вѣры годныи, а меновите Грицко Волошчакъ, атаманъ яблоновский, на тотъ часъ будучий, и Яцько Юшченко и Захария Мѣцний, козаки войска его королевской милости запорозского.—Писано на Росавѣ, року ҂АХПЗ (1657).

Сава Тишевичъ, писарь на то прошоный, рукою власною своею.

Запись на четвертушкѣ бѣлой бумаги, писана рукой Савы.

II.

Купчая на мельницу въ Батуринѣ, проданную Семену Савичу батуринскимъ жителемъ Бутченкомъ, вмѣстѣ съ хатою при ней, усадьбой и сѣножатью, въ выпискѣ изъ книгъ батуринскаго магистрата. 1692 г.

Выпись зъ книгъ меских ратуша батуринского.

Року тисеча шестсотъ деветьдесять второго, месеца декамврія тринадцятого дня.

Передъ нами Дмитріемъ Нестеренкомъ, сотникомъ, Гордѣемъ Хрисановичемъ, атаманомъ городовимъ, Лукяномъ Филоновичемъ войтомъ, Самуйломъ Григориевичомъ, бурмистромъ батуринскимъ, ставшио очевисто Ярмола Бутченко, мелникъ и житель батуринскый зъ жоною своею Агафиею, изъ поради тестя своего Опанаса Поддубного, ясне, явне и добровoлне, безъ жадного примушеня, сознал и до записаня въ книгы актъ нинешнихъ подалъ, ижъ продалъ власный свой камень робочий у млинѣ учасницкомъ, на рецѣ Сеймѣ стоячій, и на той-же скрипѣ ставидло порожное, сеножатъ, межею сеножати Грицихи Васюрихи, пляцъ изъ хатою там-же, ведле млина, стоячою, добра свои властніе, отчистие, никому нѣ въ чомъ не пенніе и въ жадной суммѣ не заведенніе, за певную сумму и готовіе гроши, южъ мовитъ, до рукъ моихъ отобранніе, то естъ за тысечу и шестсотъ золотыхъ лѣчбою полскою доброе монети, урожоному его мылости, пану Симеону Савичу, ему самому, жонѣ и потомкомъ ихъ на вѣчніе и непорушоніе часы: волно будетъ, вже и естъ, тимъ каминемъ и иншими добрами, вишей описанными, речоному посессоровѣ владѣти и приходи мелницкіе одбирати, и спокойне оние добра уживати, и оними шафовати, и кому хотячи продати, дати, даровати, записати и въ наемъ пустити, нѣкого зъ кревнихъ и повиноватихъ Ярмолиних и общихъ людей не варуючися, кгдижъ противъ кождого таковoго одзовци речоный продавца у кождого суду и права и на кождомъ мѣстцу, где тилко того потреба укажетъ, своимъ коштомъ и накладомъ боронити и евинковатъ симъ записомъ росписался, подъ закладомъ выни на таковаго турбатора тисечи золотихъ на тотъ урядъ, где-бы се справа тоя приточити мѣла, заплаченя и всѣхъ накладовъ и утратъ правнихъ нагороженя, а по отправѣ тыхъ

вынъ и накладовъ предце тотъ турбаторъ до тихъ проданихъ добръ жаднимъ правомъ и ниякою близкостю припущенъ бути не маетъ и мѣти не будетъ, еще и полрочному сидѣню у вязеню подпадати маетъ.

Притомніе тоей продажи будучіе: Стецко Чоусъ, Стефанъ Мѣзь, Демко Загорулченко.

Которое сознане при тихъ правнихъ варункахъ, за потребованемъ стороны, про память до книгъ нинешныхъ естъ записано, зъ которихъ и сей виписъ, подъ печатю мѣскою и зъ подписомъ руки писарское, естъ виданъ.

Леонтий Клищенко, писаръ мѣский батуринский.

(На оборотѣ выставлено такое заглавіе документа: «Право на млынъ батуринский бучковский»).

III.

Купчая на дворъ съ домомъ и огородомъ, проданной батуринскимъ жителемъ Тертичникомъ генеральному войсковому судьѣ Савѣ, въ выпискѣ изъ книгъ батуринскаго магистрата 1697 г.

Виписъ зъ книгъ мѣскихъ батуринскихъ.

Року Божого тисяча шестсотъ девятдесятъ семого, мѣсяця іануария двадцеть осмого дня.

Предъ нами Димитриемъ Нестеренкомъ, сотникомъ батуринскимъ, Гордѣемъ Хрисановичемъ, атаманомъ городовимъ, Лукяномъ Филоновичемъ, войтомъ, Самуйломъ Григориевичемъ, бурмистромъ и при многихъ зацнихъ и вѣри годнихъ людехъ ставши очевисте Каленикъ Тертичникъ, житель нашъ батуринскій, явне, ясне и доброволне и непримушоне созналъ, ижъ продалъ дворъ свой власный зъ пляцомъ, зъ будинкомъ и зъ огородцемъ, никому нѣ въ чомъ не заведеный и не пенный, заразъ за баштою Мигченскою на пробытой улицѣ, одъ межи двора зъ едной стороны Петра Безуглого, а зъ другой сторони Ивана Игнатенка, а въ тилу пана Михайловского, его милости пану Савѣ Прокоповичу, судіи войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого енералному, за певную сумму золотихъ сто и двадцетъ монети доброй лѣчбы литовской, которую сумму руками своими одлѣчивши, отобралемъ сполна отъ его милости пана судии енерального и у вѣчную посесию подалемъ тотъ дворъ. Волно его милости будетъ дать, даровать и, якъ хотѣти, на свой пожитокъ обер-

нути. А я самъ и жона моя и кревние, близкие и далекие, въ потомние часи интересоватися не повинны до преречоного двора, варую въ кождого суда и права, подъ виною золотихъ ста до шкатули войсковой на кождого турбатора. Теды мы урядъ вшименованый, чуючи доброволное сознане Каленика, велелисмо писаревѣ мѣскому батуринскому до книгъ мѣскихъ батуринскихъ записати и виписъ зъ книгъ мѣскихъ потребуючой сторонѣ зъ притисненемъ печати ратуша мѣского батуринского и съ подписомъ руки писарское видати. Дѣялося року и дня вишменованихъ.

Григорій Александровичъ, писаръ мѣскій батуринскій, рукою.

(На оборотѣ слѣдующая надпись: «Выпись зъ книгъ мѣскихъ батуринскихъ о продажѣ двора зъ пляцомъ, будинкомъ и огородомъ отъ Каленика Тертичника, жителя батуринского за Мѣтченскою брамою, недалеко отъ замку»).

IV.

Универсалъ гетмана Мазепы, подтверждающій вдовѣ генеральнаго войсковаго судьи Савы Иринѣ право владѣнія селами Кудровкою и Загоровкою. 1701 г.

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого государя нашого, его царского пресвѣтлого величества войска запорозкого гетманъ и славнаго чина святого Апостола Андрея кавалеръ, Іоанъ Мазепа.

Ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ всѣмъ обще и каждому зособна, кому о томъ вѣдати належитъ, а меновите всей старшинѣ и чернѣ войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого и всѣмъ малороссыйскимъ обывателемъ, ижъ просила насъ, гетмана, овдовѣлая пани Ірина Савина, жона небощика пана Савы, судiѣ нашого войскового енералного, недавно змерлого, абысмо двѣ селѣ, именно Кудровку и Заговорку зъ млинами, при нихъ будучими и инными належитостями, которіе небощикъ мужъ ее имѣлъ въ своемъ владѣнію, ненарушно при ней заховавши, зтвердили нашимъ гетманскимъ универсаломъ.

Мы пре то, гетманъ, склонившися на ее панее Савиной прозбу, выдаемъ сей нашъ потвержательный унѣверсалъ, позволяючи и даючи ей моцъ тыми помененными селами, зъ млинами при

нихъ будучими и инными належитостями, непорушно владѣти и такъ отъ подданыхъ обыклые роковые повинности и роботизни, яко зъ млиновъ и всѣхъ кгрунтовъ припадаючіе пожитки отбирати. А такъ, абы нихто зъ старшины и чернѣ жадной въ томъ ей панеи Савиной не чинилъ перешкоды, симъ-же нашимъ унѣверсаломъ пилно мѣти хочемъ и рейментарсковаруемъ, тако-жъ приказуемъ, абы всѣ помененныхъ селъ тяглые жители, кроми козаковъ, належитое подданское ей панеи Савиной во всемъ отдавали послушенство.—Данъ въ Батуринѣ 4-го февруарія дня 1701 року.

Звышъ менованный гетманъ, рука власная.

На оборотной сторонѣ документа такая помѣта: унѣверсалъ Мазепы гетмана на Кудровку и Загоровку панеи Іринѣ Савиновой Прокоповичовой, судіиной енеральной.

V.

Универсалъ гетмана Скоропадскаго съ подтвержденіемъ генеральному войсковому писарю Семену Савичу права владѣнія купленною имъ частью озера Самци и уступкою ему другой его части, принадлежавшей самому гетману. 1711 г.

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государя, его царскаго священнѣйшаго величества войска запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ, Іоаннъ Скоропадскій.

Его царского пресвѣтлаго величества войска запорожскаго пану полковникови нѣжинскому зъ старшиною его полковою, а особливе сотниковѣ новомлинскому, атамановѣ зъ товариствомъ, войтовѣ зъ урядомъ тамошнимъ и зо всѣми посполитими людми, такъ же села Устечка атамановѣ зъ товариствомъ и войтовѣ зъ посполитствомъ и кому колвекъ о томъ вѣдати належитъ, симъ нашимъ унѣверсаломъ ознаймуемъ, ижъ презентовалъ намъ гетманови панъ Семенъ Савичъ, писаръ войсковскій енеральний, купчий записъ, на урядѣ мѣскомъ новомлинскомъ справзенный на озеро, прозываемо Самцѣ, подъ селомъ Устечкомъ, въ сотнѣ новомлинской будучое, а одъ рѣки Сейму въ реку Десну свой протокъ и уступъ мѣючое, и просилъ такъ на тое купленное озеро нашего потверженя, яко

и о надане вновь тонѣ, въ томъ-же одномъ протоцѣ сполнѣ будучой, на насъ належной, Самцѣ жъ прозиваемой, рейментарского унѣверсалу. Мы теды, гетманъ слушному тому пана Семена Савича, писара войскового енералного, не отмовивши прошенію, а респектуючи на его уставичніе войсковые праци и труды на той писарской функціи ронячіеся, видаемъ сей нашъ унѣверсалъ, которого крѣпостію и повагою такъ тое купленное озеро Самцѣ ему ствержаемъ, яко и помянутую, на оное належную тоню, тамъ-же сполне будучую, въ зуполное его владѣніе надаемъ и конферуемъ. Вѣдаючи пре то всякъ о таковой волѣ нашой, абы нихто зъ старшины и чернѣ войсковыхъ и посполитихъ людей, а особливе дозорца и становничний озеръ нашихъ жадной въ ловленю зъ того озера Самцювъ, купленного и наданного, риби и въ волномъ и спокойномъ оного заживаню ему пану писару войсковому енералному не чинилъ перекшоди, препятія и трудности, а особливо бы новомлинскіе, тамошніе устечскіе и иншие околичніе жителѣ въ пререченомъ озерѣ жаднимъ способомъ, нѣ тайно, нѣ явно, ку шкодѣ его пана писара войскового енералного, риби ловити не важилися, мѣти хочемъ, сурово грозимъ и пилно подъ строкгимъ каранемъ приказуемъ.

Данъ въ Переяславлю, апріля 27, року (҂аѱа҃) 1711.

Звышъ мненованный гетманъ, рукою власною.

Такимъ образомъ родоначальниками Савичей были писарь, конечно, козачій, а первоначально вѣроятно простой козакъ, впослѣдствіи генеральный войсковой судья Сава, его жена Ирина и ихъ сынъ Семенъ, генеральный войсковой писарь, а первыя земельныя ихъ владѣнія были млинокъ въ Батуринѣ, съ хатою при немъ, потомъ дворъ съ будинкомъ тамъ же и дальше села Кудровка и Загоровка, въ частности у сына озеро Самци. Въ слѣдующей книжкѣ мы помѣстимъ реестръ движимаго имущества, которымъ подѣлились внуки Саввы и который покажетъ, какъ широко разрослись въ сто лѣтъ его козачіе пожитки.

Библіографія.

Michael von Zmygrodzki. Die Mutter bei den Völkern des arischen Stammes. München. 1886 (Михаилъ фонъ Змигродскій. Мать у народовъ арійскаго племени).

Область исторіи брачныхъ отношеній подверглась строгой научной разработкѣ, собственно говоря, въ очень недавнее время. Еще въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія *Фридрихъ фонъ Раумеръ*, издатель извѣстной карманной исторической книжки, обнародовавъ статью подъ заглавіемъ «Ueber Ehe und Familie» [1]), ограничился въ ней простымъ изложеніемъ фактовъ изъ области брачной жизни некультурныхъ и отчасти культурныхъ народовъ, посвятивъ всю остальную теоретическую часть статьи аналогіи единоженства и сдѣлавъ мимоходомъ лишь одно, слабое впрочемъ, обобщеніе о существованіи трехъ формъ брака: моногаміи, полигаміи и поліандріи. Но и гораздо позже, въ концѣ 50-хъ годовъ, д-ръ *Унгеръ*, предпринявъ изслѣдованіе всемірно-историческаго развитія брака [2]), счелъ достаточнымъ свести это изслѣдованіе на приложеніе историко-философской концепціи Гегеля о всемірномъ духѣ къ сферѣ брачныхъ отношеній народовъ, бывшихъ носителями этого духа въ процессѣ его самопознанія. Только съ 60-хъ годовъ, со времени появленія блестящихъ обобщеній *Баховена* (1861) и *Макъ-Леннана* (1856), можно считать, что изученіе исторіи брачныхъ отношеній выступило на вполнѣ научную реально-соціологическую почву. Съ тѣхъ поръ научная разработка этого вопроса идетъ непрерывно въ трудахъ такихъ ученыхъ, какъ

---

[1]) Histor. Taschenbuch. Leipz. 1883.

[2]) Русскій переводъ появился въ 1885 г. подъ наименованіемъ: „Бракъ въ его всемірно-историческомъ развитіи". Кіевъ.

Дж. *Леббокъ* [1]), Лев. *Морганъ* [2]), Гер. *Спенсеръ* [3]), Альб. *Постъ* [4]), *Жиро-Тёлонъ* [5]) и др. Правда, до сихъ поръ въ этой области установлены пока однѣ лишь гипотезы (хотя, впрочемъ, выражаясь словами проф. Ковалевскаго, гипотезы въ высшей степени правдоподобныя), однако съ каждымъ новымъ изслѣдованіемъ все болѣе и болѣе накопляется индуктивныхъ подтвержденій этихъ гипотезъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ все болѣе и болѣе приближаются къ строго научнымъ теоріямъ. Сверхъ некультурныхъ народовъ, дающихъ обильный матеріалъ для утвержденія сихъ гипотезъ, къ изслѣдованію были привлекаемы и народы культурные. Самъ Баховенъ свое знаменитое сообщеніе объ эпохѣ материнскаго права основалъ главнымъ образомъ на фактахъ, почерпнутыхъ изъ жизни народовъ древняго міра, какъ греко-романскихъ, такъ и восточныхъ. Послѣ него были сдѣланы попытки приложенія его обобщенія и къ новымъ народамъ индо-германской вѣтви. Къ сожалѣнію менѣе всего привлекались къ этому сравнительно-этнографическому изслѣдованію народы славянскіе. Мы говоримъ къ сожалѣнію потому, что изъ всѣхъ почти европейскихъ народовъ арійскаго корня народы славянскіе хранятъ въ своей жизни наибольшее количество остатковъ глубокой старины. Тѣмъ съ большимъ интересомъ останавливаемся мы на трудахъ, стремящихся восполнить этотъ пробѣлъ, а къ числу таковыхъ трудовъ и принадлежитъ трудъ г. Змигродскаго, полное заглавіе котораго мы выписали выше.

Впрочемъ, это не давало-бы еще права замѣткѣ о трудѣ г. Змигродскаго претендовать на мѣсто въ журналѣ, посвященномъ исторіи южной Руси, если-бы фактамъ изъ жизни малорусскаго народа не было отведено въ немъ первенствующее мѣсто въ ряду фактовъ изъ жизни другихъ славянскихъ народовъ. Подобное предпочтительное вниманіе, оказываемое авторомъ малорусскому народу, помимо частныхъ причинъ, каковы личныя симпатіи автора и большее, по собственному его

---

1) Начало цивилизаціи. Спб. 1876.

2) Systems of consanguinity of the human family (пом. въ 17-мъ томѣ Smithsonian Contributions of knowledge, 1871) и др. Сочиненіе Моргана о древнемъ обществѣ переведено въ текущемъ году на польскій языкъ подъ заглавіемъ: „Spoleczeństwo perwotne etc.“ Варш. 1887.

3) Основанія соціологіи. Спб. 1877.

4) Die Geschechtsgenossenschaft der Urzeit. Oldenb. 1875.

5) Les origines du mariage et de la famil. Gen. 1884 г. и др. болѣе раннія произведенія. Одно изъ сихъ послѣднихъ, а именно: „О происхожденіи семьи“, переведено на русскій языкъ и издано ред. журн. „Знаніе“ въ 70-хъ годахъ.

сознанію, знакомство съ жизнью Украины, обусловливается еще и всѣмъ планомъ его работы.

Сочиненіе г. Змигродскаго состоитъ, собственно говоря, изъ трехъ главнѣйшихъ частей. Первая часть, составляющая введеніе и обнимающая собою 32 §§ (93 стр.), посвящена разсмотрѣнію арійскаго и скиѳскаго вопросовъ въ ихъ отношеніи къ славянамъ; вторая, обнимающая 210 §§ (257 стр,), составляетъ ядро всего сочиненія, въ ней и заключается основное изслѣдованіе автора о матери у народовъ индо-германскаго корня, и наконецъ третья часть, обнимающая 31 §§ (52 стр.) и составляющая собственно заключеніе, содержитъ въ себѣ опытъ разрѣшенія авторомъ материнскаго вопроса. Главное наше вниманіе мы обратимъ на вторую найболѣе важную часть сочиненія. Изложеніемъ содержанія послѣдней части, носящей скорѣе публицистическій, чѣмъ научный характеръ и въ которой авторъ занимается между прочимъ такими вопросами, какъ вопросъ о «генералахъ въ юбкѣ» (собственное выраженіе его), мы не считаемъ себя въ правѣ занимать вниманіе читателей. Что же касается первой части, то въ виду ея самаго общаго значенія для вопросовъ, связанныхъ съ исторіею малорусскаго народа, мы считаемъ достаточнымъ ограничиться лишь краткимъ изложеніемъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ приходитъ авторъ. Съ разсмотрѣнія этой части мы и начнемъ нашъ обзоръ.

По мнѣнію г. Змигродскаго, основанному на изслѣдованіи характера и нравовъ украинскаго народа, а равнымъ образомъ на филологическихъ розысканіяхъ и изслѣдованіи славянскихъ, по преимуществу опять таки малорусскихъ, сказокъ, славяне покинули азіатскую прародину и заняли теперешнія свои мѣстообиталища въ Европѣ, будучи уже народомъ земледѣльческимъ (38, 87). Выселились они съ восточной родины своей противъ воли, по принужденію (38), гонимые соціальной борьбой (44), подобно тому, какъ и нынѣ эта борьба гонитъ европейскихъ эмигрантовъ на материкъ Америки. Авторъ старается даже опредѣлить по возможности точно время этого переселенія. Съ этою цѣлью онъ предпринимаетъ съ одной стороны изслѣдованіе того отношенія, въ которое могутъ быть поставлены предки нынѣшнихъ славянъ къ скиѳамъ (45), а съ другой опредѣленіе давности пребыванія въ Европѣ литовцевъ.

По послѣднему вопросу онъ думаетъ, что литовцы пребывали въ теперешней ихъ области еще до Геродота и до скиѳскаго переселенія (85). Что-же касается перваго вопроса, то по мнѣнію г. Змигродскаго собственно скиѳами было кочующее племя ихъ, тѣ-же рабы, которыхъ они употребляли для обработки полей и продавали въ Грецію, было пле-

мя осѣдлое и земледѣльческое, это были дѣйствительные арійцы, остатки киммеріанъ и треровъ (67). Въ послѣдствіи времени оба эти племени смѣшались, кочующіе скиѳы аріизировались, разница между земледѣльцами рабами (киммеріане) и кочующими владыками (скиѳами) совершенно стушевалась и изъ нихъ образовался одинъ народъ (70). Этому сплоченію въ особенности содѣйствовало господство готовъ, гунновъ, аваровъ, монголовъ и наконецъ татаръ (71).

Такимъ образомъ, принявъ во вниманіе, „что литовцы еще до Геродота занимали свое теперешнее мѣстообиталище и что скиѳы-*земледѣльцы* были арійцы и именно остатки изгнанныхъ киммеріанъ", авторъ считаетъ себя въ правѣ прійти къ заключенію, что „все арійское племя, изъ котораго въ теченіи времени возникли отдѣльные славянскіе народы, переселилось въ Европу приблизительно въ одно и тоже время (86), и даже болѣе, что „одновременно-же совершилось переселеніе арійцевъ какъ сѣверо-восточной, такъ и южной Европы" (89).

Путь, которымъ этотъ первобытный арійскій народъ прибылъ въ Европу, лежалъ, по мнѣнію г. Змигродскаго, вблизи нынѣшняго Константинополя, откуда часть арійцевъ направилась къ сѣверу отъ балканскаго хребта, а другая часть спустилась въ Грецію (90).

Такъ г. Змигродскій разрѣшаетъ вопросы скиѳскій и арійскій. Покончивъ съ ними, онъ переходитъ къ возсозданію той культурной ступени, на которой стояли первобытные арійцы Европы (97), что даетъ ему возможность перейти уже непосредственно къ намѣченной имъ цѣли, т. е. къ изслѣдованію материнскаго вопроса у народовъ индо-германскаго корня. Для возсозданія культурнаго состоянія первобытныхъ арійцевъ Европы г. Змигродскій считаетъ необходимымъ сравнить сказки и нравы, совмѣстно съ различными суевѣріями, по крайней мѣрѣ двухъ племенъ и останавливается для этого на германцахъ и славянахъ (97), присовокупивъ сюда и бретонцевъ. Дабы произвести это сравненіе съ возможно большей пользой, онъ избираетъ четыре этнологическія станціи: французскую Бретань, Баварію, краковскій округъ и *Украйну* (собственно правый берегъ Днѣпра), пункты, въ которыхъ, по мнѣнію его, изслѣдователь въ правѣ разсчитывать встрѣтиться съ наименѣе помутившимися и наименѣе испорченными рукою всесокрушающаго времени арійскими преданіями, такъ какъ «во всѣхъ этихъ пунктахъ живетъ населеніе, основными чертами характера котораго является сила, упрямство, доходящее до упорства и своенравія, а все это ведетъ къ замкнутости по отношенію всѣхъ другихъ націй, хотя-бы и родственныхъ по крови» (98), и несомнѣнно благопріятствуетъ найболѣе долгому выживанію стародавнихъ преданій.

Мы не станемъ разбирать, насколько цѣлесообразно поступаетъ авторъ, выбирая въ качествѣ этнографическихъ станцій именно указанные имъ четыре пункта; замѣтимъ только, что дѣйствительно существующая въ извѣстной степени замкнутость малорусскаго народа, по сравненію напримѣръ съ великорусскимъ, значительно преувеличена имъ, когда онъ говоритъ наприм., что украинскій поселянинъ лишь себя одного считаетъ человѣкомъ, лишая этого почетнаго званія представителей всѣхъ другихъ національностей и сословій (44, 102), и за симъ перейдемъ, вслѣдъ за авторомъ, къ главной части его труда, собственно къ изслѣдованію материнскаго вопроса у арійцевъ.

„Вся сумма нашихъ народныхъ преданій,—такъ начинаетъ г. Змигродскій эту часть своего изслѣдованія,—вращается главнымъ образомъ около двухъ пунктовъ: 1) противоположности добра и зла и 2) семьи. «Для всѣхъ другихъ жизненныхъ явленій мы не въ состояніи указать, продолжаетъ онъ, на такое количество и съ такого заботливостью очерченныхъ преданій, какъ въ отношеніи семьи. Брачное состояніе, чистое отношеніе двухъ половъ—не съ цѣлью чувственнаго наслажденія, а ради продолженія рода человѣческаго,—вотъ тотъ базисъ, на которомъ покоится важнѣйшая часть нашего первобытнаго міросозерцанія. Самый свѣтлый пунктъ въ послѣднемъ принадлежитъ матери, и вотъ причина, заключаетъ г. Змигродскій, почему я избралъ этотъ пунктъ исходнымъ при моихъ детальныхъ изслѣдованіяхъ въ области народныхъ преданій“ (109, 110).

Выяснивъ затѣмъ свой взглядъ на исторію развитія брачныхъ отношеній и принявъ схему д-ра Баховена, согласно которой въ исторіи семьи и брака должно различать три эпохи: 1) эпоху гэтеризма (Hetärismus), 2) эпоху материнскаго права (Mutterrecht) и 3) эпоху права отцовскаго (Vaterrecht) (239), г. Змигродскій обращается къ разысканію въ существующихъ народныхъ нравахъ и преданіяхъ остатковъ сихъ эпохъ или, вѣрнѣе, первыхъ двухъ. Съ этого момента мы постараемся по возможности подробнѣе входить въ разсмотрѣніе изслѣдованія автора.

Характерной чертой первой эпохи г. Змигродскій считаетъ полное подчиненіе женщины мужчинѣ и вытекающую отсюда верховную власть послѣдняго надъ первой (245), переходящую въ простое насиліе, почему эпоху гэтеризма онъ именуетъ иногда эпохой насилія (die Gewaltepoche) (250). Этой эпохѣ насилія онъ считаетъ присущимъ какъ похищеніе дѣвицъ (ib.), такъ и покупку женъ (ib.). Исходя изъ этого, онъ признаетъ свидѣтельствами въ пользу существованія у славянъ эпохи гэтеризма: 1) какъ отголосокъ черты *насилія*—польское выраженіе „pojąć żonę“, соотвѣтствующее малорусскому „поняти“ (245), 2) ясные слѣды

покупки женъ, сохранившіеся въ малорусской свадебной обрядности и особенно ярко выступающіе въ извѣстной пѣснѣ:

Татаринъ братъ, татаринъ
Продавъ сестру за таляръ и пр.

и 3) *умычку* у древлянъ и др. племенъ русскихъ славянъ, а равно остатки похищенія въ нынѣшнихъ свадебныхъ обрядахъ южныхъ славянъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію сихъ примѣровъ, мы принуждены сказать, что г. Змигродскій, отмѣтивъ *насиліе* мужчинъ надъ женщинами какъ черту, характеризующую стадію гэтеризма, не достаточно, вѣроятно, уяснилъ себѣ основной характеръ эпохъ въ схемѣ Баховена, по крайней мѣрѣ мы можемъ это сказать объ эпохѣ гэтеризма. Намъ думается, что въ этомъ случаѣ онъ принялъ несущественное за главное и частное за общее. Насиліе мужчины надъ женщиной, обусловленное физическимъ преимуществомъ перваго, составляетъ слишкомъ общее явленіе, чтобы его возможно было принять за характерную черту той или другой эпохи: несомнѣнно существовавшее въ первобытную эпоху брачныхъ отношеній, носившихъ на себѣ живые слѣды близости человѣка къ міру животныхъ, оно продолжаетъ существовать и въ эпоху отцовскаго права, являясь какъ яркое явленіе и понынѣ у многихъ африканскихъ, американскихъ и полинезійскихъ народовъ, давно пережившихъ первоначальныя ступени брака.

Точно также едва-ли правильно будетъ считать присущими, а въ особенности исключительно, эпохѣ гэтеризма и два остальныя указываемыя авторомъ явленія. О *покупкѣ женъ* мы уже не говоримъ. Что подобная покупка принадлежитъ эпохѣ позднѣйшей и предполагаетъ значительное, по сравненію съ первобытнымъ состояніемъ, развитіе человѣчества и осуществленіе въ общественно-экономической жизни цѣлаго ряда весьма сложныхъ измѣненій, лишь при наличности которыхъ возможно возникновеніе и существованіе столь сложнаго сравнительно экономическаго явленія, какъ купля-продажа, это едва-ли нуждается въ какихъ-либо особыхъ доказательствахъ. Но и относительно *похищенія женъ* мы должны сказать, что хотя по времени этотъ способъ пріобрѣтенія женъ и предшествуетъ способу пріобрѣтенія ихъ при посредствѣ купли, однако-же умычка, какъ показываютъ факты, можетъ сосуществовать не только съ эпохой гэтеризма, но и съ эпохой отцовскаго права, что мы и видимъ у многихъ народовъ Новаго и Стараго свѣта, въ томъ числѣ и у славянъ (южныхъ).

Такимъ образомъ приведенные выше три примѣра, по нашему мнѣнію, никоимъ образомъ не могутъ считаться *несомнѣнными* свидѣтельствами существованія нѣкогда у славянъ эпохи гэтеризма.

Послѣдующіе два примѣра, приводимые авторомъ, также относятся имъ къ числу памятниковъ этой эпохи, какъ пережитой славянами и въ частности малоруссами. Но, къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ нимъ. Помимо спеціальныхъ соображеній, о которыхъ будетъ говорено ниже при разсмотрѣніи самихъ примѣровъ, есть соображенія характера болѣе общаго, препятствующія видѣть въ нихъ примѣры остатковъ первоначальнаго гэтеризма.

Первобытное состояніе человѣчества было состояніемъ господства во всѣхъ областяхъ жизни грубаго *факта*, а слѣдовательно и въ сферѣ брака господствовалъ тотъ-же голый фактъ, ничѣмъ не регулируемыя, никакой нормой не опредѣляемыя половыя сношенія. Лишь послѣ смѣны многихъ поколѣній, при условіи существованія болѣе или менѣе продолжительной *традиціи*, возможна была выработка какихъ-либо нормъ, какого-либо *обычая*. Весь періодъ, прожитый человѣчествомъ до выработки обычая, именно въ силу того обстоятельства, что онъ былъ періодомъ господства не обычая, а простаго факта, естественно не могъ оставить по себѣ въ послѣдующихъ культурныхъ пластахъ никакихъ этнографическихъ слѣдовъ. Единственно, что могло остаться отъ этой эпохи,—это смутное о ней вспоминаніе, продолжающее жить въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, какъ далекое преданіе о глубокой сѣдой старинѣ. Вотъ почему и отъ первобытной эпохи брачныхъ отношеній, какъ эпохи *безпорядочнаго, не регулируемаго никакими обычаями половаго смѣшенія*, не могло, по нашему мнѣнію, остаться ни символовъ, ни обычаевъ, а потому и безполезно искать подобныхъ остатковъ въ существующей народной жизни. Единственный остатокъ этой эпохи, но и то какъ смутное о ней воспоминаніе, мы согласны, пожалуй, видѣть въ такихъ преданіяхъ народовъ, какъ преданія о времени установленія института брака (Кекропсъ, Менесъ, Фуги и др.), хотя впрочемъ не можемъ не замѣтить, что подъ временемъ, «когда брака еще не было», въ упомянутыхъ преданіяхъ можно подразумѣвать и время господства коммунальной формы брака, подобно тому какъ и въ нашемъ лѣтописномъ преданіи бракъ радимичей, вятичей и другихъ племенъ, носившій на себѣ свѣжіе слѣды брачнаго коммунизма, не считается бракомъ.

Такимъ образомъ, если подъ эпохой гэтеризма понимать, какъ это справедливо дѣлаетъ г. Змигродскій, состояніе совершенно *неурегулированныхъ* отношеній между полами, т. е. эпоху господства не обычая, а простаго факта, то мы должны признать, что эта эпоха не могла оставить по себѣ слѣдовъ ни въ видѣ обычая (какъ явленіе „покрытки" въ первомъ изъ разсматриваемыхъ авторомъ примѣровъ), ни въ

видѣ символовъ (какъ обрядовое расплетенiе косы въ малорусской свадьбѣ во второмъ примѣрѣ его).

Но обратимся къ самымъ примѣрамъ.

«На Украйнѣ, говоритъ авторъ, собственно говоря, не можетъ быть рѣчи о соблазнѣ дѣвушки въ средѣ поселянъ, такъ какъ соблазнитель прекрасно знаетъ, что въ концѣ концовъ онъ долженъ жениться на соблазненной» (246, 247). Это даетъ начало „соцiальному учрежденiю" *покрытки*. Лишь только станетъ извѣстнымъ паденiе дѣвушки, старыя женщины „въ полномъ молчанiи" снимаютъ съ нея дѣвическiя украшенiя, обрѣзаютъ косу и покрываютъ ее женскимъ платкомъ. Затѣмъ совѣтъ «старыхъ людей» призываетъ соблазненную и всѣми мѣрами, не исключая и побоевъ, старается узнать отъ нея имя соблазнителя. Разъ послѣднiй обнаруженъ, онъ долженъ жениться на соблазненной имъ дѣвушкѣ. «Главная мысль этого обычая, говоритъ г. Змигродскiй, слѣдующая: *дитя не должно оставаться безъ законнаго отца*, коль скоро онъ можетъ быть отысканъ. Вспомнимъ тотъ ливiйскiй и скиѳскiй обычай, продолжаетъ онъ далѣе, согласно которому также каждое дитя должно было имѣть отца и согласно которому этотъ послѣднiй опредѣлялся по сходству лица. Главная мысль одна и та же, только форма иная. У скиѳовъ форма соотвѣтствуетъ гэтеризму первой эпохи, въ Украйнѣ-же она образовалась на почвѣ материнскаго права» (248, 249). При свадьбѣ «покрытки», по свидѣтельству г. Змигродскаго, свадебный ритуалъ сокращенъ почти на половину, приближаясь въ этомъ отношенiи къ свадебному ритуалу вдовы и «чѣмъ дальше, говоритъ онъ, мы будемъ уходить въ глубь прошедшаго, чѣмъ больше будемъ подходить къ той эпохѣ, когда бракъ заключался при помощи простаго *захвата* и принужденiя, тѣмъ больше и больше мы будемъ встрѣчать въ немъ сокращенiй». «Покрытка есть явленiе, сохранившееся въ материнской эпохѣ отъ эпохи насилiя» (249).

Такъ авторъ смотритъ на явленiе «покрытки». Перейдемъ къ другому его примѣру—*обрядовому расплетенiю косы*. «Во время дѣвичника въ Польшѣ и во многихъ мѣстахъ Германiи, говоритъ онъ, совершаютъ обрядовое расплетенiе косы невѣсты. На Украйнѣ существуютъ даже предписанныя пѣсни, которыя должно при этомъ пѣть». По мнѣнiю его, «это обрядовая проституцiя первой ночи вступленiя въ бракъ, которая при переходѣ отъ первой ко второй эпохѣ семьи замѣнилась символомъ... Волосы, коса повсюду издавна являются символами женственности (der Weiblichkeit. Вѣроятно авторъ хотѣлъ сказать «der Jungfräulichkeit—дѣвства)... Жертва волосъ имѣетъ значенiе возмѣщенiя жертвы собственною личностью» (252).

Только что приведенныя объясненія г. Змигродскимъ двухъ указанныхъ обычаевъ заставляютъ насъ еще болѣе укрѣпиться въ высказанномъ уже нами мнѣніи о нѣкоторой неясности въ представленіяхъ автора объ эпохѣ гэтеризма.

Д-ръ Баховенъ, предложившій упомянутую выше схему генезиса брачныхъ отношеній, понималъ подъ гэтеризмомъ состояніе совершенно неурегулированныхъ отношеній между полами, то, что англійскіе соціологи удачнѣе называютъ состояніемъ «безпорядочнаго половаго смѣшенія» (promiscuity). Однако большинство примѣровъ, приведенныхъ Баховеномъ для доказательства существованія нѣкогда подобной эпохи, свидѣтельствуетъ въ сущности не въ пользу гэтеризма, состоянія отсутствія какихъ-либо *нормъ* въ сферѣ брачныхъ отношеній, а въ пользу брачнаго состоянія, уже подчиненнаго извѣстнымъ обычаямъ и нормамъ. Ближайшее изученіе сихъ нормъ склонило многихъ изслѣдователей брака признать ихъ за нормы брачнаго коммунизма, такого состоянія брачныхъ отношемій, когда всѣ мущины даннаго племени считались состоящими въ супружествѣ со всѣми женщинами того-же племени и когда можно было говорить о правѣ всѣхъ мущинъ племени на всѣхъ женщинъ его и vice versa. Такъ появилась гипотеза брачнаго коммунизма въ сферѣ отношеній между полами, иногда именуемая (Лёббокъ) гипотезой «коммунальнаго брака». Г. Змигродскій не различаетъ этихъ двухъ ступеней въ исторіи развитія брака (эпохи безпорядочнаго половаго смѣшенія и эпохи брачнаго коммунизма), а между тѣмъ при толкованіи двухъ приведенныхъ обычаевъ онъ незамѣтно самъ становится на почву гипотезы брачнаго коммунизма.

Одно изъ положеній этой гипотезы состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что эпоха перехода отъ брачнаго коммунизма къ типу индивидуальнаго брака дала начало многимъ явленіямъ, составляющимъ какъ-бы переходныя звѣнья между этими двумя формами брачныхъ отношеній. Къ числу такихъ явленій относится и явленіе брачнаго коммунизма, ограничиваемаго постепенно какъ во времени, такъ и въ пространствѣ, однимъ изъ видовъ котораго является такъ называемый гэтеризмъ первой брачной ночи. Съ точки зрѣнія этого-то гэтеризма г. Змигродскій и пытается объяснить обычай обрядоваго расплетенія косы, видя въ немъ, какъ указано выше, обрядовую проституцію первой ночи вступленія въ бракъ. Ошибка, въ которую онъ впадаетъ въ данномъ случаѣ, до странности изумительна. Тотъ видъ проституціи первой ночи, который онъ имѣетъ въ виду, состоитъ да и можетъ только состоять въ томъ, что новобрачная даритъ свои ласки всѣмъ или нѣкоторымъ (при послѣдующихъ формахъ упадка обычая) свадебнымъ гостямъ, но, само

собою разумѣется, гостямъ-*мущинамъ*. Этотъ существенный признакъ долженъ непремѣнно удерживаться и при замѣнѣ реальнаго дѣйствія символомъ, напр. поцѣлуемъ или танцами. Между тѣмъ обрядовое расплетеніе косы въ малорусской свадьбѣ совершается *женщинами*. Этого одного обстоятельства совершенно достаточно, чтобы отвергнуть всякую связь этого обычая съ помянутымъ гэтеризмомъ первой брачной ночи. Смыслъ обычая, какъ намъ кажется, крайне простъ и ясенъ: коса есть символъ дѣвичества, подобно вѣнку, и естественно, что какъ снятіе вѣнка, такъ и расплетеніе косы знаменуетъ собою выходъ новобрачной изъ состоянія дѣвичества въ брачную жизнь. Но если въ данномъ случаѣ расплетеніе косы не стоитъ ни въ какой связи съ гэтеризмомъ первой брачной ночи, то, говоря вообще, по существу оно не заключаетъ въ себѣ никакихъ препятствій къ превращенію въ символъ подобнаго гэтеризма. Интересный примѣръ такого превращенія мы можемъ наблюдать съ другимъ символомъ дѣвичества—*вѣнкомъ*.

Какъ извѣстно, явленія гэтеризма, связаннаго съ первой брачной ночью, не ограничиваются лишь тою формою, въ которой мы наблюдаемъ обязательное сообщеніе новобрачной со свадебными гостями предварительно сожительства ея съ женихомъ. Въ числѣ другихъ формъ интересная форма наблюдается у негритянскаго племени Como. У этого племени, по свидѣтельству Эндемана, послѣ свадьбы женихъ и невѣста вмѣстѣ съ кхопіана (дружки и дружбы, парни и дѣвушки) отправляются въ темную хижину, гдѣ и предаются всѣ вмѣстѣ безпорядочному половому сожитію [1]. Видоизмѣненіе этого обычая въ простой символъ мы видимъ въ слѣдующемъ обрядовомъ дѣйствіи, имѣющемъ мѣсто на русинской свадьбѣ, при плетеніи вѣнковъ. Послѣ того, какъ попотчуютъ всѣхъ, дружка беретъ вѣнокъ и кладетъ на голову «княгинѣ», а дружба немного танцуетъ съ ней. Затѣмъ дружба сплетаетъ другой вѣнокъ и *всѣ дѣвушки по очереди кладутъ его на мгновеніе себѣ на голову* [2]. Здѣсь снятіе вѣнка=coitus'у. Среднее промежуточное звѣно мы встрѣчаемъ въ одномъ обыкновеніи, сохранившемся въ ставропольской губерніи, гдѣ въ день дѣвичника послѣ пирушки, на которую приглашаютъ молодыхъ дѣвушекъ и парубковъ, всѣ ложатся спать, женихъ съ невѣстой, а парубки съ прочими дѣвицами [3].

Итакъ, примѣръ обрядоваго расплетенія косы, по нашему мнѣнію, не имѣетъ ничего общаго съ гэтеризмомъ первой брачной ночи и ни-

---

1) Post. Die Geschlachtsgenossenschaft der Urzeit, s. 32.

2) Основа, 1862, IV, Русиньске весилля надъ Збручемъ, стр. 6.

3) Якушкинъ. Обычное право.

коимъ образомъ не можетъ почитаться остаткомъ не только эпохи гэтеризма, т. е. состоянія безпорядочнаго половаго смѣшенія, но и эпохи коммунальнаго брака.

Перейдемъ къ слѣдующему примѣру, приводимому г. Змигродскимъ, а именно къ явленію «покрытки». Какъ было уже сказано выше, «покрытку» г. Змигродскій считаетъ явленіемъ, сохранившимся въ материнской эпохѣ отъ эпохи гэтеризма или, по его терминологіи, эпохи насилія. Принадлежащимъ этой эпохѣ въ явленіи «покрытки» онъ считаетъ сокращеніе свадебнаго ритуала, при выходѣ покрытки замужъ, почти на половину, какъ это бываетъ при свадьбѣ вдовы (249). Это сокращеніе свадебнаго ритуала, по мнѣнію автора (см. выше), есть остатокъ отъ того времени (эпохи гэтеризма), когда свадебный обрядъ еще отсутствовалъ и замѣнялся простымъ захватомъ и принужденіемъ. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ г. Змигродскій прибѣгнулъ къ слишкомъ искусственному объясненію. Не говоримъ уже о томъ, что даваемое имъ толкованіе, достаточное для объясненія явленія сокращенія свадебнаго ритуала при вѣнчаніи покрытки, совершенно непригодно для объясненія однороднаго явленія при вѣнчаніи вдовы,—сокращеніе свадебной обрядности при вѣнчаніи покрытки, на нашъ взглядъ, находитъ себѣ болѣе простое и естественное объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что какъ вдова, такъ и покрытка *завѣдомо* лишены необходимаго аттрибута первобрачной, т. е. дѣвства, а около него-то именно и вращается большая часть свадебныхъ дѣйствій. Къ сожалѣнію мы не можемъ съ увѣренностью настаивать на предложенномъ нами объясненіи, такъ какъ авторъ не указываетъ, въ какихъ именно частяхъ наблюдается сокращеніе свадебнаго ритуала при вѣнчаніи «покрытки», намъ-же лично не случалось ознакомиться съ этимъ ритуаломъ ни въ жизни, ни въ литературѣ. Съ бóльшей опредѣлительностью можно высказаться относительно неудовлетворительности толкованія авторомъ другой отличаемой имъ стороны въ томъ-же явленіи «покрытки». Мы имѣемъ въ виду указываемую авторомъ обязательную женитьбу соблазнителя на соблазненной, въ основѣ которой, по мнѣнію его, лежитъ та мысль, что дитя не должно оставаться безъ законнаго отца. Читатель помнитъ, что этотъ обычай г. Змигродскій сближаетъ съ ливійскимъ и скиѳскимъ обычаями распредѣленія дѣтей. Здѣсь опять выступаетъ то смѣшеніе авторомъ эпохъ гэторизма и брачнаго коммунизма, о которомъ мы говорили выше. По видимому авторъ имѣетъ въ виду слѣд. свидѣтельство Nicolaus'a о либурнахъ: «либурны владѣютъ своими женами сообща и сообща-же воспитываютъ всѣхъ дѣтей до пятилѣтняго возраста. На шестой годъ они собираютъ ихъ, опредѣляютъ ихъ сходство съ мущи-

нами и по нему надѣляютъ каждаго отцомъ. Кто такимъ образомъ получаетъ отъ матери мальчика, тотъ смотритъ на него, какъ на своего сына» (cit. у Баховена, 20). Тоже относительно агафирсовъ у Геродота, 4, 104,

Здѣсь мы видимъ съ одной стороны ясный прирѣръ брачнаго коммунизма, сопровождаемаго общиннымъ воспитаніемъ дѣтей, съ другой-же разложеніе этого строя общественной жизни идеей отцовства: подъ вліяніемъ этой идеи, вырабатывающей убѣжденіе, что дитя не должно оставаться безъ законнаго отца, исходитъ *индивидуализація* дѣтей, наблюдаемая у скиѳовъ и либурновъ. Поэтому, допуская, что въ основѣ обычая обязательной женитьбы соблазнителя на соблазненной лежитъ признаваемая г. Змигродскимъ мысль, мы совершенно не понимаемъ, какимъ образомъ эта мысль, вытекающая изъ чистой идеи отцовства, можетъ дать начало обычаю, въ которомъ-бы отражалось метеринское право.

Но намъ кажется, что для объясненія «бытующаго», по словамъ автора, на Украйнѣ упомянутаго обычая нѣтъ нужды отыскивать какихъ-либо соціологическихъ основаній: наблюдаемое въ этомъ обычаѣ обязательное, такъ сказать, покрытіе грѣха можетъ, да вѣроятно и въ дѣйствительности обусловливается простыми этическими понятіями народа, совершенно исключающими явленіе соблазна. Во всякомъ случаѣ въ фактѣ обязательнаго покрытія грѣха законнымъ бракомъ нельзя не видѣть высокаго уваженія малорусскаго народа къ цѣломудрію, едва-ли имѣющаго что-либо общее съ эпохой гэтеризма, совершенно равнодушной къ этому, столь высоко цѣнимому нами въ женщинѣ, качеству.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію указываемыхъ г. Змигродскимъ въ существующихъ обычаяхъ и преданіяхъ малорусскаго народа слѣдовъ материнской эпохи.

Эпоха материнскаго права, вторая указанная д-ромъ Баховеномъ генеральная стадія въ исторіи развитія семьи и брака, характеризуется высокимъ соціальнымъ положеніемъ женщины и тѣмъ преимущественнымъ въ системѣ семейно-родственныхъ отношеній значеніемъ ея, которое даетъ начало съ одной стороны своеобразной системѣ наслѣдованія по женской линіи, а съ другой своеобразному складу семьи (противоположному типу патерфамиліальному), при которомъ отецъ играетъ совершенно пассивную и второстепенную роль, а юридическое, въ отношеніи дѣтей, мѣсто его занимаетъ братъ матери, т. е. дядя съ материнской стороны. Исходя изъ этихъ характерныхъ чертъ общественнаго

состоянія, отмѣченнаго господствомъ материнскаго права, г. Змигродскій указываетъ слѣдующіе четыре остатка этой эпохи въ быту современныхъ малоруссовъ:

1) неупоминаніе отца въ свадебныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ и второстепенное значеніе отцовскаго благословенія [1]) (263),

2) почетное привѣтствіе взрослыхъ мужчинъ наименованіемъ «дядько» и женщинъ именемъ «титка» (265),

3) ограниченіе соціальныхъ правъ холостыхъ, выражающееся напр. въ лишеніи ихъ права голоса въ совѣтѣ стариковъ (264), и

4) обычай перевоза бабки-повитухи изъ дома, гдѣ она воспринимала ребенка, въ шинокъ на другой день послѣ рожденія.

Еще Кавелинъ въ своемъ разборѣ сочиненія г. Терещенка: «Бытъ русскаго народа» отмѣтилъ, какъ примѣчательный фактъ, второстепенную роль отца во всемъ свадебномъ процессѣ, отказавшись, впрочемъ, дать этому факту какое-либо объясненіе. «Почему, говоритъ онъ, братъ, даже посторонній мальчикъ или родственникъ продаетъ мѣсто подлѣ невѣсты и косу ея, а не отецъ, почему они, а не онъ защищаетъ невѣсту, почему отецъ, по нѣкоторымъ свадебнымъ обрядамъ, даже не былъ въ избѣ, когда за невѣстой пріѣзжалъ женихъ, и входилъ въ нее послѣ самыхъ усиленныхъ просьбъ,—вотъ загадки, надъ которыми напрасно ломали мы себѣ голову». Намъ кажется, что указываемое г. Змигродскимъ отношеніе этого факта къ эпохѣ материнства можетъ быть признано вполнѣ правдоподобнымъ. Отецъ, какъ было упомянуто нами выше, игралъ въ общемъ строѣ материнской семьи совершенно пассивную и второстепенную роль: естественно, что такой характеръ его роли долженъ былъ особенно выступать при найболѣе важныхъ событіяхъ семейной жизни, а къ числу таковыхъ безспорно надлежитъ отнести бракъ одного изъ членовъ наростающаго въ семьѣ молодаго поколѣнія.

Если второстепенность мѣста, занимаемаго отцемъ въ материнской семьѣ, можетъ удовлетворительно объяснить пассивную роль его въ свадебномъ процессѣ, то наоборотъ высокое положеніе, занимаемое въ этой семьѣ братомъ матери, по мнѣнію автора, столь-же удовлетворительно объясняетъ второй указанный имъ обычай почетнаго наименованія «дядько» и «титка». Правдоподобное на первый взглядъ объясненіе г. Змигродскаго въ дѣйствительности наталкивается на многія немало-

---

[1]) Матеріалъ, относящійся къ свадебнымъ обычаямъ, г. Змигродскій черпаетъ главнымъ образомъ изъ соч. г-жи Мошинской: „Свадебные обычаи на Украинѣ“. Zbiór wiadomości do Antrop. krajowej. Antrop. Comission der Krak. Akad. d. Wiss. Lemberg. 1878.

важныя затрудненія. Безспорно, характеръ почетности, придаваемый наименованію «дядько», *можетъ* брать свое начало въ эпохѣ материнства, но для этого необходимо, чтобы подъ симъ наименованіемъ подразумѣвался дядя съ материей стороны. Древность славянская въ точности различала родство по женской линіи отъ родства по линіи мужской: для обозначенія понятія дяди она создала два термина: *стрый*-дядя по отцу и *уй*-дядя по матери. Нынѣ термины эти, удержанные въ Польшѣ и у чеховъ, у русскихъ славянъ слились въ безразличный терминъ «дядя, дядько». Возможно, конечно, что въ случаѣ, указываемомъ г. Змигродскимъ, прежде употреблялся терминъ *уй*, растворившійся потомъ въ нейтральномъ терминѣ «дядько». Но для поддержанія такой гипотезы у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, по крайней мѣрѣ г. Змигродскій ихъ не даетъ [1]).

Но если источникъ почетнаго наименованія «дядько», хотя бы при посредствѣ трудно допустимой гипотезы, можетъ быть возведенъ къ эпохѣ материнства, то для возникновенія почетнаго наименованія «титка» эта эпоха не представляетъ никакихъ основаній: выдвигая на первенствующее послѣ матери мѣсто дядю съ материнской стороны, принципъ материнскаго права не придаетъ какого-либо особаго значенія категоріи родства «титка» предъ другими категоріями. Такимъ образомъ, если-бы мы пожелали связать превращеніе родственнаго термина «титка» въ почетное наименованіе съ эпохой материнства, то должны были бы сдѣлать это при посредствѣ вторичнаго отношенія, а именно: предположить подобное превращеніе для термина «дядько», а затѣмъ уже допустить распространеніе по аналогіи этого превращенія и на терминъ «титка». Но искусственность подобнаго построенія очевидна, а потому впредь до пріобрѣтенія положительныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса мы и послѣ попытки объясненія, сдѣланной г. Змигродскимъ, должны считать его совершенно открытымъ.

Третій обычай—ограниченіе соціальныхъ правъ холостыхъ—г. Змигродскій связываетъ съ высокимъ положеніемъ женщины, свойственнымъ материнской эпохѣ. Въ основѣ его толкованія лежитъ мысль, что лишь союзъ съ женщиной можетъ предоставить мужчинѣ пользованіе соціальными правами въ полномъ объемѣ, что лишь черезъ женщину пріобрѣтается гражданская полноправность, а безъ отношенія къ ней объемъ правъ сокращается для индивидуума-мужчины. Намъ кажется, что обычай, о которомъ идетъ рѣчь, не столько вытекаетъ изъ соціологическихъ условій прошедшаго, сколько изъ простыхъ бытовыхъ условій настоящаго.

[1]) Онъ просто переводитъ: „Діадко“, т. е. Onkel—Brüder der Mutter, но почему, этого не объясняетъ.

Въ крестьянскомъ мірѣ полноправной гражданской личностью является лишь личность экономически правоспособная, представитель извѣстнаго хозяйственнаго организма, однимъ словомъ «хозяинъ». А какъ строй этого хозяйственнаго организма зиждется не только на мужскомъ, но и на женскомъ трудѣ, являясь при отсутствіи того или другаго или въ состояніи еще неразвитомъ, или-же въ состояніи упадка, то естественно, что лишь *женатый* индивидуумъ въ среднемъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и граждански полноправный.

Послѣдній примѣръ, въ которомъ авторъ старается усмотрѣть слѣды эпохи материнства, есть обычай, по которому на Украйнѣ утромъ слѣдующаго послѣ родовъ дня двѣнадцать женщинъ везутъ бабку въ деревянномъ лоткѣ въ шинокъ, при чемъ мальчишки бѣгутъ около и пытаются столкнуть лотокъ въ грязь, такъ что бабка достигаетъ шинка вся забрызганная грязью. Лотокъ носитъ въ этомъ случаѣ характерное названіе «серебрянной колесницы», а поѣздка въ немъ бабки до шинка считается для послѣдней особой почестью (120).

Для объясненія этого оригинальнаго обычая г. Змигродскій прежде всего напоминаетъ тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ старинныхъ народныхъ преданіяхъ солнечный свѣтъ сравнивается съ блескомъ золота, а лунный съ блескомъ серебра, почему оба эти металла очень часто имѣютъ значеніе символовъ божествъ солнца и луны. Затѣмъ г. Змигродскій сопоставляетъ преданія, въ которыхъ луна, родильница и колыска находятся между собою въ связи. Изъ такихъ преданій онъ указываетъ на слѣдующія: 1) широко распространенное вѣрованіе, что въ полнолуніе женщины рожаютъ легче всего, 2) богиня Bhavani (именуемая также Saki и Parwati) есть богиня родовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ богиня луны; она ѣздитъ на кошкахъ, 3) у грековъ была богиня луны Эйлейтія, которая была также спеціально и олимпской акушеркой, 4) у римлянъ мы встрѣчаемъ богиню Діану; Діана и Артемиза одни и тѣ же персонажи и Артемиза есть богиня родовъ, 5) въ германскомъ мірѣ мы встрѣчаемъ богиню луны, Фрею, которая ѣздитъ ночью на горизонтѣ въ колесницѣ, запряженой кошками и 6) до сихъ поръ въ Schildthurm'ѣ почитаются трое святыхъ: Einbett, Barbett и Willbett и въ связи съ ними стоитъ находящаяся тамъ серебряная колыска. Беременная женщина, прикоснувшаяся къ ней, по народнымъ вѣрованіямъ, легко рожаетъ (265, 266). Изъ сопоставленія этихъ преданій и вѣрованій съ упомянутымъ выше украинскимъ обычаемъ г. Змигродскій выводитъ заключеніе, что бабка, которую 12 женщинъ везутъ въ «серебряной колесницѣ», есть ничто иное, какъ представительница всѣхъ богинь луны (267). Въ дальнѣйшемъ толкованіи авторъ имѣетъ въ виду предложенную Баховеномъ

гипотезу о связи указанныхъ имъ трехъ ступеней семьи и брака съ почитаніемъ земли и небесныхъ свѣтилъ. По мнѣнію Баховена первой эпохѣ брака (гэтеризму), эпохѣ господства «чистаго внѣбрачнаго естественнаго права», соотвѣтствуетъ культъ земли, принципъ теллурпческій (чествованіе темныхъ силъ, *ночи,* по мнѣнію г. Змигродскаго); эпоха господства отцовскаго права есть эпоха солнечнаго культа; средняя между ними эпоха материнства находитъ свое выраженіе въ культѣ луны. Исходя изъ этого, г. Змигродскій считаетъ бабку въ упомянутомъ обычаѣ, какъ представительницу богини луны, персонажемъ, принадлежащимъ эпохѣ материнства. То обстоятельство, что мальчишки закидываютъ ее грязью, можетъ имѣть, по мнѣнію г. Змигродскаго, двоякое значеніе: или это остатокъ отъ первой эпохи (теллурической), въ которую вода и грязь служили символами плодородія, или-же (и это нашему автору кажется болѣе вѣроятнымъ) упомянутое обстоятельство можетъ быть объяснимо съ точки зрѣнія переходной эпохи между эпохами материнскаго и отцовскаго права, когда многое, возникшее изъ материнской эпохи, подвергалось осмѣянію.

На этомъ мы и закончимъ нашъ обзоръ сочиненія г. Змигродскаго.

Подводя итогъ всему изложенному выше, мы должны, къ сожалѣнію, признать сдѣланную г. Змигродскимъ попытку приложенія общесоціологической гипотезы къ истолкованію фактовъ малорусской этнографіи не вполнѣ удачною; тѣмъ не менѣе эта попытка заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ первая серьезная и широко задуманная попытка истолкованія славянской старины въ области брачныхъ отношеній съ точки зрѣнія выводовъ и построеній реально-научной соціологіи и за это мы, безъ сомнѣнія, должны принести благодарность автору. Считаемъ также долгомъ оговориться, что нами оставлено въ сторонѣ изслѣдованіе автора по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, связаннымъ съ славянской и въ частности съ малорусской этнографіей и доисторическимъ славянскимъ бытомъ; не считая себя достаточно подготовленными къ вполнѣ серьезному научно-критическому разбору сихъ изслѣдованій автора, мы предоставляемъ судить о нихъ другимъ. Feci, quod potui; feciant meliora potentes.

Н. Н. Чернышевъ.

Г. Кременчугъ, 1887 г.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія)

Когда и гдѣ совершилось крещеніе кіевлянъ при св. Владимірѣ.

Вопросъ этотъ близко касается Кіева, а въ виду предстоящаго 900-лѣтняго юбилея крещенія кіевлянъ и всей Руси, разрѣшеніе его даже необходимо, такъ какъ существуютъ разногласія относительно года, въ которомъ совершилось это крещеніе, и мѣста, на которомъ оно совершено, о чемъ уже и заявлено въ одной изъ мѣстныхъ газетъ.

Первоисточникъ свѣдѣній о крещеніи кіевлянъ и предшествовавшемъ тому крещеніи князя Владиміра заключается въ сочиненіяхъ мниха Іакова: «Похвала князю Русскому Владиміру» и «Житіе блаженнаго Владиміра», которыми преподобный Несторъ лѣтописецъ въ иныхъ мѣстахъ пользовался почти дословно, повѣствуя о томъ же предметѣ [1]). Когда именно жилъ мнихъ Іаковъ, съ точностію неизвѣстно, но самъ онъ считаетъ себя близкимъ ко времени св. Владиміра, иначе онъ, говоря о крещеніи кіевлянъ, не сказалъ бы: «сице бысть малымъ преже сихъ лѣтъ, сущю самодержцю всея русскія земли Володимеру».

---

[1]) „Житіе св. Владиміра" и „Похвала" ему открыты и напечатаны преосв. митроп. Макаріемъ въ „Христ. Чтеніи" 1849 г. Но изъ Чети-Минеи видно, что Житіе св. Владиміра мниха Іакова было извѣстно св. Димитрію Ростовскому и что онъ пользовался этимъ источникомъ при составленіи жизнеописанія св. Владиміра для Чети-Минеи.

Въ житіи же блаженнаго князя Владиміра обстоятельства, предшествовавшія его крещенію и крещенію кіевлянъ, излагаются такъ: «Ходиша слузи его (Владиміра) въ болгары и въ нѣмцы и видѣша скверныя дѣла ихъ, и оттолѣ идоша въ Царьградъ и видѣша украшенія церковная и проч... Они же пріидоша въ Русь. Володимеръ же созва бояры своя и старцы... И рекоша слуги ходившая: яко смотрихомъ, како покланяются болгары и проч... Бояре же рекоша: аще не бы былъ добръ законъ греческій, то не бы пріяла Олга баба твоя. Володимеръ же рече: воля Господня да будетъ! И умысли бъ себѣ: сице сотворю.—*Минувшу же лѣту*, иде съ вои на Корсунь. Корсуняне боряхуся крѣпко со града. Володимеръ же рече: аще ми ся не предасте, стояти имамъ за три лѣта. Они же не послушаша, и стояше *шесть мѣсяцъ*». Сказавши за тѣмъ о взятіи Корсуня, прибытіи греческой царевны и крещеніи Владиміра въ Корсуни, мнихъ Іаковъ продолжаетъ: «и поимъ царицю и Анастаса и попы Корсунскія съ мощами Климента и Ѳивы, ученика его, самъ вшедъ въ Кіевъ, повелѣ испровреци и избити кумиры, и Волоса идола, его же именоваху скотья бога, велѣ въ Почайну рѣку въврещи; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту и влещи съ горы по Боричеву на ручай, и слуги пристави бити идолы жезліемъ, плакаху ся же его невѣрніи людіе, еще бо бяху не пріяли святаго крещенія. И привлекше кумира Перуна, въвергоша и въ Днѣпръ рѣку, и проплы пороги, изверже и вѣтръ на берегъ, и оттолѣ прослы Перуня гора. И положи заповѣдь по всему граду, да утрѣ вси обрящутся на рѣци, богатъ же или убогъ или нищь или работенъ. Да се же людіе слышавше, радостно течаху, глаголюще: аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояре пріяли. На утрія же изыде Володимеръ съ попы царицыны и съ Корсунски, и снидеся бещисла народа: влѣзше въ воду до шіи, а иніи до персій, младіи же по брегу: а жены младенцы держаще, а попы на брезѣ молитвоваху. И бысть радость велика крестившимся людемъ и идоша кождо въ домы своя». Изъ этого разсказа видно, что мнихъ Іаковъ не отдѣляетъ года крещенія св. Владиміра отъ года крещенія кіевлянъ, а полагаетъ ихъ въ одномъ и томъ же году, *минувшу лѣту*, по совѣщаніи съ боярами; къ тому же году относитъ онъ и походъ въ Корсунь.

То же передаетъ намъ и лѣтопись преподобнаго Нестора. Раз-

ность только въ томъ, что Несторъ, говоря о взятіи Корсуня, не упоминаетъ о 6-мѣсячной при семъ осадѣ, не говоритъ и о вверженіи идола Волоса въ Почайну, а походъ въ Корсунь, съ послѣдовавшимъ затѣмъ крещеніемъ Владиміра и кіевлянъ, полагаетъ точно въ 988 году, при чемъ слѣдующіе 989 и 990 годъ оставляетъ въ лѣтописи съ пробѣлами, не означая противъ нихъ никакихъ событій. Іаковъ же хотя въ житіи св. Владиміра не означаетъ года его крещенія, но въ концѣ своего сочиненія «Похвала блаженному князю Владиміру» говоритъ: «по святомъ крещеніи поживе блаженный князь Володимеръ 28 лѣтъ»; «успе съ миромъ мѣсяца іюля день въ 15, въ лѣто 6523» (1015 отъ Р. Хр.); слѣдовательно мнихъ Іаковъ крещеніе св. Владиміра и кіевлянъ полагаетъ въ томъ же 988 году, подъ которымъ оно стоитъ въ лѣтописи преподобнаго Нестора.

Нѣкоторыя затрудненія къ принятію этого года годомъ крещенія кіевлянъ представляются въ вопросѣ о томъ, могли ли въ одинъ годъ совершиться шести-мѣсячная осада Корсуня, прибытіе царевны изъ Царьграда въ Корсунь, возвращеніе Владиміра въ Кіевъ и крещеніе кіевлянъ. Событія эти происходили не на близкомъ разстояніи другъ отъ друга и требовали значительнаго времени, а крещеніе кіевлянъ въ рѣкѣ могло совершиться не позже 2-й половины августа, иначе, въ слѣдствіе пониженія температуры воды, оно было бы неудобно для многихъ, въ частности для дѣтей. Совмѣстить эти событія въ одномъ году дѣйствительно трудно, если начало года считать съ 1-го января; но нужно принять во вниманіе, что, во 1-хъ, въ X-мъ и послѣдующихъ вѣкахъ до 1700 года, у насъ, какъ и въ Греціи, годъ считался съ 1-го сентября, въ чемъ можно убѣдиться изъ приложенныхъ къ древнимъ богослужебнымъ книгамъ мѣсяцеслововъ или календарей, сохранившихся у насъ съ XI и XII вѣковъ; во 2-хъ, что походъ Владиміра въ Корсунь состоялся *минувшу лѣту*, а въ славянскомъ языкѣ, на которомъ писали мнихъ Іаковъ и преподобный Несторъ, подъ словомъ «лѣто» разумѣется не только годъ, но и лѣтніе мѣсяцы года, оканчивающіеся мѣсяцемъ августомъ. При совмѣстномъ окончаніи лѣта и года смыслъ словъ сказанія XI-го вѣка о походѣ св. Владиміра въ Корсунь будетъ таковъ: *минувшу лѣтнему времени* и съ окончаніемъ 987 года, въ которомъ происходило совѣщаніе Владиміра съ боярами о вѣрѣ, осенью слѣдующаго 988

года (а не спустя годъ), «иде Владиміръ съ вои на Корсунь». Походъ Владиміра въ Корсунь могъ быть предпринятъ въ сентябрѣ даже съ большимъ удобствомъ, чѣмъ въ другое холодное или жаркое время. Извѣстно, что и караваны малороссійскихъ чумаковъ совершали свои, прекратившіеся недавно, походы въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбой преимущественно также въ осеннее время, возвращаясь оттуда домой, въ кіевскую напр. губернію, въ концѣ ноября того-же года. Мѣсяцы октябрь, ноябрь, декабрь, генварь, февраль и мартъ могли пройти въ осадѣ Владиміромъ Херсонеса, чему особенно препятствовать не могла короткая и слабая зима крымская, которой въ иные годы и вовсе не бываетъ въ окрестностяхъ Ялты и Херсонеса. По взятіи Херсонеса, апрѣль и май могли быть употреблены на посольство въ Константинополь и прибытіе оттуда царевны, а мѣсяцевъ іюня и іюля достаточно было для крещенія Владиміра и на возвращеніе въ Кіевъ по бракосочетаніи съ царевною Анной. Крещеніе за тѣмъ кіевлянъ могло совершиться въ концѣ іюля или въ началѣ августа. Не напрасно по этому въ одномъ синодальномъ сборникѣ старинныхъ рукописей сказано, что крещеніе кіевлянъ происходило 1-августа [1]). Могло быть оно въ этотъ день и потому еще, что тогда существовалъ уже въ Константинополѣ извѣстный еще съ VIII вѣка обычай совершать 1-го августа освященіе воды чрезъ погруженіе въ нее креста животворящаго древа, который переносился въ храмъ св. Софіи 31-іюля изъ царской сокровищницы [2]). Обычай этотъ вѣроятно не безъизвѣстенъ былъ Кіеву, въ которомъ существовала еще при дѣдѣ св. Владиміря, князѣ Игорѣ, на Подолѣ, надъ впадавшимъ въ Днѣпръ ручаемъ, соборная церковь св. Иліи. Время, установленное церковью 1-го августа для освященія воды, могло быть потому избрано и для приготовленія св. купѣли населенію Кіева; только на этотъ разъ освященіе воды должно было совершиться не въ сосудѣ и не въ храмѣ, а въ рѣкѣ, подъ открытымъ небомъ храма природы. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно послужило и къ освященію рѣки, оскверненной низверженіемъ идола.

---

[1]) Канонъ на сей праздникъ написалъ Георгій Амастридскій, жившій въ VIII вѣкѣ (Migne, Curs. patrolog. T. 112, стр. 1006).

[2]) Описан. синод. рук. Гор. и Нев., № 323.

Гдѣ совершилось крещеніе кіевлянъ: въ Почайнѣ или въ Днѣпрѣ?

Что такое Днѣпръ, извѣстно всѣмъ. Разъяснимъ, что такое была и есть Почайна.

Почайна не рѣка, а большой ручей, образующійся изъ сліянія двухъ малыхъ ручьевъ—Сырца и Глубочицкаго и нѣсколькихъ меньшихъ, которые пробиваются ключами изъ кряжа кіевскихъ горъ. Имѣя протяженія не болѣе 1½ версты, Почайна направляется сначала чрезъ Оболонье на востокъ или отъ горъ къ Днѣпру, потомъ поворачиваетъ на югъ по восточной сторонѣ Кіево-Подола, паралельно Днѣпру, и въ южномъ концѣ Подола, не доходя крещатицкаго источника, сливается съ Днѣпромъ противъ Христо-рождественской церкви. Въ весеннее время и въ первую половину лѣта русло Почайны противъ Подола заливается Днѣпромъ и только во вторую половину лѣта показывается раздѣляющая ихъ песчаная коса; но въ древности эта коса была выше и шире, и эту форму она удерживала еще въ XVII вѣкѣ. Противъ средины Подола на берегу Почайны, въ концѣ Пасиньчей и Козарской улицъ, стояла церковь св. пророка Иліи, въ которую при Игорѣ водили крещенную Русь къ «ротѣ» или присягѣ по случаю заключенія договора съ греками въ 944 году. Широкое устье Почайны противъ Боричева взвоза составляло вмѣстѣ заливъ Днѣпра и служило удобною гаванью для судовъ, приходящихъ къ Кіеву. Почайну въ древнемъ ея видѣ можно видѣть на хранящейся въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ картѣ Кіева 1693 года. При всей близости къ городу, загроможденная судами и лѣсными плотами и служа стокомъ городскихъ нечистотъ, небольшая рѣчка Почайна не могла быть мѣстомъ приличнымъ и удобнымъ для крещенія въ ней всего населенія Кіева. Гораздо удобнѣе было совершить крещеніе всей массы кіевлянъ въ чистыхъ водахъ Днѣпра, отдѣленнаго отъ Почайны песчаной косой. Здѣсь и полагаютъ его совершившимся древнѣйшіе повѣствователи мнихъ Іаковъ и Несторъ лѣтописецъ. Преподобный Несторъ въ своей лѣтописи ясно и опредѣленно говоритъ: «на утрѣя изыде Володиміръ съ попы царицины и Корсунскими на Днѣпръ и снидеся бещисла людии». Іаковъ въ житіи Владиміра, сказавши о вверженіи Перуна въ Днѣпръ, непосредственно за тѣмъ говоритъ: «и положи (Владиміръ) заповѣдь по всему граду, да утрѣ вси обрящутся на рѣци». Ясно, что онъ

разумѣлъ здѣсь не Почайну, а Днѣпръ. О крещеніи кіевлянъ въ Почайнѣ говорится только въ проложномъ житіи св. Владиміра 1400 года и въ Синопсисѣ Гизеля. Въ Чети-минеѣ подъ 15 іюля св. Димитрій Ростовскій, слѣдуя мниху Іакову, сказалъ: «посла (Владиміръ) проповѣдники по граду, повелѣвая, да наутріе соберутся вси на рѣку», но затѣмъ въ скобяхъ добавилъ: «Почайну, изъ Днѣпра текущую и паки въ Днѣпръ впадающую». Этимъ добавленіемъ онъ какъ бы хотѣлъ согласить мнѣнія о крещенія кіевлянъ то въ Почайнѣ, то въ Днѣпрѣ, хотя извѣстно, что Почайна не вытекаетъ изъ Днѣпра. Само собою разумѣется, что нужно признать болѣе вѣрнымъ то извѣстіе, которое находится у писателей, ближайшихъ къ времени событія, именно, что «Днѣпръ былъ Руси чистая купѣль».

Преданіе, записанное въ Прологѣ 1400 г., указываетъ и то мѣсто берега Днѣпра, на которомъ совершилось крещеніе кіевлянъ; оно указывается тамъ, «идѣже стоитъ (въ XIV вѣкѣ) церковь св. Петра». А такъ какъ единственная церковь св. Петра въ древности была только на Михайловской горѣ, въ Изяславовомъ Дмитріевскомъ монастырѣ, то крещеніе кіевлянъ приходилось бы ниже церкви Рождества Христова. Но въ томъ же Прологѣ сдѣлана поправка, въ которой сказано, что крещеніе это было противъ мѣста, «идѣже стоитъ церковь Бориса и Глѣба». Здѣсь же, противъ церкви Бориса и Глѣба, крещеніе кіевлянъ означается Иннокентіемъ Гизелемъ въ Синопсисѣ и св. Димитріемъ Ростовскимъ въ четьи-минейномъ житіи св. Владиміра. Св. Димитрій говоритъ объ этомъ такъ: «бывшу утру, пріиде самъ князь съ бояры на рѣку, и архіерей съ нимъ и вси священницы, и собрася весь градъ къ рѣцѣ, всякаго чина и возраста, обоего пола безчисленное множество на томъ мѣстѣ, *идѣже нынѣ церковь св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба*. И повелѣно бысть имъ, одежды совлекше, внити въ воду, особъ мужескому полу, особъ женскому, старѣйшимъ въ глубочайшое мѣсто, малымъ же близъ брега: и стояху въ водѣ овіи до выи, овіи же до пояса, раздѣльшеся на полки. Священницы же во іерейскихъ облаченіяхъ, стояще при берегѣ на доскахъ, нарочно того ради устроенныхъ, чтяху надъ народомъ молитвы, крещенію подобающыя, и имена имъ нарицаху, и трижды погрузитися имъ въ водѣ веляху; сами же взываху надъ ними, имя святыя Тройцы по чину крещенія призывающе». Борисоглѣбская церковь извѣстна въ Кіевѣ, на По-

долѣ, по описи кіевскаго замка 1552 года. Въ вѣдомости кіево-подольскихъ церквей 1784 года значится, что существовавшая тогда церковь сего имени построена въ 1602 году на мѣстѣ польского костела коштомъ кіевскаго мѣщанина Онисима Ходковича, и въ одной оградѣ съ нею была каменная церковь во имя Рождества Іоанна Предтечи, построенная въ 1691 году коштомъ кіевскаго полковника Григорія Карповича. Эта каменная Рождество-Предтечевская существуетъ и нынѣ съ особымъ придѣломъ во имя св. мучениковъ Бориса и Глѣба, пристроеннымъ въ прошломъ вѣкѣ, вѣроятно, по случаю обветшанія стоявшей отдѣльно отъ нея церкви Борисоглѣбской. Народъ впрочемъ не знаетъ Рождество-Предтеченской церкви, а продолжаетъ называть ее Борисоглѣбскою. Противъ этой то церкви, гдѣ еще въ XVII вѣкѣ былъ мостъ для переѣзда чрезъ Днѣпръ, совершилось въ Днѣпрѣ крещеніе кіевлянъ при св. Владимірѣ.

Сказавши о времени и мѣстѣ крещенія кіевлянъ при св. Владимірѣ, нельзя не дать въ заключеніе хотя краткаго отвѣта автору недавно появившагося въ двухъ толстыхъ книгахъ I-го тома Исторіи русской церкви. Многоученый ея авторъ весь разсказъ лѣтописи о крещеніи Владиміра и кіевлянъ называетъ не болѣе, какъ сказкой, интересной только для тѣхъ, кто, не заботясь ни о чемъ другомъ, любитъ занимательныя и замысловатыя повѣсти. По его словамъ, «не много критики и отъ повѣсти останется лишь голый остовъ, да и тотъ не весь, а лишь его половина» (1-я полов. тома, стр. 96). И вотъ по этой критикѣ у него выходитъ, что не только Игоря и Ольгу, но и самого просвѣтителя Россіи, св. Владиміра расположили къ христіанской вѣрѣ не греческіе проповѣдники, а христіане варяжской дружины (ibid, стр. 110); что Владиміръ принялъ крещеніе не отъ грековъ и безъ всякихъ съ ними сношеній, которыхъ онъ и не завязывалъ съ ними въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ послѣ крещенія (ibid. стр. 111), что, обращенный въ христіанство кіевскими варягами-христіанами, онъ былъ крещенъ просто руками священниковъ этихъ послѣднихъ (т. е. руками латинскихъ священниковъ) (ibid. стр. 112); что самое крещеніе Владиміра происходило не въ Корсуни, а въ Василевѣ, въ 36 верстахъ отъ Кіева, и притомъ

тайно, скрытно отъ народа (ibid. 11), а крещеніе кіевлянъ было спустя два года послѣ крещенія Владиміра, которое совершилось въ 987 году (ibid. стр. 115). Вотъ то немногое, по словамъ Голубинскаго, что получаемъ мы относительно обращенія Владиміра въ христіанство и относительно его крещенія, отстранивъ баснословіе (ibid. стр. 113). Доказательствъ историческихъ на всѣ эти свои измышленія онъ однако не приводитъ, кромѣ ссылки на Исландскую сагу, въ которой будто говорится, что Олавъ, конунгъ норвежскій, крестившись въ *Греціи*, убѣдилъ потомъ и Владиміра къ принятію христіанства (ibid, стр. 111). Русскіе лѣтописцы у него меньше значатъ, чѣмъ заморская сага. Но при всемъ пристрастіи къ мало говорящему свидѣтельству, записанному въ сагѣ гдѣ-то за моремъ, отстоящимъ отъ Кіева болѣе, чѣмъ за 1.000 верстъ, г. Голубинскому надлежало бы не забывать, что лѣтописцы наши, передавшіе намъ свѣдѣнія о крещеніи Владиміра и кіевлянъ, были почти современниками описываемыхъ событій и жили не гдѣ то за моремъ, а на мѣстѣ происшествія въ Кіевѣ и, какъ свидѣтели ближайшіе и мѣстные, лучше могли знать описываемое и заслуживаютъ болѣе вѣроятія, чѣмъ свидѣтели дальніе и не бывшіе на мѣстѣ, которыхъ у него впрочемъ, кромѣ саги, и не оказывается. Извѣстія о крещеніи Владиміра и крещеніи кіевлянъ, стоящемъ въ близкой по времени и тѣсной связи съ первымъ, передаетъ намъ прежде всего въ своихъ писаніяхъ *Иларіонъ*, бывшій пресвитеромъ церкви св. апостолъ на Берестовѣ въ Кіевѣ, при загородномъ дворцѣ св. Владиміра, и поставленный послѣ того митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси при великомъ князѣ кіевскомъ Ярославѣ Владиміровичѣ. Обстоятельства крещенія кіевлянъ, кромѣ другихъ лицъ, онъ могъ знать отъ самаго князя, который имѣлъ не менѣе 10 лѣтъ отъ роду въ годъ крещенія кіевлянъ и, кромѣ своихъ дѣтскихъ воспоминаній, могъ все подробно знать отъ самаго Владиміра, своего отца, и своей матери Рогнѣды. И вотъ что передаетъ Иларіонъ въ превосходномъ своемъ словѣ о законѣ и благодати, произнесенномъ въ Десятинной церкви въ присутствіи Ярослава и его супруги Ирины: «онъ (т. е. св. Владиміръ) всегда слышалъ о православной, христолюбивой и сильной вѣрою греческой землѣ, какъ чтутъ тамъ единаго Бога въ Тройцѣ и покланяются Ему, какъ творятся тамъ силы, чудеса и знаменія, какъ церкви тамъ полны

людей, какъ въ селеніяхъ и городахъ благовѣрныхъ всѣ прилежатъ къ молитвѣ, всѣ предстоятъ Богу. Слыша все сіе, возгорѣлся онъ духомъ и возжелалъ сердцемъ быть христіаниномъ и обратить всю землю въ христіанство... Во Христа крестившись, на этомъ еще не остановился онъ въ подвигѣ благовѣрія, но простерся далѣе и повелѣлъ всему народу креститься во Отца и Сына и Святого Духа, чтобы открыто и громогласно славилось во всѣхъ городахъ имя св. Тройцы и всѣ были христіанами. И ни одинъ человѣкъ не противился его благочестивому повелѣнію: крестились, если кто не по любви, то по страху къ повелѣвшему[1]). Такимъ образомъ вся земля наша *въ одно время* стала славить Христа съ Отцемъ и св. Духомъ». Въ концѣ этого слова митр. Иларіонъ, обращая рѣчь свою къ св. Владиміру, какъ бы внимавшему его рѣчи изъ своего гроба, говорилъ между прочимъ: «ты утвердилъ вѣру съ бабкой твоей Ольгою, принесъ крестъ изъ новаго Іерусалима, града Константинова и поставилъ его на землѣ своей». Спрашивается: при чемъ тутъ варяги и варяжскіе священники, вызываемые Голубинскимъ въ Кіевъ? Упоминая о времени, слѣдовавшемъ за крещеніемъ кіевлянъ, блаженный митрополитъ говоритъ къ лицу св. Владиміра: «ты, часто собираясь съ новыми отцами, нашими епископами, съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними, какъ установить законъ сей (христіанскій) среди людей, недавно познавшихъ Господа». Это свидѣтельство о св. Владимірѣ служитъ сильнымъ основаніемъ нисколько не сомнѣваться и въ томъ, что св. Владиміръ рѣшился перемѣнить вѣру не иначе, какъ по совѣщаніи съ боярами и старцами и принять христіанство не для одного себя, а и для всего народа почти одновременно. Нельзя сомнѣваться и въ предшествовавшемъ сему посольствѣ Владиміра въ разныя страны для испытанія вѣры. Посольство это нужно было собственно не для Владиміра, ознакомленнаго съ христіанствомъ отъ своей бабки, а для народа, для его бояръ и старцевъ: они должны были на мѣстѣ господства разныхъ

---

[1]) Эти слова, повторяемъ, сказаны предъ сыномъ св. Владиміра, очевидцемъ крещенія кіевлянъ, а Голубинскій отвергаетъ все сказанное, недоумѣвая, какъ это Владиміръ „въ одинъ прекрасный вечеръ отдалъ приказъ явиться всѣмъ по утру на рѣку для купанья, и исполнено“ (стр. 142).

вѣръ убѣдиться въ превосходствѣ вѣры греческой и своими разсказами предрасположить кіевлянъ къ принятію этой вѣры. Другія подробности о крещеніи св. Владиміра и кіевлянъ сообщаютъ мнихъ *Іаковъ*, который называетъ эти событія, совершившимися немного раньше своего времени, и преподобный *Несторъ* лѣтописецъ. Тотъ и другой, по признанію самого Голубинскаго, писали не позже 1070 года, слѣдовательно жили при Ярославѣ, сынѣ св. Владиміра († 1054 г.) и его внукахъ: Изяславѣ, Святославѣ и Всеволодѣ Ярославичахъ, когда еще живо было преданіе о св. Владимірѣ, когда еще живы были старцы, помнившіе крещеніе кіевлянъ, какъ преподобный Іеремія прозорливый и 96-лѣтній бояринъ Янъ Вышатичъ, другъ преподобнаго Θеодосія печерскаго, когда наконецъ еще цѣлы были книги, положенныя Ярославомъ въ библіотеку св. Софіи.

Крещеніе Владиміра Голубинскій полагаетъ въ 987 году (стр. 113), а крещеніе кіевлянъ послѣ того чрезъ два года въ третій, а собственно чрезъ три года, въ 990 году, находя къ сему основаніе въ краткой хронологіи жизни Владиміра, помѣщенной въ концѣ «Похвалы» этому князю мниха Іакова, гдѣ сказано: «на другое лѣто по крещеніи (Владиміръ) къ порогамъ ходи, на третье лѣто Корсунь городъ взя». Но во *1-хъ* походъ къ порогамъ Днѣпра не означаетъ еще похода въ Корсунь, а кромѣ взятія Корсуня предъ крещеніемъ Владиміръ могло быть взятіе его и въ другой разъ, по крещеніи. Вспомнимъ, сколько разъ русскія войска брали г. Карсъ, Азовъ, Измаилъ и другіе пограничные турецкіе города. Во 2-хъ хотя изъ греческихъ лѣтописцевъ, приводимыхъ у самаго Голубинскаго, извѣстно, что Владиміромъ была оказана вооруженная помощь императору Василію противъ бунтовщика Варды Фоки, по вступленіи Владиміра въ родство съ императоромъ чрезъ бракъ съ царевной, и что этой помощи императоръ просилъ у Владиміра еще до брака его съ царевной и Владиміръ обѣщалъ подъ условіемъ вступленія въ родство, но не говорится, чтобы эта помощь состояла во взятіи Владиміромъ Корсуня, напротивъ ясно говорится, что она состояла въ отраженіи бунтовщика Варды Фоки отъ Хризополя или Скутари, составляющаго предмѣстье Константинополя. Весьма возможно, что первоначально до 987 года Владиміру отказано было въ рукѣ царевны,

какъ отказано было нѣмецкому императору Оттону въ 968 году въ рукѣ старшей сестры нашей Анны для его сына, котораго считали язычникомъ; посему Владиміръ рѣшился завоевать себѣ невѣсту взятіемъ Корсуня, подобно тому, какъ завоевалъ Рогнѣду взятіемъ Полотска; по взятіи Корсуня, когда императоръ въ виду подступа Варды къ Константинополю, поспѣшилъ отправить сестру въ Корсунь для выдачи въ замужество за Владиміра, Владиміръ изъ того же Корсуня послалъ отрядъ войска для подкрѣпленія войскъ императорскихъ. Возвративши Корсунь императору по вступленіи въ бракъ съ царевной, Владиміръ могъ брать Корсунь другой разъ по какимъ либо причинамъ, вызваннымъ обстоятельствами Русской Тмуторокани или по обстоятельствамъ греческой имперіи, отъ которой Херсонъ пытался не разъ отложиться. Во всякомъ случаѣ ради сбивчивой хронологіи двухъ темныхъ событій, добавленной кѣмъ-то къ «Похвалѣ» мниха Іакова Владиміру, нельзя переставлять фактовъ, послѣдовательно изложенныхъ въ житіи Владиміра того же Іакова и въ лѣтописи Нестора, имѣющей хронологію, провѣренную рядомъ событій, предшествовавшихъ крещенію Владиміра и послѣдовавшихъ за нимъ.

П. Л.

Потемкинъ и черноморцы.

Въ оконченныхъ недавно печатаніемъ на страницахъ «Кіев. Старины» весьма интересныхъ «Историческихъ запискахъ о войскѣ черноморскомъ» А. Туренка сообщается любопытный фактъ (извѣстный, впрочемъ, и изъ другихъ источниковъ), что еще во время существованія запорожской Сѣчи князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, «любя запорожцевъ и желая поощрить ихъ къ службѣ», добровольно записался въ ихъ войско простымъ козакомъ подъ именемъ *Грицька Нечосы* и тѣмъ подалъ примѣръ и другимъ болѣе или менѣе знатнымъ россійскимъ чиновникамъ сдѣлать то же самое. Столь лестное покровительственное вниманіе со стороны могущественнаго временщика къ войску запорожскому не спасло, однакожъ, послѣднее отъ катастрофы, постигшей его въ 1775 г. и подготовленной главнымъ

образомъ самимъ же Потемкинымъ. Извѣстно за тѣмъ, какъ онъ послѣ того относился къ своимъ сѣчевымъ «товарищамъ», какъ легко отвергъ ихъ историческія права, положилъ конецъ самому существованію вѣковаго рыцарскаго братства и устроилъ грандіозный раздѣлъ запорожскихъ земель, съ щедрою безплатною раздачею ихъ всякому, кто принималъ лишь на себя трудъ вводить рабство въ край, никогда не знавшій его и искони служившій отъ него убѣжищемъ.

И кто бы могъ подумать тогда, что этому баловню судьбы прійдется унести съ собой въ могилу искреннія слезы и благословеніе со стороны тѣхъ, кто имѣлъ, повидимому, достаточныя основанія питать къ нему при жизни и по смерти совсѣмъ иныя чувства!

Когда, по разореніи Сѣчи, запорожцы, подобно овцамъ разогнаннаго стада, расходились въ разныя стороны, то къ чувствамъ тяжкой скорби объ утратѣ вѣковаго гнѣзда и о безславномъ концѣ «славнаго» запорожскаго войска въ умѣ у нихъ примѣшивалась и такая мысль, что настанетъ время, когда ихъ военныя услуги понадобятся правительству, и тогда сами виновники ихъ несчастія вспомнятъ о нихъ съ сожалѣніемъ. Въ одной изъ пѣсенъ на разореніе Сѣчи есть такой куплетъ:

Наступае чорна хмара,
Иде дощикъ зъ неба:
Зруйновали Запорожжя—
Колись буде треба!.

Такъ и случилось на дѣлѣ. Когда сдѣлалось очевиднымъ, что заселеніе края, не смотря на всѣ старанія помѣщиковъ-колонизаторовъ, не смотря даже на льготы для поселенцевъ, шло крайне медленно, то при видѣ обширнаго, ничѣмъ не обезпеченнаго края, особливо въ виду предпринятой тогда второй турецкой войны, Потемкинъ вспомнилъ запорожцевъ, почувствовалъ въ нихъ нужду и чрезъ посредство ихъ старшинъ сталъ вновь приглашать ихъ въ казацкую службу подъ его личнымъ предводительствомъ. Результатомъ всего этого былъ указъ Екатерины (3-го іюля 1887 г.) о возстановленіи бывшаго запорожскаго войска, при чемъ первоначально назначены были для его поселенія земли между Днѣстромъ и Бугомъ, и только впослѣдствіи оно окончательно было поселено на р.

Кубани, въ Черноморіи, отъ чего и получило оффиціальное названіе войска *Черноморскаго*. Такимъ образомъ сила обстоятельствъ заставила всемогущаго временщика потрудиться надъ возсозданіемъ того, что имъ же самимъ было уничтожено.

Съ этихъ поръ начинаетъ возрастать популярность Потемкина среди бывшихъ запорожцевъ, въ особенности послѣ того, когда въ генварѣ 1790 г. онъ былъ возведенъ императрицею въ званіе «*великаго гетмана*» новообразованныхъ козачьихъ войскъ. Вѣсть объ этомъ назначеніи была радостно принята не въ одной Черноморіи: въ Малороссіи какой-то неизвѣстный поэтъ сочинилъ по этому поводу стихотворный «дифирамбъ», въ которомъ новое черноморское войско величается «низовымъ обоихъ сторонъ Днѣпра воинствомъ», т. е. прежнимъ титуломъ, искони принадлежавшимъ войску Запорожскому. Современный событію списокъ этого диѳирамба найденъ нами между фамильными бумагами одного, нынѣ угасшаго, шляхетно-малороссійскаго рода, процвѣтавшаго еще въ началѣ нынѣшняго вѣка въ гадячскомъ уѣздѣ полтав. губ. Передаемъ его здѣсь съ буквальною точностью:

Дифирамбъ

Низовому обоихъ сторонъ Днѣпра воинству, получившему себѣ великимъ гетманомъ высокоповелителнаго всѣхъ силъ Россійскихъ военачалника князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, сочиненний свойственнымъ симъ новымъ аргонавтамъ нарѣчіемъ, примѣняясь къ содержанію прилагаемаго при семъ отъ ихъ предковъ писанія [1]). 1790 года, февраля 15 дня:

Воскресши, южнихъ странъ возрадуйтеся вои,
Что въ свѣтѣ чести вы сподобились такои,
Что на невѣрного идущимъ бусурмана
Давъ Богъ вамъ знатнаго великаго гетмана,
Который будетъ васъ за храбрость награждати.
Старайтесь толко вы подъ нимъ такъ воювати,
Какъ воювали тамъ преславни предки ваши
На Черномъ морѣ и на утренномъ (sic!) Сивашѣ,

---

[1]) Въ нашемъ спискѣ никакого приложенія не имѣется. Трудно сказать, была ли это старинная запорожская *вирша*, или что другое.

Отколь съ моноксиловъ чрезъ огненній свой градъ
Восточни жгли страни и самій Цариградъ.
Примѣрамъ таковимъ вы, вои, подражайте
И съ пламенемъ къ мѣстамъ симъ поспѣшайте,
Чтобъ вашимъ мужествомъ тамъ гордій Понта врагъ
Склонивъ предъ вашимъ симъ вождемъ на вѣкъ свой флагъ.

(Внизу стиховъ подпись): «Свидѣтелствовалъ полковий старшина Іванъ Радкевичъ».

Повторяемъ, имя автора этого дифирамба ни откуда не извѣстно, и только судя по очевидному знакомству его съ исторіею Запорожья, по его нескрываемымъ симпатіямъ къ «преславному» запорожскому воинству и наконецъ по нѣкоторымъ малороссійскимъ формамъ рѣчи, мы полагаемъ, что это былъ малороссіянинъ, достаточно вкусившій однако отъ плодовъ россійскаго просвѣщенія. Страннымъ лишь представляется намъ его заявленіе, будто дифирамбъ его «сочиненъ *свойственнимъ* симъ новымъ аргонавтамъ *нарѣчіемъ*», тогда какъ на самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ, въ языкѣ стихотворенія нѣтъ ничего «свойственнаго» нарѣчію его героевъ.

Не знаемъ, доходило-ли до свѣдѣнія черноморцевъ пiитическое воззваніе къ нимъ ученаго ихъ земляка, или нѣтъ; только то вѣрно, что они во время тогдашней войны вполнѣ оправдали его лестныя ожиданія и въ штурмахъ Очакова и Измаила, въ овладѣніи при помощи ничтожной своей флотиліи островомъ Березанью, покрыли себя славою, достойною ихъ «преславныхъ предковъ». Въ одномъ лишь не исполнились надежды поэта: одновременно съ окончаніемъ войны неожиданно скончался и самъ «великій гетманъ вѣрнаго черноморскаго войска», не успѣвъ достойно наградить своихъ доблестныхъ сподвижниковъ и, что всего важнѣе, не успѣвъ обезпечить за ними раньше обѣщанныхъ имъ земель между Бугомъ и Днѣстромъ, гдѣ по его указаніямъ начали уже селиться ихъ семейства. Тогда-то восплакали козаки о своемъ гетманѣ, а еще болѣе, конечно, о своей несчастной долѣ, такъ какъ съ окончаніемъ войны, когда ихъ услуги были не нужны болѣе, имъ угрожала опасность быть обращенными въ крѣпостное состояніе:

Ой Боже нашъ, Боже, Боже милостывій,
Що родылись мы въ свити нещаслыви!
Служили мы вирно въ поли и на мори,
А теперъ остались вбоги, боси й голи.
Старались мы землю соби заслужити,
Щобъ въ волности вику було де дожити...
Устань батьку, велыкій гетмане!
Будь милостывій, вельможный нашъ пане!
Устань Грыцьку, промовъ до насъ слово,
Попроси царыцю—буде все готово!
Дасть грамоту на вичность намъ жити,
А мы ій вирнише будемо служити.

Не всталъ изъ могилы самъ гетманъ, такъ за него нашлись добрые люди, все его бывшіе помощники и приближенные (Коховскій, Поповъ и др.), которые помогли козацкимъ ходатаямъ добиться того, что императрица обратила наконецъ милостивое вниманіе на тѣхъ, кого при жизни такъ протежировалъ ея любимецъ. 30 іюня 1792 г. Екатерина подписала грамоту, въ которой, свидѣтельствуя объ усердіи, вѣрности и ревностной службѣ черноморцевъ и желая наградить ихъ за оказанные ими въ минувшую войну «храбрые и мужественные на сушѣ и водахъ подвиги», пожаловала имъ въ вѣчное владѣніе земли на Кубани и опредѣлила ихъ войсковыя права и вольности. Независимо отъ сего, императрица удовлетворила и другое, столь-же пламенное желаніе черноморцевъ, касавшееся печальной судьбы ихъ братьевъ, бывшихъ запорожцевъ, попавшихъ въ крѣпостное состояніе: она повелѣла таврическому губернатору «истребовать для причисленія къ войску тѣхъ старшинъ и козаковъ съ ихъ имуществомъ, которые дѣйствительно прежде служили въ военномъ званіи и Запорожьѣ и, по разрушеніи Сѣчи, поселясь въ разныхъ мѣстахъ, удерживаются тамъ противу воли ихъ». Изъ всеподданнѣйшей просьбы черноморцевъ объ этомъ предметѣ узнаемъ, что такихъ закрѣпощенныхъ козаковъ имѣлось въ виду болѣе 25,000 душъ, не считая ихъ семействъ.

Вотъ тогда-то черноморцы «отъ полноты сердечныхъ чувствъ» воспѣли извѣстную радостную пѣсню:

Ой годи намъ журитися, пора перестати:
Диждалися видъ царыци за службу заплаты!...

А въ ней вспомнили добрымъ словомъ и своего бывшаго гетмана, великодушно простивъ ему всѣ его прежнія великія противъ нихъ же прегрѣшенія:

Слава Богу и царыци и *покій гетману:*
Заличили въ сердцяхъ нашихъ велыкую рану!

Ор. Л—й.

Жертва купальскаго огня.

Не смотря на вѣковыя преслѣдованія, многіе обряды языческой старины до сихъ поръ еще сохраняются въ Малороссіи. Къ числу такихъ обрядовъ принадлежитъ также празднованіе Купала. Разведеніе огней, прыганье чрезъ зажженные костры и другіе купальскіе обряды удержались у насъ не только въ глухихъ деревняхъ, но даже въ большихъ интеллегентныхъ центрахъ, наприм. въ предмѣстьяхъ г. Харькова, гдѣ до настоящаго времени можно наблюдать упомянутыя обыкновенія. По всей вѣроятности, обряды, подобные купальскому, удерживаются народомъ доселѣ потому, что народъ не видитъ въ нихъ ничего языческаго, ничего противорѣчащаго религіи, а смотритъ на нихъ лишь какъ на простое развлеченіе въ своей однообразной, трудовой жизни.

Въ прошломъ столѣтіи искорененіемъ остатковъ языческихъ обычаевъ и празднествъ занимались архіереи, которые нерѣдко обращались къ священникамъ съ посланіями объ удержаніи прихожанъ отъ совершенія этихъ обрядовъ. Но въ болѣе важныхъ случаяхъ, именно когда исполненіе какого-либо обряда влекло за собой вредныя послѣдствія, наприм. чью-либо смерть, искалѣченіе и т. под., и гражданская власть принимала мѣры къ уничтоженію вреднаго обычая.

Приводимъ распоряженіе, сдѣланное генеральнымъ войсковымъ судомъ въ 1769 году о воспрещеніи празднованія Купала въ Малороссіи. Поводомъ къ изданію приводимаго распоряженія былъ одинъ несчастный случай, имѣвшій мѣсто въ Ичнѣ, мѣстечкѣ нынѣшняго борзенскаго уѣзда черниг. губ.

Указъ ея императорскаго величества, самодержицы всероссійской, изъ генерального суда въ полковую черниговскую канцелярію.

Введенное между невѣжество и вездѣ безъ всякаго помѣшательства и воспященій распространяючоесь застарѣлое игрище, называемое Купалынъ огонь, которое законами давно пресѣчь и истребить велѣно, вмѣсто того, по потворству и упущеніямъ правительствъ, на коихъ должности сіе искорененіе сложено и залежить, открываетъ нынѣ неизбѣжные уже убійства случаи, о чемъ самымъ дѣломъ въ судѣ генеральномъ доказательство есть: что въ полку Прилуцкомъ, въ мѣстечку Ичнѣ, при разведенномъ собравшимися на такое игрище невѣжами огнѣ, когда оной при ночномъ времени, съ обоихъ сторонъ, одними противъ другихъ перескакиванъ, то одни противъ другихъ съ немалымъ по всей силѣ стремленіемъ на самомъ томъ огнѣ сбѣгшись, толь жестоко ударились, что одна изъ того числа дѣвка на смерть убита въ самомъ томъ огнѣ, и хотя убійца въ разсужденіи неумыслу отъ смертной казни уволняется, однакъ какъ жестокимъ въ страхъ другимъ публичнымъ безъ пощадѣнія наказаніемъ и платежемъ головщизны, такъ и не маловременнымъ тюремнымъ содержаніемъ (карается).

А какъ по сему дѣлу и отъ малороссійской коллегіи велѣно отъ таковыхъ противозаконныхъ игрищъ не токмо воздерживать и до оныхъ невѣжествъ не допущать, но и вовся искоренять, дабы оныхъ нигдѣ не было, того ради, по указу ея императорскаго величества и по опредѣленію генеральнаго суда, какъ въ прочіе малороссійскихъ полковъ полковыя канцеляріи указы посланы, такъ и въ полковую черниговскую канцелярію велѣно послать сей указъ и предложить, дабы отнынѣ во всемъ томъ полку навсегда и вездѣ во всякомъ мѣстѣ, деревнѣ и селѣ, до послѣдняго поселенія, генеральное запрещеніе учинено—впередъ таковыхъ законами запрещенныхъ игрищъ, отъ коихъ часто худіе случаи слѣдовать могутъ, отнюдь не дѣлать, съ притвержденіемъ не упустительного всѣхъ въ томъ оказавшихся жестокого безъ пощады наказанія.—1769 году марта 12 [1]).

Сообщ. **П. Е.**

Ходатайство Потемкина о замѣнѣ запорожской старшинѣ смертной казни заточеніемъ въ монастырь.

Исторія послѣднихъ дней Запорожской Сѣчи такъ мало извѣстна у насъ, что, кромѣ только факта разоренія ея генераломъ

[1]) Изъ архива малороссійской коллегіи, хранящагося при харьковскомъ университетѣ.

Текеліемъ и ухода части сѣчевиковъ за Дунай, мы не имѣемъ никакихъ другихъ свѣдѣній объ этомъ такъ не далекомъ отъ насъ событіи, а о послѣднихъ представителяхъ Запорожья, кошевомъ Калнишѣ, судьѣ Головатомъ и писарѣ Глобѣ извѣстно лишь то. что они были сосланы въ Соловки за какую-то тяжкую вину и тамъ кончили жизнь.

Помѣщаемое ниже письмо кн. Потемкина къ имп. Екатеринѣ уясняетъ нѣсколько таинственную судьбу этихъ представителей. Изъ него можно догадываться, что Калнишевскій, Головатый и Глоба, послѣ разоренія Сѣчи, находясь гдѣ-то вблизи бывшихъ запорожскихъ мѣстъ, на свободѣ или въ заключеніи, затѣвали что-то очень преступное, быть можетъ самовольное возобновленіе Сѣчи гдѣ-либо на новомъ недоступномъ мѣстѣ, и съ этою цѣлію разсылали «ордеры къ старшинамъ» (вѣроятно укрывавшимся гдѣ либо куреннымъ атаманамъ), попавшіе въ руки Потемкина. За это они были подвергнуты суду и, по мнѣнію Потемкина, не видѣвшаго даже надобности въ какомъ либо разслѣдованіи, подлежали смертной казни. Вину ихъ усугубляло и то, что въ послѣдніе годы существованія Сѣчи они вооруженною рукою защищали свои хутора и слободы со стороны Новосербіи и бывшей Слободской Украйны, захватываемые и разоряемыя сосѣдями, и въ свою очередь разоряли заводимыя ими поселенія, причинивъ имъ, по исчисленію Потемкина, убытковъ болѣе, чѣмъ на 200 т. руб. Потемкинъ, заправлявшій самъ всѣмъ этимъ дѣломъ, ходатайствовалъ предъ Екатериною о замѣнѣ Калнишевскому, Головатому и Глобѣ смертной казни вѣчнымъ заточеніемъ въ монастырь, и его ходатайство было уважено. Мѣстомъ заключенія, какъ извѣстно, назначенъ былъ Соловецкій монастырь. Какъ видно изъ даты приводимаго письма, судьба послѣднихъ представителей Запорожья находилась въ нерѣшительности около году, считая отъ времени разоренія Сѣчи, и только спустя годъ они посланы были въ ссылку.

Самое письмо найдено нами въ копіи конца прошлаго столѣтія въ огромномъ, въ нѣсколько сотъ листовъ, сборникѣ всякаго рода документовъ, рѣчей, писемъ, стиховъ, выписокъ и пр., начатомъ еще въ 30-хъ годахъ XVIII ст. и переплетенномъ въ одну толстую книгу въ листъ, раздѣленную на 4-ре части съ оглавле-

ніемъ для каждой. Сборникъ этотъ принадлежитъ священнику с. Троицкаго, екатеринославской губерніи ананьевскаго уѣзда, о. Павлу Чеховичу и обязательно сообщенъ намъ С. Гр. Ярославскимъ. Мы будемъ пользоватся этимъ богатымъ источникомъ не разъ, а пока извлекаемъ изъ него любопытное ходатайственное письмо князя Потемкина за свое «товариство», къ которому онъ по кущевскому куреню принадлежалъ съ 1772 года.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашему императорскому величеству извѣстны всѣ дерзкіе поступки бывшаго Сѣчи Запорожской кошеваго Петра Калнишевскаго и его сообщниковъ судьи Павла Головатого и писаря Ивана Глобы, коихъ вѣроломное буйство столь велико, что не дерзаю уже я, всемилостивѣйшая государыня, исчисленіемъ онаго терзать нѣжное и человѣческое ваше сердце и при томъ не нахожу никакой надобности приступать къ каковымъ либо изслѣдованіямъ, имѣя явственнымъ доводомъ оригинальные къ старшинамъ ордера, изъявляющіе великое преступленіе ихъ предъ священнымъ вашего императорскаго величества престоломъ, которое по всѣмъ гражданскимъ и политическимъ законамъ заслуживаетъ по всей справедливости смертную казнь.

Но какъ всегдашняя блистательной души вашей спутница—добродѣтель побѣждаетъ суровость злобы кроткимъ и матернымъ исправленіемъ, то и осмѣливалось я всеподданнѣйше представить, не соизволите ли указать помянутымъ, преданнымъ праведному суду вашему, узникамъ, почувствовавшимъ тягость своего преступленія, объявить милосердное избавленіе ихъ отъ заслуживаемаго ими наказанія, а вмѣсто того, по изведанной уже опасности отъ ближняго пребыванія ихъ къ бывшимъ запорожскимъ мѣстамъ, повелѣть отправить ихъ на вѣчное содержаніе въ монастырѣ, съ произведеніемъ изъ поступившаго въ секвестръ бывшаго Запорожскаго войска имѣнія кошовому по рублю, а прочимъ по полуполтинѣ на день, остающееся же за тѣмъ обратить по всей справедливости на удовлетвореніе разоренныхъ ими вѣрноподданныхъ вашихъ рабовъ, кои, повинуясь божественному вашему предписанію, сносили буйство бывшихъ запорожцевъ безъ наймалѣйшаго сопротивленія, ожидая избавленія своего отъ десницы вашей и претерпѣвъ убытковъ болѣе, нежели на 200,000 рублѣвъ, коимъ и не оставлю я соразмѣрное дѣлать удовлетвореніе.

Всемилостивѣйшая государиня! Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ князь Потемкинъ.

На подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако: „Быть по сему“. 14 мая 1776 года.—Сарское Село.

Народное преданіе о Саввѣ Чаломъ.

Извѣстная пѣсня «Ой бувъ соби козакъ старый, по прозвищу Чалый» не забыта стариками въ херсонской губерніи. Одинъ изъ нихъ, крестьянинъ с. Лозоватки елисаветградскаго уѣзда, Яковъ Моисеевичъ Билашенко, знающій пѣсню въ варіантѣ не полномъ, въ поясненіе и дополненіе къ ней разсказываетъ преданіе, въ которомъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, въ качествѣ пособницы Савы, выступаетъ жена его, являющаяся здѣсь въ роли ворожеи. Сообщаемъ преданіе это по записи сына разсказщика, Т. Я. Билашенка, съ незначительными поправками въ стилѣ.

У Чалаго была жена—ворожея на картахъ и на квасоли. Какъ только гайдамаки подступали ближе къ его дому, она, ранѣе узнавъ о томъ по ворожбѣ, объявляла ему, и гайдамаки никогда не могли подойти къ нему ближе, «якъ на пьять гинъ». Чалый, узнавая о приближеніи ихъ отъ жены, или скрывался въ степь («подався въ стены», по словамъ пѣсни), или оборонялся «ляхивскою силою». Наконецъ гайдамаки пронюхали, что жена Савы «одгадуе по земли», откуда ждать ихъ, и придумали хитрость: передніе несли лозы терну, бросали подъ ноги и по немъ шли, слѣдующіе несли въ мѣшкахъ землю и кучами насыпали ее передъ собою, а задніе стлали солому. Но ворожея какъ-то почуяла приближеніе враговъ мужа и сказала ему: «одинъ загинъ гайдамакивъ стоитъ за тернами, другый стоить за горами, третій десь далеко за скиртами». Въ этомъ случаѣ, какъ видно, предвидѣніе ея было не вполнѣ точное, т. е. по признакамъ обманчивымъ, вслѣдствіе хитрости гайдамакъ, настоящее ихъ мѣстонахожденіе не было опредѣлено. Сава, думая, что враги далеко, «за тернами, за горами и за скиртами», сѣлъ писать «листы до ляхивъ», «ажь ось—и гайдамаки...»

Рифмованная форма ворожбы о приближеніи гайдамакъ какъ будто указываетъ на возможность существованія болѣе полныхъ варіантовъ пѣсни; очень можетъ быть, что и все приведенное преданіе представляетъ не иное что, какъ пересказъ прозою забытой части пѣсни.

В. Я.

Панская «пыха».

Въ малорусской средѣ, недалекой отъ народа, и въ самомъ народѣ обращается масса анекдотовъ сатирическаго, иногда злобно-саркастическаго характера, въ которыхъ осмѣиваются пороки польскихъ пановъ, ихъ жестокосердіе, лакомство, расточительность и скупость, обжорство и пьянство, не рѣдко глупота, а всего чаще тщеславіе и спѣсь. Народились они въ эпоху кровавой борьбы между двумя вмѣстѣ жившими племенами, изъ которыхъ одно было властвующимъ, а другая подвластнымъ, но всегда стремилось выбиться изъ подъ власти пановъ. Нѣтъ сомнѣнія, что основою многихъ изъ нихъ служили дѣйствительные случаи, а другіе были вымышлены по образцу ихъ. Съ теченіемъ времени разсказы обращались въ бродячіе анекдоты, удерживающіеся и доселѣ; но случалось нерѣдко, что разсказывающіе, для большей достовѣрности, пріурочивали ихъ къ данному мѣсту и времени.

Одинъ изъ такихъ анекдотовъ пришлось мнѣ слышать въ бытность мою на Волыни. Передававшіе мнѣ этотъ анекдотъ старались увѣрить меня, что это случай дѣйствительный и даже не очень давній, хотя сочиненность разсказа очевидна уже изъ самой такъ сказать его соли, основанной на постоянномъ употребленіи въ польской рѣчи слова *панъ* и примѣненіи этого слова, въ его соціальномъ значеніи, къ самому Богу. Для малорусскаго простолюдья, привыкшаго къ церковно-славянскому термину *Господь* въ примѣненіи къ Богу, названіе Бога паномъ кажется просто кощунственнымъ и во всякомъ случаѣ смѣшнымъ. Но вотъ какъ это выражено въ переданномъ мнѣ разсказѣ.

Лѣтъ 40 назадъ, говорили мнѣ, гдѣ-то въ окрестностяхъ Луцка проживалъ помѣщикъ полякъ, по имени Зенонъ N. По состоянію онъ былъ изъ мелкопомѣстныхъ, но по надменности и чванству далеко превосходилъ любого магната. Это былъ типичнѣйшій представитель «кичливаго ляха», въ родѣ тѣхъ старинныхъ польскихъ шляхтичей, которые не признавали никого выше себя и съ самими королями обращались за панибрата.

Однажды съ этимъ паномъ случилось такое приключеніе. Ѣхалъ онъ въ Луцкъ и вздумалъ переправиться черезъ рѣку Стырь по льду. Дѣло происходило на исходѣ зимы; ледъ оказался ненадеж-

нымъ, лошади провалились, и неосторожному пану навѣрное пришлось бы утонуть, если-бъ на его крикъ не подоспѣли люди изъ ближайшей деревни, которые и подали ему помощь. Видя въ этомъ случаѣ перстъ Божій, гордый панъ рѣшился достойно отблагодарить «*Pana Boga*» за свое спасеніе, такъ какъ не привыкъ оставаться въ долгу предъ кѣмъ-либо. На томъ мѣстѣ, гдѣ его вытащили изъ рѣки, онъ велѣлъ поставить высочайшую *фигуру* (крестъ) съ такою надписью:

Pan pana od śmierci wybawił;
Pan Panu figurę postawił.

Впослѣдствіи школьники изъ луцкаго уѣзднаго училища къ этому двустишію присоединили другое:

Nie bój się, durniu Zenonie:
Co ma wisic, nigdy nie utonie.

Разсказъ этотъ, будь въ основѣ его фактъ дѣйствительный, или вымышленный, во всякомъ случаѣ характеренъ какъ для среды, въ которой онъ возникъ, такъ и для той, къ которой примѣняется.

О. Л.

Малорусская „паленица".

Въ любопытной пѣснѣ, помѣщенной г. Пономаревымъ въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ, мы натолкнулись, кажется, на исключительное въ малорусской народной поэзіи явленіе женщины-богатыря, малорусской «палéницы». Пѣсня записана въ довольно искаженномъ и запутанномъ видѣ. Въ общихъ чертахъ ея содержаніе слѣдующее: козакъ Супрунъ попадаетъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ своимъ войскомъ къ бусурманамъ, пишетъ письмо къ сестрѣ, которая «почала своимъ добрымъ конемъ, якъ огнемъ, летити»; она гонитъ бусурмановъ «въ полонъ», освобождаетъ брата и упрекаетъ его за то, что онъ не предупредилъ ея о походѣ.

Не знаемъ, какъ кому, а намъ въ этомъ эпизодѣ слышится отзвукъ кіевскихъ былинъ о женщинахъ-воительницахъ,—типѣ очень обыкновенномъ въ русскомъ былевомъ эпосѣ (жена Ильи Муромца, Ставра, Дуная, Добрыни и т. д.).

Насколько былевыя «пале́ницы» отвѣчаютъ дѣйствительнымъ фактамъ жизни древне-русскаго общества, это вопросъ другой, къ сожалѣнію, очень мало у насъ разработанный. По современному его положенію въ наукѣ, трудно допустить, чтобы въ былевыхъ «пале́ницахъ» отражалась дѣйствительная древне-русская жизнь, а скорѣе можно видѣть въ созданіи этихъ типовъ вліяніе постороннее. Женщины-воительницы встрѣчаются въ средневѣковомъ византійскомъ эпосѣ (Максимо въ «Дигенисѣ», въ «Александріи» амазонки): констатированное вообще ихъ вліяніе на русскую народную поэзію могло имѣть мѣсто и въ данномъ случаѣ. Помимо того до созданія такихъ типовъ могло дойти наше народное міровоззрѣніе и путемъ общимъ, создавая для своего героя-богатыря чудесную житейскую обстановку: у богатыря необыкновенный конь, необыкновенное оружіе; и родится онъ, и живетъ, и умираетъ не такъ, какъ простые смертные. Естественно, что народное воображеніе надѣляетъ его и необыкновенной женой, сестрой, матерью...

Первоначально «пале́ницами» назывались богатыри-мужчины: грамматическій родъ названія, его женское окончаніе могло также производить давленіе на созданіе сказаній о женщинахъ-воинахъ, когда это слово начало выходить изъ употребленія, забываться. Кстати замѣтимъ, что любовная связь богатырей съ «пале́ницами», встрѣчающаяся какъ въ византійскомъ, такъ и въ русскомъ эпосѣ, есть, по всему вѣроятію, отзвукъ одной изъ древнихъ формъ умыканія жены изъ другаго рода путемъ насилія, борьбы, захвата.

При всей своей незначительности и неясности заинтересовавшій насъ фактъ даетъ новый поводъ къ постановкѣ очень любопытнаго вопроса объ «отзвукахъ старо-кіевскаго эпоса въ позднѣйшей малорусской поэзіи».

В. К—шъ.

Любечъ, 27 іюля 1887 г.

Спасибо тебѣ, старый Любечъ! Усталый
Отъ столичныхъ невзгодъ, я въ тебѣ отдыхалъ.
Какъ любилъ я бродить по аллеѣ тѣнистой,

По часамъ любовался на Днѣпръ серебристый,
Полной грудью я воздухъ Украйны вдыхалъ.

—

Часто въ ночи безсонныя роемъ нестройнымъ
Позабытыя тѣни неслись предо мной,
То съ дружиною своей Святополкъ окаянный
Изъ за озера мчится, то гимнъ покаянный
Изъ пещеры Антонія слышенъ порой.

—

То мелькнетъ предо мной этотъ образъ неясный
Старика честолюбца Мазепы. Вотъ онъ
Изнываетъ подъ лаской козачки прекрасной,
Вотъ готовитъ Россіи свой замыселъ ужасный,
То несется какъ вихрь на конѣ боевомъ.

—

О, сѣдыя преданья, преданья Украйны!
Все въ васъ дышетъ величьемъ прошедшихъ вѣковъ,
Сколько кроется въ васъ неразгаданной тайны,
Сколько славы зарыто въ могилахъ случайныхъ
Этихъ рыцарей Руси родной—козаковъ!

—

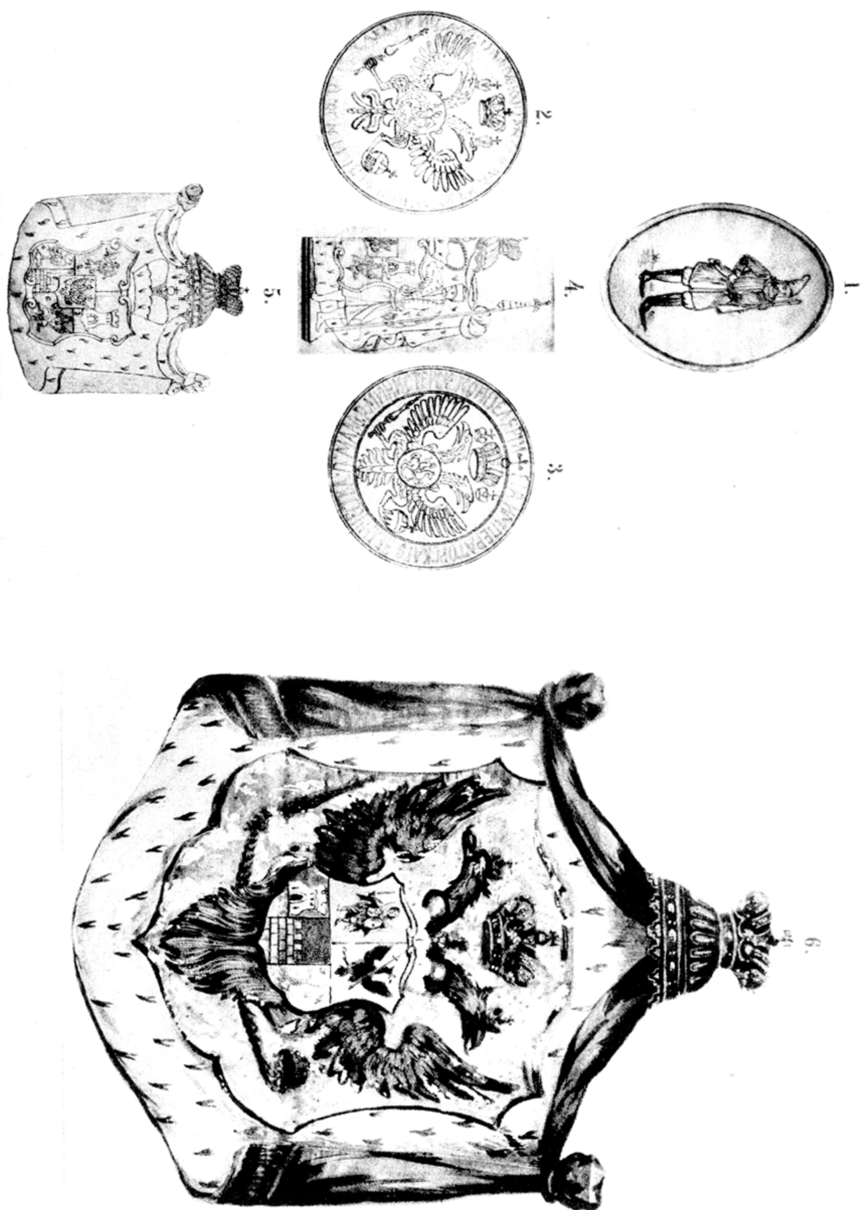
Такъ спасибо тебѣ, старый Любечъ! Быть можетъ,
Никогда не увижу я больше тебя;
Если-жъ сердце мое вновь кручина загложетъ,
Если злая судьба свои цѣпи наложитъ,
На усталую грудь, мои грезы сгубя,

—

Помяну я тебя, помяну твои ласки,
Теплымъ словомъ, а можетъ горячей слезой!
Твое солнце горячее мнѣ улыбалось,
Подъ лучемъ серебристымъ луны засыпалось,
Какъ подъ ласками мамы родимой моей.

И. Плотниковъ.

Малороссійскія печати.

Приложеніе къ сентябрьской книжкѣ „Кіевск. Стар." 1887 г.

Отъ редакціи.

Журналъ „**Кіевская Старина**" выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ*, *Михайловская улица*, *домъ № 12-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.